

РЕШЕНИЯ
конституционных судов и эквивалентных
институтов, озвученных на 6-м Конгрессе
Ассоциации азиатских конституционных
судов и эквивалентных институтов

СОДЕРЖАНИЕ

Решения Конституционного Суда Индонезии	3
Решения Федерального Суда Малайзии.....	13
Решения Конституционного Суда Турции	36
Решения Конституционного Суда Кореи.....	58
Решения Конституционного Суда Российской Федерации	60
Решения Верховного Суда Индии	139
Решения Конституционного Суда Таиланда.....	156
Решения Верховного Суда Пакистана	163

Конституционный Суд Индонезии

Охрана окружающей среды

Дело № 35/PUU-XXI/2023 Общество с ограниченной ответственностью (PT) Gema Kreasi Perdana

В деле № 35/PUU-XXI/2023 Общество с ограниченной ответственностью (PT) Gema Kreasi Perdana в качестве Заявителя подало судебный пересмотр нормы, запрещающей добычу полезных ископаемых в прибрежных районах и малых островах, содержащейся в пункте (2) статьи 23 и пункте k статьи 35 Закона об управлении прибрежными районами и малыми островами, в соответствии с Конституцией Республики Индонезия 1945 года. По сути, Заявитель пояснил, что в Решении Верховного суда Республики Индонезия была допущена ошибка в толковании, согласно которому запрет на добычу полезных ископаемых в прибрежных районах и на малых островах является безусловным, в связи с чем Заявителю угрожает невозможность продолжать свою предпринимательскую деятельность.

Что касается просьбы об ослаблении запрета на добычу полезных ископаемых в прибрежных районах и на малых островах, то Конституционный суд с учетом исходных обстоятельств постановил, что Индонезия является страной-архипелагом, которая также состоит из прибрежных районов и небольших островов, которые, как правило, обладают разнообразным потенциалом природных ресурсов в качестве дара от Всемогущего Бога. в том числе в качестве буфера для суверенитета индонезийской нации. Если небольшие острова на территории унитарного государства Республика Индонезия не будут управляться должным образом, они постепенно исчезнут или затонут.

Поэтому прибрежные районы и малые острова необходимо сохранять и использовать для наибольшего процветания людей, как для нынешнего поколения, так и для будущих поколений.

Охрана прибрежных районов и малых островов осуществляется в соответствии с мандатом, содержащимся в пункте 3 статьи 33 Конституции Республики Индонезия 1945 года, который гласит, что «земля, вода и природные ресурсы, содержащиеся в них, контролируются государством и используются для наибольшего благосостояния народа». Это положение является конституционной основой для реализации социальной справедливости в управлении природными ресурсами. Кроме того, чтобы подтвердить важность баланса между окружающей средой, экономикой и социальной справедливостью, норма пункта (4) статьи 33 Конституции Республики Индонезия 1945 года гласит, что «национальная экономика организуется на основе экономической демократии на принципах единства, эффективности со справедливостью, устойчивости, экологического понимания, независимости, а также путем поддержания баланса прогресса и национального экономического единства». Это означает, что нельзя отрицать

цель благосостояния народа, предусмотренную в пункте 3 статьи 33 Конституции Республики Индонезия 1945 года, поскольку она очень зависит от устойчивости ресурсов природного капитала и здоровых экосистем, поэтому важно поддерживать и использовать природные ресурсы устойчиво, а также поддерживать состояние экосистемы, чтобы она оставалась здоровой. Положения пункта 4 статьи 33 Конституции Республики Индонезия 1945 года требуют устойчивого развития, учитывающего экологические и справедливые требования.

Конституционный Суд в своем решении отметил, что одной из важных характеристик малых островов и прибрежных территорий является то, что их экосистемы являются одними из наиболее уязвимых к экстремальным явлениям, вызванным изменением климата. Основываясь на всестороннем академическом исследовании, он показывает, что малые острова имеют очень высокий экологический риск и очень уязвимы к загрязнению и ущербу из-за стихийных бедствий или изменений окружающей среды, как естественных, так и неестественных. Кроме того, прибрежные районы также очень уязвимы к экологическому давлению со стороны моря и суши.

Кроме того, в Постановлении Конституционного суда № 35/PUU-X) (I/2023) подчеркивается, что управление природными ресурсами не просто уделяет внимание принципу эффективности для получения максимальных результатов, не говоря уже о том, чтобы приносить пользу только небольшой группе владельцев капитала, но должно иметь возможность улучшать благосостояние людей справедливым образом. Поэтому при управлении прибрежными районами и малыми островами, которые являются очень уязвимыми, она должна осуществляться осторожно, чтобы ее деятельность не причинила очень опасного ущерба или не была включена в доктрину аномально опасной деятельности. Это означает, что в случае заинтересованности в управлении прибрежными районами и малыми островами, которые имеют последствия для экономического роста и наносят ущерб окружающей среде, если они сталкиваются с интересами поддержания экологической устойчивости, то поддержание и сохранение экологической устойчивости должно быть приоритетом.

Учитывая уязвимость малых островов и прибрежных районов, Конституционный суд считает, что использование малых островов и окружающих их вод все еще возможно, если управление малыми островами не угрожает экологической устойчивости. Таким образом, интересы использования, отличные от приоритетных, должны удовлетворять совокупным требованиям, а именно:

- A. выполнение требований экологического менеджмента;
- B. обратить внимание на пропускную способность и устойчивость местной системы водоснабжения;
- C. использовать экологически чистую технологию; и
- D. обратить внимание на законодательство, связанное с использованием небольших островов и окружающих их вод.

Требования направлены на то, чтобы предотвратить попадание интересов малых островов и окружающих их вод, которые могут нанести ущерб экологической устойчивости и нанести ущерб конституционным правам народа, гарантированным Конституцией, в том числе угрожать суверенитету унитарного государства Республика Индонезия. К таким угрозам относятся действия, которые соответствуют элементам аномально опасной деятельности, которая может причинить обширный и постоянный ущерб и не может быть восстановлена до своего первоначального состояния. Это неотделимо от цели принятия Закона об управлении прибрежными районами и малыми островами, а именно в защите, сохранении, восстановлении, использовании и устойчивом обогащении прибрежных ресурсов и малых островов и их экологических систем.

Таким образом, в данном случае Конституционный Суд оценил все виды деятельности, которые не направлены на поддержание жизнедеятельности экосистемы над ней, включая, но не ограничиваясь интересами, не относящимися к числу приоритетных, в данном случае добычу полезных ископаемых, которые могут быть отнесены к категории аномально опасных видов деятельности, осуществление которых в доктрине экологического права должно быть запрещено. Конституционный суд считает, что положения не было доказано, что пункт (2) статьи 23 и пункт (к) статьи 35 Закона об управлении прибрежными районами и малыми островами, которые оспаривал Заявитель, противоречат справедливой правовой определенности и дискриминационному обращению, как это предусмотрено пунктом (1) статьи 28D и пунктом (2) статьи 281 Конституции Республики Индонезия 1945 года. не так, как утверждает заявитель. Таким образом, Конституционный Суд отклонил жалобу заявителя в полном объеме.

Социальное развитие

Дело № 22/PUU-XV/2017 Энданг Васринах, Марьянти и Расмина

В деле № 22/PUU-XV/2017 Энданг Васринах, Марьянти и Расмина, которые работают домохозяйками, подали петицию. Трое заявителей вступили в брак в возрасте от 13 до 14 лет, однако после вступления в брак заявители столкнулись с экономическими трудностями и бросили школу. Заявители оспаривают пункт (1) статьи 7 Закона № 1 от 1974 года о браке (Закон о браке), который содержит положение: «Брак разрешается только в том случае, если мужчина достиг возраста 19 (девятнадцати) лет, а женщина достигла возраста 16 (шестнадцати) лет». По мнению заявителей, эта норма считается формой дискриминации в отношении женщин, поскольку в ней установлен более низкий возрастной предел для вступления в брак, чем у мужчин.

Что касается петиции, связанной с потенциальным увеличением числа детских браков, то Конституционный суд посчитал, что это вызовет трудности для государства в реализации соглашения о новой всеобщей повестке дня в области развития, как указано в документе «Преобразование нашего мира:

Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (ЦУР), который содержит 17 целей со 169 задачами. Определенные цели являются желательными и глобальными, в то время как правительство каждой страны может устанавливать свои собственные национальные цели, руководствуясь духом на глобальном уровне, но с поправкой на национальную ситуацию. Цель согласования этого документа по ЦУР заключается в том, чтобы к 2030 году никто не был забыт в контексте борьбы с бедностью, одной из которых является сокращение числа детских браков, как указано в Пятой цели ЦУР, а именно «Достижение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек». Одной из целей, которые должны быть достигнуты в рамках Цели 5.3 ЦУР, является искоренение детских браков (Искоренение всех вредных практик, таких как детские, ранние и принудительные браки).

Конституционный Суд отметил, что развитие индонезийской государственной системы, ознаменовавшееся внесением поправок в Конституцию Республики Индонезия 1945 года в 1999-2002 годах, привело к усилению гарантии и защиты прав человека в Конституции с включением в нее статей о гарантиях прав человека, в том числе права на создание семьи и прав детей. Гарантия и защита прав человека, о которых идет речь, также являются национальным соглашением и четко сформулированы в Конституции. Укрепление гарантий и защиты прав человека требует от индонезийской нации корректировки прежней правовой политики, которая больше не соответствует изменениям в законодательстве и обществе. В этом случае, в том числе, если существуют легальные продукты, которые содержат различное обращение в зависимости от расы, религии, этнической принадлежности, цвета кожи и пола, то они также должны быть скорректированы в соответствии с пожеланиями Конституции Республики Индонезия 1945 года, которая является антидискриминационной.

Конституционный Суд считает, что детский брак является формой нарушения прав детей, которая может причинить вред. Это право фактически гарантируется пунктом 2 статьи 28В Конституции Республики Индонезия 1945 года, согласно которому «каждый ребенок имеет право на выживание, рост и развитие и имеет право на защиту от насилия и дискриминации». Кроме того, в Законе о защите детей также подчеркивается, что права детей являются частью прав человека, которые должны гарантироваться, защищаться и осуществляться родителями, семьей, обществом, государством, правительством и местными органами власти. Детям, чьи права должны быть гарантированы, защищены и реализованы, еще не исполнилось 18 (восемнадцать) лет.

Конституционный Суд считает, что пункт 1 статьи 7 Закона о браке является дискриминационным, поскольку разница в содержащемся в нем минимальном возрастном цензе для вступления в брак привела к тому, что женщины сталкиваются с иным обращением по сравнению с мужчинами при осуществлении своих конституционных прав, как гражданских, так и политических, а также экономических, социальных и культурных прав,

исключительно по признаку пола. К числу конституционных прав, о которых идет речь, относятся следующие:

А. Право на равенство перед законом

Право на равенство перед законом, содержащееся в пункте 1 статьи 28D Конституции 1945 года, может быть нарушено, поскольку в соответствии с Законом о защите детей возраст 16 лет для женщины по-прежнему классифицируется как ребенок, в то время как в Законе о браке минимальный возраст для вступления женщины в брак составляет 16 лет, при этом в случае вступления в брак их статус меняется на статус совершеннолетнего. в то время как для мужчин такая перемена возможна только в том случае, если они вступили в брак в возрасте 19 лет;

Б. Права женщин на рост и развитие в детском возрасте

Права женщин на рост и развитие в детском возрасте были гарантированы пунктом 2 статьи 28B Конституции 1945 года и могут быть нарушены из-за норм, которые вызывают различное отношение к женщинам и мужчинам, где мужчины будут пользоваться правом расти и развиваться в детстве в течение более длительного периода времени по сравнению с женщинами, поскольку Закон о браке позволяет женщине вступать в брак в возрасте 16 лет, в то время как мужчинам это разрешено вступить в брак в возрасте 19 лет;

В. Право женщин на возможность получить образование наравне с мужчинами

Право женщин на возможность получить образование также может быть ограничено, поскольку, если женщине будет разрешено вступать в брак в возрасте 16 лет, ее доступ к образованию, как правило, будет более ограничен по сравнению с мужчинами. даже просто получить базовое образование несмотря на то, что право на образование является конституционным правом каждого гражданина в соответствии с пунктом 1 статьи 28C Конституции 1945 года, которым он должен пользоваться наравне с мужчинами. В связи с этим женщина, которая не получает базового образования, потенциально будет считаться нарушившей свои конституционные обязанности, поскольку в соответствии с пунктом 2 статьи 31 Конституции 1945 года каждый гражданин должен получить базовое образование. Это означает, что если минимальный возрастной предел для вступления в брак для женщин будет сохранен в 16 лет, то это не будет соответствовать программе правительства в отношении обязательного 12-летнего образования, поскольку, если женщина выйдет замуж в возрасте 16 лет, она потеряет возможность получить 12-летнее образование.

Исходя из этих трех прав, регулирование различных минимальных возрастных пределов для вступления в брак между мужчинами и женщинами не только приводит к дискриминации в контексте осуществления права на создание семьи, гарантированного пунктом 1 статьи 28B Конституции Республики Индонезии 1945 года, но и вызывает дискриминацию в отношении защиты и осуществления прав детей, гарантированных пунктом статьи 28B (2) Конституции Республики Индонезия 1945 года. В этом случае,

когда минимальный возраст для вступления в брак для женщин ниже, чем для мужчин, юридически женщины могут быстрее создать семью. Это отличается от минимального возрастного предела для вступления в брак для мужчин, который требует более длительного ожидания, чем для женщин. Кроме того, разница в минимальном возрастном пределе предоставляет мальчикам больше возможностей для осуществления своих прав в качестве детей, поскольку минимальный возрастной предел для вступления в брак для мужчин превышает минимальный возраст для детей, регулируемый Законом о защите детей.

В то же время для женщин минимальный возрастной предел, который ниже возраста ребенка, может привести к тому, что дети не смогут в полной мере пользоваться своими правами как дети в возрасте детей, о чем говорилось выше. Конституционный суд также отметил различия и несоответствия в ряде законов, регулирующих возрастной ценз для детей, который в Законе о браке не может быть отделен от брачного возраста. В данном случае несоответствие, о котором идет речь, ясно прослеживается в положениях, содержащихся, в частности, в Законе о защите детей. Пункт 1 статьи 7 Закона о браке гласит: «Вступление в брак разрешается только в том случае, если мужчина достиг возраста 19 (девятнадцати) лет, а женщина достигла возраста 16 (шестнадцати) лет». Между тем, статья 1 пункт 1 Закона о защите детей гласит: «Ребенком считается лицо, которому еще не исполнилось 18 (восемнадцать) лет, в том числе ребенок, который все еще находится в утробе матери». Таким образом, возрастной предел для вступления в брак для женщин, предусмотренный в пункте 1 статьи 7 Закона о браке, а именно достижение женщинами возраста 16 (шестнадцати) лет, по-прежнему классифицируется как детский в соответствии со статьей 1 пункта 1 Закона о браке.

Закон о защите детей. В связи с этим Конституционный Суд считает, что брак, заключенный ниже установленного в Законе о защите детей возраста, является детским браком.

Если рассматривать их в более широком контексте, то детские браки, скорее всего, будут угрожать детям, в том числе их здоровью, и оказывать на них негативное влияние, поскольку идеальный предел репродуктивной зрелости еще не достигнут. Дело не только в том, что касается здоровья, но и в браках, которые не превышают возрастного предела для детей, с большой вероятностью приведут к эксплуатации детей и усилению угроз насилия в отношении детей. Прежде всего, детские браки окажут негативное влияние на образование детей. В пределах разумных рассуждений, если образование детей находится под угрозой, это может поставить под угрозу одну из целей государства, изложенную в преамбуле к Конституции Республики Индонезия 1945 года, а именно образование нации в жизни, чего будет трудно достичь, если количество детских браков не будет предотвращено таким образом.

Конституционные гарантии прав детей порождают обязательства всех сторон, включая родителей, семью, правительство и государство, по защите, уважению и реализации прав детей. В то же время эти обязательства

сопровожаются и гарантиями прав детей в период их ухода за детьми. В этой связи Конституционный Суд считает, что права детей на свободу от всех форм дискриминации/обращения; эксплуатация, как экономическая, так и сексуальная, пренебрежение, жестокость, насилие и жестокое обращение, а также несправедливость, как это предусмотрено статьей 13 Закона о защите детей, должны обеспечиваться гарантиями правовой определенности в отношении отсутствия детских браков. В то время, когда правовая политика в пункте 1 статьи 7 Закона о браке открывала пространство для детских браков, эта норма фактически предоставляла возможность для эксплуатации детей, как в экономическом, так и в сексуальном плане.

Несмотря на то, что положения пункта 1 статьи 7 Закона о браке представляют собой дискриминационную правовую политику по признаку пола, Конституционный суд не может сразу определить минимальный возрастной предел для вступления в брак. Конституционный суд лишь подчеркнул, что политика, которая дифференцирует минимальный возраст для вступления в брак между мужчинами и женщинами, является дискриминационной, но определение предельного возраста для вступления в брак остается сферой правовой политики законодателей, где политика, связанная с определением минимального возраста. Лимит для вступления в брак может измениться в любое время в соответствии с требованиями развития различных аспектов общества. Предположим, что Конституционный Суд определяет определенный возрастной ценз по просьбе Заявителей. В таком случае это, безусловно, помешает законодателям вносить изменения, когда им придется приспособливаться к развитию общества.

Несмотря на то, что определение минимального возраста вступления в брак является правовой политикой законодателей, законодатели должны тщательно следить за тем, чтобы такая политика не создавала правовой неопределенности в отношении защиты прав детей как части прав человека. Какая правовая неопределенность возникнет из-за различий в определении возрастного ценза для детей. Законодатели должны быть последовательны в выборе правовой политики в отношении возраста ребенка. Кроме того, в Постановлении Конституционного суда № 22/PUU-XV/2017 Конституционный суд указал, что удовлетворил ходатайство заявителей частично. Он заявил, что пункт (1) статьи 7 вместе с фразой «возраст 16 (шестнадцать) лет» Закона о браке противоречит Конституции Республики Индонезия 1945 года и не имеет обязательной юридической силы. Кроме того, Конституционный суд указал, что положения части (1) статьи 7 Закона № 13 от 2017 года о браке остаются в силе до тех пор, пока изменения не будут внесены по истечении срока, определенного в этом решении, и обязал законодателей внести изменения в Закон о браке в течение максимум 3 (трех) лет. Особенно в отношении минимального возраста вступления в брак для женщин.

Экономическое развитие

Дело No 129/PUU-XIII/2015

В деле No 129/PUU-XIII/2015 заявители подали ходатайство на основании положений части (1) и (3) статьи 36С, части (1) статьи 36D и части (1) статьи 36Е Закона No 41 от 2014 года о поправках к Закону No 18 от 2009 года о животноводстве и здоровье животных (Закон о животноводстве и здоровье животных), который по сути содержит положения о системе зон при определении ввоза/ввоза скота или скота/продуктов животного происхождения в страну, что, по мнению заявителей, представляет риск угрозы безопасности, безопасность людей, животных и окружающей среды, тем самым нарушая конституционные права Заявителей как животноводов, торговцев скотом, ветеринарных врачей и потребителей продукции животноводства. В связи с этим заявители просили включить строгие условия при импорте животноводческой продукции. После того, как Конституционный Суд рассмотрел представленные заявителями нормы, было установлено, что конституционных проблем нет, поскольку они включали в себя условия и ограничения на использование системы зон. Тем не менее, при осуществлении импорта продуктов животного происхождения Конституционный суд считает необходимым предоставить подтверждение условий импорта продуктов животного происхождения, тем более, что часть (1) статьи 36Е Закона о животноводстве и здоровье животных, которая также запрашивается в этом заявлении, разрешает импорт продуктов животного происхождения из стран или зон внутри страны при определенных обстоятельствах.

Конституционный суд считает, что вопрос ввоза скота и/или продуктов животного происхождения из-за рубежа на территорию унитарного государства Республика Индонезия, особенно происходящих из зон внутри страны, также должен основываться на требованиях максимальной безопасности. На основании экспертных заключений и фактов в ходе судебного разбирательства выяснилось, что нынешнее правительство действительно технически подготовило упреждающие меры, связанные с импортом мяса в Индонезию, однако это не обязательно гарантирует, что вспышки болезней не могут быть полностью гарантированы без проникновения в Индонезию.

После того, как Суд рассмотрел заключения экспертов, связанные с практикой импорта мяса, было установлено, что при осуществлении импорта, если объем внутреннего производства мяса не соответствует общим национальным потребностям, то необходимо выбрать путь импорта из других стран либо на основе страновой системы (из конкретной страны), либо с помощью зональной системы (из конкретной зоны внутри страны). Тем Конституционный суд отметил, что это является реализацией ответственности государства в удовлетворении потребностей общества в потреблении продуктов питания, особенно в наличии продуктов животного происхождения. Такие важные действия являются частью усилий по созданию социального обеспечения, которое является обязанностью государства

прилагать максимальные усилия, чтобы ни один гражданин не был лишен доступа к удовлетворению своих жизненных потребностей. Однако удовлетворение этих потребностей не должно отрицать права граждан на получение защиты от всех видов инфекционных заболеваний, которые проникают на территорию Республики Индонезия через международную торговую деятельность, в данном случае на импорт продуктов животного происхождения, где конституционные права граждан на проживание в условиях благосостояния в здоровой окружающей среде гарантированы пунктом 1 статьи 28Н Конституции Республики Индонезия, который гласит: «Каждый человек имеет право жить в достатке физически и умственно, иметь место для жизни, иметь хорошую и здоровую среду обитания и имеет право на получение медицинских услуг». Таким образом, чтобы избежать проникновения ящура, каждый необходимый импорт продуктов животного происхождения должен иметь сертификат свободы от ящура (РМК) от ветеринарного органа страны происхождения в соответствии с положениями, установленными Всемирным агентством по охране здоровья животных и признанными индонезийским ветеринарным органом.

В международной среде принцип предосторожности при импорте проявляется и в соглашениях и положениях Всемирной торговой организации (ВТО), в которых по сути указано, что каждая страна-член ВТО имеет право на защиту жизни и здоровья человека, животных и растений на своей территории путем реализации технических требований к здоровью животных и здоровья растений в соответствии с соглашением СФС (Санитарное и фитосанитарное) соглашение. Принципы, содержащиеся в СФС, заключаются в гармонизации, эквивалентности и прозрачности. Государство должно применять принцип максимальной осторожности и безопасности при ввозе любых товаров извне на территорию унитарного государства Республика Индонезия. Таким образом, импорт продуктов животного происхождения на территорию унитарного государства Республика Индонезия, особенно через систему зон, должен рассматриваться как временное решение, которое может быть осуществлено только при определенных обстоятельствах. Статья 36Е параграф (1) Закона о животноводстве и здоровье животных гласит: «В определенных случаях, при сохранении внимания к национальным интересам, может осуществляться импорт скота и/или продуктов животного происхождения из страны или зоны внутри страны, которая выполнила требования и процедуры для импорта скота и/или продуктов животного происхождения». В пояснении к пункту (1) статьи 36Е Закона о животноводстве и здоровье животных говорится: «Под «в определенных случаях» подразумевается неотложная ситуация, в том числе, среди прочего, в связи со стихийным бедствием, когда община нуждается в поставках скота и/или продуктов животного происхождения». Это условие должно быть применено при использовании зональной системы, когда страна импортирует продукты животного происхождения на территорию унитарного государства Республика Индонезия, чтобы в противоположность Конституционный суд считал, что без выполнения условий, изложенных в пункте 1 статьи 36Е и его

пояснении, импорт продуктов животного происхождения из зоны внутри страны или с зональной системой на территорию унитарного государства Республика Индонезия является неконституционной.

Так, в Постановлении No 129/PUU-XIII/2015 Конституционный суд удовлетворил ходатайство заявителей частично и указал, что часть (1) статьи 36Е Закона No 36Е Закон No 41 от 2014 года о поправках к Закону No 18 от 2009 года о животноводстве и здоровье животных условно противоречит Конституции Республики Индонезия 1945 года и не имеет обязательной юридической силы до тех пор, пока он не толкуется так, как это было учтено Конституционным судом в решении. Кроме того, в деле No 105/ПУП-XX/2022 с тем же вопросом о ввозе скота и/или продуктов животного происхождения из страны или зоны в пределах страны, Конституционный суд в деле 105/ПУУ-XX/2022 напомнили о важности государственного суверенитета в области продовольственной безопасности для общества, где управление и торговля продукцией животноводства должны поддерживаться как с точки зрения количества, так и качества. Аспект количества животноводческой продукции требует серьезного внимания со стороны правительства, чтобы обеспечить наличие отечественной животноводческой продукции в достаточном количестве, расширить возможности отечественных животноводов и подчеркнуть важность поддержки со стороны государства и правительства для отечественных животноводов.

Конституционный суд считает, что поддержка государством и правительством отечественных животноводов имеет важное значение для поощрения и создания управления и торговли отечественными продуктами животноводства, чтобы они хорошо росли, животноводство становилось более увлекательным, инновации в секторе животноводства были более продвинутыми как за счет методов интенсификации, так и за счет методов интенсификации животноводческой продукции. Снижается зависимость от импортозамещения, благоприятствует животноводческий климат, повышается благосостояние животноводов. Что касается качества, животноводческая продукция должна соответствовать максимальным санитарным нормам, чтобы избежать вспышек заболеваний, которые могут нанести вред всем сторонам.

Этот аспект является обязанностью Правительства вместе с животноводами и предпринимателями в секторе животноводства работать вместе, чтобы выполнять усилия и процедуры, которые соответствуют стандартам здоровья скота, руководствуясь принципами максимальной осторожности и безопасности. Кроме того, необходимо усилить надзор, как внутри Правительства, так и за его пределами со стороны Палаты представителей, в отношении реализации политики импорта, проводимой государством таким образом, чтобы не наносить ущерб национальным интересам, особенно окружающей среде и здоровью населения.

Кроме того, Конституционный Суд повторно процитировал соображения Постановления Конституционного Суда No 129/ПУУ-ХІІІ/2015, которое было оглашено на открытом для публики пленарном заседании 7

февраля 2017 года, поскольку вопрос о неконституционности нормы статьи, запрашиваемой заявителями, а также доводы или доводы, использованные в качестве основания для запроса заявителей, по существу совпадают. Правовые соображения в решении также становятся юридическими соображениями по делу о разъяснении части (1) статьи 36Е Закона 41/2014. Таким образом, аргументация запроса юридически необоснованно. Основываясь на нескольких примерах, приведенных выше решений Конституционного суда, он показывает важность роли Конституционного суда в надзоре и поддержании Конституции Республики Индонезия 1945 года и защите конституционных прав граждан, которые также содержат и пересекаются с принципами и целями устойчивого развития.

Федеральный Суд Малайзии

Дело Tan Tek Seng v Suruhanjaya Perkhidmatan Pendidikan & Another¹

Первым основополагающим положением Федеральной конституции является статья 5. Он гарантирует право на жизнь и личную свободу. Жизнь – это высшее право человека. Наши суды придали статье 5 широкое толкование в контексте защиты социально-экономических прав. Основопологающим авторитетом в этом контексте является решение Апелляционного суда по делу Tan Tek Seng.

В этом деле директор государственной школы был уволен на том основании, что он был осужден, хотя после апелляции он был позже освобожден под залог за хорошее поведение. Несмотря на это, в результате его осуждения правительство уволило его с работы.

Апелляционный суд пришел к выводу, что его увольнение с государственной службы является несоразмерным наказанием. Центральное место в его суждении занимало представление о том, что право на жизнь следует толковать широко, с тем чтобы оно включало в себя право на «качество жизни». Именно такое решение постановил Апелляционный суд. 14

“...Слово «Лифе», фигурирующее в пункте 1 статьи 5, не относится к простому существованию. Она включает в себя все те грани, которые являются неотъемлемой частью самой жизни, и те материи, которые формируют качество жизни. К их числу относится право искать и заниматься законной и приносящей доход работой и получать те блага, которые наше общество может предложить своим членам. Он включает в себя право жить в разумно здоровой и свободной от загрязнения окружающей среде».

Приведенный выше отрывок является наглядным примером того, как конституционное правосудие укрепляется за счет расширения определения слова «жизнь», используемого в статье 5 Федеральной конституции.

¹ Tan Tek Seng v Suruhanjaya Perkhidmatan Pendidikan & Anor [1996] 1 MLJ 261.

В частности, Апелляционный суд не только защитил права истца в этом деле, но и предоставил существу этого права максимально широкое толкование, включая право на чистую окружающую среду. В конце концов, в дополнение к развитию человечества и обществ, это олицетворение защиты окружающей среды.

Дело Trellises

В этом деле многочисленные тяжущиеся стороны подали в суд на местные власти за их планы по перепланировке территории под названием Таман Римба Киара — общественного парка. Федеральный суд выдвинул многочисленные принципы, в том числе обширный анализ местных законов о планировании и того, как они должны применяться. Кроме того, Федеральный суд либерализовал определение *locus standi* в законе, позволив любому лицу, пострадавшему или утверждающему, что оно пострадало от разрушений, причиненных парку, подать иск. Тем самым Федеральный суд еще раз подчеркнул важность законодательства о планировании и соблюдения планов развития. Это решение говорит не только о городском и сельском планировании, но и об общем положительном влиянии на устойчивое развитие. Это позволяет судам приводить в исполнение планы развития, что имеет последующий эффект защиты права на окружающую среду и устойчивого развития наших городов и поселков в случаях необъяснимых отклонений от юридически признанного плана развития. Кроме того, не только разработав правило широкого *locus standi*, но и применив более широкий критерий, Федеральный суд подтвердил важное понятие доступа к правосудию.

Дело Мухамад Джузаили бин Мохд Хамис и Орс против правительства штата Негери Сембилан и Орс²

Группа мужчин, страдающих «расстройством гендерной идентичности», подала заявление о судебном пересмотре, оспаривая конституционность законодательного акта, принятого законодательным собранием штата Негери-Сембилан, запрещающего им переодеваться. Их иск был основан на аргументе о том, что применение этого закона сделало их объектом преследования в нарушение (среди прочего) их права на неприкосновенность частной жизни, подразумеваемого статьей 5 Федеральной конституции, и их права на выражение своего мнения в соответствии со статьей 10. Апелляционный суд согласился с ними по всем пунктам и отменил запрещающий их закон как неконституционный.

Краткое изложение дела и результат

Федеральный суд Малайзии рассмотрел дело с участием Мухамада Джузаили бин Мохд Хамиса, Шукура бин Джани и Вана Файрола бин Вана

² М [2015] 3 MLJ 513.

Исмаила, трех лиц с диагнозом расстройство гендерной идентичности, которые оспаривали конституционность раздела 66 Уголовного закона Негери-Сембилан Шариат 1992 года. Это положение запрещало мужчинам носить женскую одежду в общественных местах. Апелляционный суд ранее объявил раздел 66 неконституционным, сославшись на нарушения нескольких статей Федеральной конституции. Однако Федеральный суд отменил это решение, постановив, что оспаривание действительности или конституционности законодательства штата должно соответствовать определенным процессуальным требованиям и не может осуществляться посредством сопутствующей атаки в ходе судебного надзора без разрешения судьи Федерального суда. Поскольку ответчики не выполнили эту процедуру, Суд счел судебный надзор некомпетентным и удовлетворил апелляцию исключительно на основании процессуального несоблюдения.

Факты

Мухамад Джузаили Бин Мохд Хамис, Шукур Бин Джани и Ван Файрол Бин Ван Исмаил, трое ответчиков, являются мусульманами, которые выражали себя как женщины, надевая одежду (ассоциируемую с женственностью) и нанося макияж. Согласно пониманию дела Судом, у ответчиков диагностировано медицинское состояние, известное как расстройство гендерной идентичности («гендерная дисфория»).

Ранее, в 1992 году, законодательный орган штата Негери-Сембилан принял Закон о шариате 1992 года о преступлениях (Negeri Sembilan). Раздел 66 гласит, что «Любой мужчина, который в любом общественном месте носит женскую одежду или выдает себя за женщину, считается виновным в совершении преступления и подлежит наказанию в виде штрафа в размере не более 1000 ринггитов или тюремного заключения на срок не более шести месяцев, или и того, и другого».

Три ответчика подверглись преследованиям и аресту со стороны исламских сотрудников правоохранительных органов. Ответчики подали ходатайство о судебном пересмотре в Высокий суд Негери-Сембилана, по существу, добиваясь признания раздела 66 Уголовного закона шариата 1992 года Негери-Сембилана (Закон) неконституционным.

4 ноября 2011 года Ответчикам было предоставлено разрешение подать заявление о судебном пересмотре Высokим судом Серембана. Ответчик запросил несколько средств правовой защиты, включая заявление о том, что раздел 66 несовместим с основными правами и свободами Федеральной конституции и, следовательно, недействителен. В качестве альтернативы они запросили заявление о том, что раздел 66 не должен применяться к лицам, идентифицированным как психологические женщины или с диагнозом Расстройство гендерной идентичности. Другим альтернативным средством правовой защиты, которое они запросили, был запрет или пересмотр постановления в отношении Главного религиозного исполнителя и Главного прокурора Шариата Негери-Сембилана, запрещающий им проводить расследования в соответствии с Разделом 66 в отношении ответчиков или

других лиц, представивших доказательства психологической женственности или Расстройства гендерной идентичности.

11 октября 2012 года Высокий суд отклонил ходатайство о судебном пересмотре. Ответчики подали апелляцию в Апелляционный суд.

2 января 2015 года Апелляционный суд удовлетворил апелляцию и постановил, что раздел 66 Уголовного закона шариата 1992 года является неконституционным. Судья Хишамудин Мохд. Юнус, Азия Али и Лим Йи Лан вынесли решение. В своем решении Апелляционный суд постановил, что раздел 66 Уголовного закона шариата Негери-Сембилан не соответствует нескольким положениям Федеральной конституции. Суд постановил, что раздел 66 нарушает статью 5(1), лишая людей, включая апеллянтов, страдающих расстройством гендерной идентичности, права на достойную жизнь. Положение фактически запрещало им передвигаться в общественных местах, чтобы добраться до своих рабочих мест, что влияло на их средства к существованию и качество жизни. [пункты 44, 46, 48, 50]

Кроме того, Суд постановил, что включение в раздел 66 лиц, страдающих расстройством гендерной идентичности, под его запрет является дискриминационным по отношению к ним, что противоречит статье 8(1) Конституции (пункт 54). Положение также было признано дискриминационным по признаку пола, что нарушает статью 8(2), поскольку оно относится к мужчинам-мусульманам по-разному, чем к женщинам-мусульманкам (пункты 58, 59). Кроме того, Суд постановил, что раздел 66 нарушает свободу выражения мнений апеллянтов в соответствии со статьей 10(1)(а), поскольку криминализирует их выбор одежды, который считается формой выражения мнения. [пункты. 73, 75, 76] В конечном итоге Апелляционный суд объявил Раздел 66 Закона неконституционным и недействительным, поскольку он не соответствует Статьям 5(1), 8(1) и (2), 9(2) и 10(1)(а) Конституции. В решении подчеркивалось, что все государственные законы, включая исламские законы, должны соответствовать Конституции, которая гарантирует основные свободы всех малазийцев [пункты 32, 34, 94].

Правительство штата Негери Сембилан, Департамент по делам исламской религии Негери Сембилан, директор по делам исламской религии Негери Сембилан, главный исполнительный директор по делам исламской религии Негери Сембилан и главный шариатский прокурор Негери Сембилан подали апелляцию в Федеральный суд Малайзии. . В то же время Мажилис Агама Ислам Негери Сембилан совместно с Меджлисом Агама Ислам Вилаят Персекутуан, Меджлисом Агама Ислам дан Адат Мелаю Перак, Меджлисом Агама Ислам Негери Пулау Пинанг, Меджлисом Агама Ислам Негери Джохор подали заявление с просьбой о разрешении вмешаться.

Обзор решения

Судья Раус Шариф, судья Ахмад Маароп, судья Хасан Лах, судья Азахар Мохамед и судья Захара Ибрагим вынесли решение. Главным вопросом, стоящим перед судом, было определение того, противоречит ли раздел 66 Закона о шариате об уголовном праве (Negeri Sembilan) 1992 года статьям 5(1), 8(2), 9(2) и 10(1)(а) Федеральной конституции Малайзии.

Однако Суд постановил, что прежде, чем рассматривать этот вопрос, основополагающим вопросом было то, может ли действительность или конституционность раздела 66 быть оспорена в Высоком суде посредством сопутствующей атаки в ходе судебного надзора? [пункт 21]

Федеральный суд сослался на дело титулярного римско-католического архиепископа Куала-Лумпура против Menteri Dalam Negeri (2014), в котором Федеральный суд постановил, что действительность или конституционность законов не могут быть подвергнуты сомнению посредством сопутствующей атаки в ходе судебного пересмотра. Федеральный суд подчеркнул, что, оспаривая наложение условий министром, допустимо оспаривать конституционность соответствующего государственного акта, в частности раздела 9, который запрещает немусульманам использовать слово «Аллах», кроме как посредством цитаты или ссылки. Высокий суд в своем решении истолковал раздел 9 в сочетании со статьей 11(4) Федеральной конституции, подчеркнув, что ограничение направлено на защиту распространения среди лиц исламской веры. Было установлено, что оспаривание конституционности Акта на основании нарушения основных свобод в соответствии со статьями 3, 10, 11 и 12 Федеральной конституции может осуществляться посредством сопутствующей атаки в ходе судебного пересмотра. [пункт 22] Апелляционный суд отменил решение Высокого суда, побудив заявителя обратиться за разрешением на апелляцию в Федеральный суд. Главный судья Арифин Закария, вынося решение большинства, подчеркнул, что решение Высокого суда делает оспариваемое положение недействительным, утверждая, что оно выходит за рамки статьи 11(4) Федеральной конституции. Однако Арифин Закария подчеркнул, что оспаривание действительности или конституционности законов не может быть сделано посредством сопутствующей атаки в соответствии с конкретной процедурой, изложенной в статьях 4(3) и 4(4) Федеральной конституции. Большинство Федерального суда поддержало эту позицию, подчеркнув, что такие оспаривания должны соответствовать предписанным процессуальным требованиям и не могут осуществляться посредством судебного надзора при отсутствии разрешения судьи Федерального суда. [пункт 23-25]

Учитывая вышеизложенную позицию, Федеральный суд постановил, что заявление о декларациях, запрашиваемое Ответчиками посредством судебного надзора, по сути, было вызовом законодательным полномочиям Законодательного собрания штата Негери-Сембилан. Ответчики утверждали, что законодательство, касающееся исламского права, принятое Законодательным собранием штата, должно соответствовать основным свободам, закрепленным в различных статьях Федеральной конституции. Однако Федеральный суд подчеркнул, что любое оспаривание действительности или конституционности законодательства штата должно соответствовать конкретным процессуальным требованиям, изложенным в статьях 4(3) и 4(4) Федеральной конституции. Поскольку Ответчики не следовали этой процедуре, Апелляционный суд и Высокий суд допустили

ошибку, приняв заявление к рассмотрению, поскольку у них не было юрисдикции для вынесения решения по этому вопросу. [пункт 26-28]

В результате Федеральный суд удовлетворил апелляцию исключительно по причине несоблюдения процессуальных норм и признал судебный пересмотр недействительным. [пункт 29]

Дело *Badan Peguam Malaysia v Kerajaan Malaysia* [2008] 2 MLJ 285

Федеральный суд в деле *Badan Peguam Malaysia v Kerajaan Malaysia* [2008] 2 MLJ 285 повторил, что статья 8(1) не утверждает, что ко всем лицам следует относиться одинаково, а скорее о том, что к лицам в одинаковых обстоятельствах следует относиться одинаково.

[31] Пункт 5 (a) — (f) статьи 8 Федеральной конституции устанавливает исключения из положения о равенстве. Некоторые из этих исключений:

- (i) персональное право, т.е. некоторые персональные законы не распространяются на мусульман в Малайзии, например, Закон о наследовании и управлении 1959 годом и Закон о завещаниях 1959 года. В отношении этих вопросов мусульмане подчиняются «хукум сярак» или исламскому закону, находящемуся в компетенции шариатских судов.⁽ⁱⁱ⁾
- (ii) законов для аборигенов, где в соответствии с Федеральной конституцией аборигены Малайзии пользуются особым положением (см. *Adong Kuwau & Ors v Kerajaan Negeri Johor & Anor* [1997] 1 MLJ 418; *Sagong bin Tasi & 6 Ors v Kerajaan Negeri Selangor & ors* [2002] 2 MLJ 591).

Толкование права на равенство в контексте Малайзии

Статья 8 (2) Федеральной конституции прямо запрещает дискриминацию по признаку расы, происхождения, места рождения или любого пола, если это прямо не разрешено Федеральной конституцией. Слово «гендер» было добавлено в Федеральную конституцию Законом о поправке к Конституции (No 2) 2001 года [Закон A1 130], который вступил в силу 28.9.2001.

Недавно Федеральный суд ввел в действие статью 8(2), объявив статью 498 Уголовного кодекса неконституционной. Статья 498 Уголовного кодекса предусматривает, что соблазнение замужней женщины является преступлением. Это позволяет пожаловаться на соблазны своей жены. Однако жене не разрешается жаловаться на соблазны мужа. Федеральный суд постановил, что статья 498 Уголовного кодекса незаконно дискриминирует

³ Решение Апелляционного суда было отменено Федеральным судом по процессуальным основаниям в государстве Правительство Негери Сембилан и Орс против Мухаммада Джузаили бин Мохд Хамис и Орс [2015] 6 MLJ 736. Но решение Апелляционного суда по существу не получило негативных комментариев со стороны высшего суда. Впоследствии, однако, Федеральный суд отменил свое собственное решение по делу *Juzaili* в деле *Gin Poh Holdings Sdn Bhd v The Government of the State of Penang & Ors* [2018] 3 MLJ 417, at [33].

только по признаку пола, что является нарушением Статья 8(2). (см. дело PP v Lai Heng Beng [2024] 2 MLRA 21.)

Дело PP v Lai Heng Beng [2024] 2 MLRA 21.

Апеллянт был обвинен в совершении преступления по статье 498 Уголовного кодекса («УК») в магистратском суде. В ходе разбирательства он пытался оспорить конституционность указанного раздела. Затем дело было передано в Высокий суд, а затем в Федеральный суд. В этой связи единственный конституционный вопрос, поставленный в этой ссылке, гласил следующее: «Была ли статья 498 УК неконституционной, поскольку она нарушала основополагающий принцип равенства, закрепленный в статьях 8(1) и (2) Федеральной конституции («ФК»)). Возникло два основных вопроса для определения: (i) была ли статья 498 неконституционной по причине незаконной дискриминации? и (ii) во-вторых, если ответ на (i) был утвердительным, то каковы были последствия объявления неконституционности?

Аргумент апелланта состоял в том, что статья 498 незаконно дискриминирует женщин. Было заявлено, что раздел следует патерналистскому и архаичному подходу обращения с женщинами как с имуществом своих мужей. Пострадавший муж имел право преследовать любого другого человека, который соблазнил или увел его жену, но не было возможности обратиться за помощью к жене, муж которой был соблазнен другой женщиной. Другими словами, статья 498 защищала только право мужа на мирный и счастливый брак без вмешательства третьей стороны, что дискриминировало женщин, обращаясь с ними с унижением и неравенством в нарушение как статьи 8(1), так и (2). Апеллянт также утверждал, что весь дух статьи 498 был архаичным. Таким образом, по двум, казалось бы, взаимосвязанным причинам (дискриминация и анахронизм) апеллянт призвал суд отменить ст. 498. Ответчик, с другой стороны, утверждал, что ст. 498 не является неконституционным ни по ст. 8(1), ни по ст. (2). Ответчик попытался применить разумный классификационный тест, применимый к ст. 8(1), чтобы избежать вывода о дискриминации по ст. 8(2).

Постановлено (передача дела в Высокий суд для рассмотрения в соответствии со статьей 85 Закона о судах 1964 года):

(1) Статья 8(1) ФК была всеобъемлющим положением о равенстве, в котором все люди равны перед законом и имеют право на равную защиту закона. В этом смысле четко различимые лица или классы лиц могли быть дифференцированы и подвергнуты дискриминации при условии, что дискриминация имела разумную связь с законной целью и что сама мера была соразмерна указанной законодательной цели, которой она служила. Статья 8(2) ФК, однако, была конкретным антидискриминационным положением, которое предусматривало, что не должно быть никакой дискриминации в отношении граждан (в отличие от «всех лиц») по признаку только религии, расы, происхождения, места рождения или пола. Если бы эта дискриминация была установлена и дискриминация была только по любому из оснований,

указанных в статье 8(2), то такая дискриминация могла быть оправдана только прямым разрешением самой ФК. Учитывая эту прямую конституционную директиву, следовало бы, что в отношении любой дискриминации по любому из оснований, указанных только в статье 8(2), общие тесты статьи 8(1) не могут применяться. (пункты 23-24)

(2) Раздел 498 УК был неконституционным по той причине, что он незаконно дискриминировал только по признаку пола, что нарушало статью 8(2) ФК. Раздел 498 давал право ссылаться на это положение только мужьям, исключая всех жен. Это было, как таковое, дискриминацией только по признаку пола. Единственная доступная ответчику правовая защита была найдена в самой статье 8(2), и она заключалась в том, чтобы продемонстрировать, что эта дискриминация только по признаку пола была прямо разрешена Конституцией. Ответчик не ссылался ни на одну такую защиту, будь то в его письменных или устных заявлениях. Другими словами, они не смогли указать ни на одно положение ФК, которое прямо разрешало бы дискриминацию по признаку пола только в форме, которую подразумевает статья 498. Таким образом, статья 498 была несовместима со статьей 8(2) и, на этом основании, неконституционна. Любые попытки ответчика оправдать существование ст. 498 на основе разумной классификации или того, что она имеет какую-либо предполагаемую связь с законной законодательной целью, не имеют отношения к делу и не соответствуют положениям ст. 8(2). Поэтому эти аргументы были отклонены. В посылках на конституционный вопрос был дан утвердительный ответ в той мере, в какой он касался ст. 8(2). (пункты 25-29)

(3) Раздел 498, вопреки аргументам апелланта, был законом до Мердеки. Апеллент предположил, что хотя раздел 498 был принят (и остался неизменным) из Уголовного кодекса Индии, со временем он был кодифицирован в УК и, следовательно, больше не был законом до Мердеки. Хотя парламент мог на протяжении многих лет вносить поправки в УК много раз, этого самого по себе было недостаточно, чтобы сделать раздел 498 законом после Мердеки. На первый взгляд, аргумент апелланта казался разумным, поскольку согласно статье 162(1) ФК существующий рассматриваемый закон будет продолжать действовать «с учетом любых поправок, внесенных федеральным или государственным законодательством». Вопрос заключался в том, сохраняет ли поправка к закону в целом или к одному из его не связанных положений также в силе какое-либо другое не связанное положение в нем. Позиция апелланта не может быть правильной, если учитывать слова в статье 162(6). Слова «применение положения любого существующего закона», содержащиеся в нем, предполагают, что создатели FC имели в виду, что суды будут рассматривать действительность существующего закона не только на основе «всего закона», но и на основе отдельных положений. Таким образом, толкование апеллантом того, что подразумевалось под «больше не» законом до Мердеки в отношении s 498, не может быть поддержано. (пункты 64-68)

(4) Рассматриваемая в целом, судебная поправка в ст. 162(7) ФК может быть использована в качестве вспомогательного средства для толкования, чтобы «улучшить» или изменить законодательство, чтобы привести его в соответствие с ФК. Однако это не может быть выбранным методом, если внесение поправок в этот закон до Мердеки подразумевает изменение его природы или характера по сравнению с его первоначальным базовым законодательным намерением. В таком случае отмена является единственным возможным результатом для приведения этого закона в соответствие с ФК. Раздел 498 не может быть подвергнут судебной поправке в соответствии со ст. 162(7), поскольку это потребует обширной поправки в той степени, в которой изменится характер правонарушения. Хотя судебная поправка к ст. 498 способом, конституционно разрешенным ст. 162(7), устранил дискриминацию, осуществление этой поправки также будет равносильно переопределению первоначальной цели раздела в той степени, в которой это изменит саму основу, на которой правонарушение в ст. 498 было первоначально принято. Это не будет означать только приведение положения s 498 в соответствие с FC, но будет означать акт судебного законодательства. Поэтому единственным возможным способом привести s 498 в соответствие с FC была бы его полная судебная отмена. (пункты 93, 94, 97 и 98)

(5) Конституционные иски могли доходить только до атаки на законодательную действительность, а не на законодательную желательность. Законодательная желательность касалась субъективных и частных взглядов общественности на то, каким должен или не должен быть закон. С другой стороны, конституционная действительность имела дело с объективным соответствием оспариваемого закона FC. А когда это касалось закона до Мердеки, судебная власть была объективно уполномочена изменять закон только в той степени, чтобы сделать закон действительным. Отмена была последним вариантом, когда единственным способом сделать закон действительным было бы его удаление. Судебная власть или отдельные судьи не могли заниматься судебным законодательством или реформированием в той степени, чтобы заменить закон своими частными взглядами. Анахронизм и вопрос об устаревании § 498 были проблемой, которая выходила за рамки судебного подхода. Раздел 498 следует отменить в соответствии со статьей 162 не на том основании, что он является анахроничным и архаичным, а по той единственной причине, что его адаптация или внесение в него поправок иным образом не удовлетворят требованию статьи 162, в данном случае, привести раздел 498 в соответствие со статьей 8(2). (пункты 102-103)

Дело Alma Nudo

До вынесения решения Федеральным судом по делу Алма Нудо 4 правовая позиция была изложена в деле Мухаммада Хассана, заключающаяся

⁴ Альма Нудо Атенза против государственного прокурора и другая апелляция [2019] 4 MLJ 1.¹⁹ Мухаммед бин Хассан против государственного прокурора [1998] 2 MLJ 273, на стр. 289.

в том, что толкование обвинением существовавшего в то время закона, предусматривающее использование двойной презумпции торговли людьми в дополнение к хранению, было неоправданно жестким и репрессивным в отсутствие каких-либо четких формулировок, позволяющих ссылаться на двойную презумпцию. 19 Фактически, если бы обвинение было предъявлено в торговле людьми, то для того, чтобы сослаться на презумпцию торговли людьми, владение должно быть доказано, а не презюмировано, прежде чем сослаться на презумпцию торговли людьми.

После Мухаммада Хассана парламент внес поправки в закон, включив в него статью 37А, положение, которое затем прямо позволяло обвинению полагаться на двойную презумпцию. Именно это положение стало предметом оспаривания в деле *Alma Nudo*.

Что касается обстоятельств дела, то Федеральный суд воспользовался возможностью, чтобы разъяснить концепцию соразмерности как основополагающего аспекта права на равенство перед законом. Федеральный суд постановил, что после тщательного рассмотрения статьи 37А чистый эффект допуска такой двойной презумпции фактически перекладывает бремя доказывания своей невиновности на обвиняемого. В этой связи Федеральный суд пришел к выводу о том, что статья 37А является крайне несоразмерной законной цели парламента по пресечению преступлений, связанных с наркотиками.

Центральным вопросом в настоящих апелляциях был вопрос о конституционной действительности ст. 37А Закона об опасных наркотиках 1952 года («DDA»), который, по-видимому, допускал использование двойных презумпций для установления факта хранения, а также незаконного оборота в соответствии с ст. 39В DDA. Оба заявителя в этих двух апелляциях были обвинены и осуждены двумя разными судьями первой инстанции за незаконный оборот наркотиков в соответствии с ст. 39В DDA. В этих апелляциях вопросы, которые должны были быть решены, включали, в частности, следующее: требовалось ли разрешение Федерального суда на оспаривание конституционной действительности ст. 37А DDA в соответствии с ст. 4(4) Федеральной конституции («FC»); противоречит ли ст. 37А DDA принципу разделения властей в FC; и нарушает ли ст. 37А DDA статьи 5 и 8 FC.

Постановлено (единогласно удовлетворены апелляции апеллянтов и заменено обвинительным приговором по статье о хранении в соответствии с п. 12(1) Закона о наркотиках):

(1) Статья 4(4) ФК применялась только в тех случаях, когда действительность закона оспаривалась на том основании, что он содержал положение в отношении вопроса, по которому парламент или законодательный орган штата не имели полномочий принимать законы. Таким образом, разрешение Федерального суда требовалось только в разбирательствах для объявления закона недействительным по этому конкретному основанию. Во всех других разбирательствах Федеральный суд обладал исключительной первоначальной юрисдикцией для определения

вопроса. (Gin Poh Holdings Sdn Bhd против правительства штата Пенанг и др. (refd); Ah Thian против правительства Малайзии (refd) ; Titular Roman Catholic Archbishop Of Kuala Lumpur против Menteri Dalam Negeri & Ors (not folld) ; State Government Of Negeri Sembilan & Ors против Muhammad Juzaili Mohd Khamis & Ors (not folld)). (пункты 55-60)

(2) В настоящих апелляциях законодательная компетенция парламента в отношении предмета ст. 37A DDA не обсуждалась. Основанием для возражения апеллянтов было то, что, приняв ст. 37A, которая отменила решение Федерального суда по делу Мухаммеда Хассана против государственного прокурора, парламент узурпировал судебную власть Федерации и нарушил статью 121(1) FC. Ссылка апеллянтов на статью 74(1) FC была сделана лишь для того, чтобы привлечь внимание к словам «Парламент может принимать законы» в поддержку этого основания. Поскольку действительность ст. 37A не оспаривалась на том основании, что она касалась вопроса, по которому парламент не имел полномочий принимать законы, возражение не подпадало под действие ст. 4(4) FC, и разрешение этого суда не требовалось. (пункт 61)

(3) Раздел 37A DDA не подразумевал отмены решения Федерального суда по делу Мухаммеда Хассана против государственного прокурора. Окончателность решения в этом случае в отношении прав и обязанностей сторон не была затронута. Эффект от вставки раздела 37A DDA заключался в изменении в целом закона, на котором основывалось это решение. Таким образом, такая поправка была допустимым осуществлением законодательной власти и не вторгалась в сферу судебной власти. Вставляя раздел 37A DDA, парламент не отменял решение по делу Мухаммеда Хассана против государственного прокурора, а лишь следовал мнению Федерального суда, который заявил, что презумпция на презумпцию может быть разрешена только в том случае, если «в соответствии с формулировками двух подразделов такое намерение парламента очевидно». (пункты 88-89)

(4) Влияние s 37A DDA на действие двух презумпций заключалось в том, что для обвинения в торговле наркотиками все, что требовалось от обвинения для установления дела *prima facie* , это доказать опеку и контроль со стороны обвиняемого и вес наркотиков. Затем юридическое бремя перешло бы на обвиняемого, чтобы опровергнуть презумпции владения и знания в соответствии с s 37(d) и торговли в соответствии с s 37(da) DDA на основе баланса вероятностей. В данных обстоятельствах s 37A DDA *prima facie* нарушил презумпцию невиновности, поскольку он позволял обвиняемому быть осужденным, пока могут существовать обоснованные сомнения (R v. Whyte (refd)). (пункты 139-141)

(5) Фактический эффект презумпций в соответствии со ст. 37(d) и (da) DDA заключался в том, что обвиняемый не просто нес бремя доказывания для представления доказательств в опровержение презумпций. После того, как были презюмированы основные ингредиенты преступления, обвиняемый был помещен под юридическое бремя для опровержения презумпций на основе баланса вероятностей. Это было серьезным подрывом презумпции

невиновности, закреплённой в ст. 5(1) FC. Кроме того, наиболее суровым эффектом, равносильным жесткости и репрессивности, вытекающим из применения «презюмции на презюмции», было то, что предполагаемый элемент владения в соответствии со ст. 37(d) DDA использовался для ссылки на презюмцию торговли в соответствии со ст. 37(da) DDA без какого-либо учета того, что элемент владения в ст. 37(da) требовал «найденного» владения, а не «предполагаемого» владения. (пункты 146-147)

(6) Раздел 37A DDA был принят в законодательном порядке для облегчения применения двух презюмций, однако не было внесено никаких поправок в раздел 37(da) DDA. Таким образом, применение презюмции торговли людьми, основанной не на доказательстве владения, а на предполагаемом владении, основанном на доказательстве простого опекуинства и контроля, будет представлять собой серьезное отклонение от общего правила, согласно которому обвинение должно доказать вину обвиняемого вне разумных сомнений. В таких обстоятельствах нельзя сказать, что ответственность за доказательство вины обвиняемого вне разумных сомнений лежит в первую очередь на обвинении. (пункты 148-149)

(7) Исходя из существенных компонентов правонарушения, наложения юридического бремени, стандарта доказывания, требуемого для опровержения, и совокупного эффекта двух презюмций, s 37A DDA представляет собой наиболее существенное отклонение от общего правила, которое не может быть оправдано и несоразмерно законодательной цели, которой оно служило. Было далеко не ясно, что цель не может быть достигнута другими средствами, менее разрушительными для основного права обвиняемого в соответствии со статьей 5 FC. В свете серьезности правонарушения и наказания, которое оно влечет за собой, это неприемлемо серьезное посягательство на право обвиняемого в соответствии со статьей 5(1) FC было несоразмерно цели пресечения преступности и, следовательно, не удовлетворяет требованию соразмерности, предусмотренному статьей 8(1) FC. (пункт 150)

(8) Раздел 37A Закона о защите прав потребителей является неконституционным, поскольку нарушает статью 5(1) в совокупности со статьей 8(1) Закона о защите прав потребителей и поэтому должен быть отменен. (пункт 151)

(9) Что касается осуждений апеллянтов, поскольку не было никаких возражений против использования единой презюмции в этих апелляциях, то применение s 37(d) DDA судьями первой инстанции не привело к какой-либо судебной ошибке в ущерб апеллянтам. Таким образом, осуждения и приговоры обоих апеллянтов в соответствии с s 39B DDA были отменены. Поскольку не было никаких разумных сомнений относительно виновности апеллянтов в хранении наркотиков на основе представленных доказательств, осуждения апеллянтов были заменены на одно за хранение в соответствии с s 12(1) DDA. (пункты 152-153)

Дело Mohd Faizal bin Musa v Kementerian Keselamatan Dalam Negeri

В деле Mohd Faizal bin Musa v Kementerian Keselamatan Dalam Negeri [2018] 3 MLJ 14 четыре (4) книги, написанные заявителем, были запрещены ответчиком/министром в соответствии с разделом Закона о печатных станках и публикациях 1984 года на том основании, что публикация книг апеллянта нанесла ущерб общественной безопасности и порядку. Вопрос в данном случае заключался в том, является ли оспариваемый приказ, изданный министром, незаконным, необоснованным, процедурным неуместным и необоснованным.

Высокий суд вынес решение в пользу министра. При рассмотрении апелляции в Апелляционном суде решение Высокого суда было отменено. Признавая, что право на свободу выражения мнения не является абсолютным, Апелляционный суд постановил, что приказ министра о запрете книг был незаконным и что этот приказ представляет собой ограничение конституционного и основного права апеллянта на свободу выражения мнения. Приняв такое решение, Апелляционный суд действительно укрепил конституционное правосудие в отношении свободы слова и выражения мнений.

Резюме: Апеллянт был академиком, специализировавшимся на сравнительной литературе и правах человека. Он также был автором научных и творческих книг и статей, сценаристом и поэтом. Министр («ответчик») издал приказ («приказ») в соответствии со статьей 7(1) Закона о печатных станках и публикациях 1984 года («Закон»), запрещающий печать, импорт, производство, воспроизведение, публикацию, продажу, выпуск, распространение, распространение или владение книгами под названием «Себонгка Бату ди Куала Беранг», «Карбала», «Тига Кали Семинггу» и «Ингин Джади». Насралла (четыре книги). По мнению апеллянта, эти четыре книги находились в обращении на рынке до введения запрета без какого-либо ущерба для общественного порядка и безопасности, и это постановление было нерациональным. В связи с этим апеллянт подал заявление о пересмотре судебного решения с целью отмены постановления, вынесенного ответчиком, однако Высокий суд отклонил это заявление на том основании, что ответчик действовал законно.

Дело Jais bin Chee & Ors v Superintendent of Land & Surveys Kuching Division [2014] 6 MLJ 439

Апелляционный суд постановил, что для того, чтобы не нарушать статью 13 Федеральной конституции, компенсация должна толковаться как справедливая и адекватная компенсация.

Это была апелляция суперинтенданта Управления земельных ресурсов и обследования округа Кучинг («первый апеллянт») и правительства штата Саравак («второй апеллянт») на решение Апелляционного суда, который отменил постановление Высокого суда и вынес постановление о том, что

несоблюдение первым апеллянтом обязательных процессуальных положений статей 49, 51, 52, 53 и 54 Земельного кодекса (Саравак) (глава 81) («Земельный кодекс») в процессе возобновления права собственности на рассматриваемую землю, изъятую первым апеллянтом и возвращенную второму апеллянту без уведомления ответчика и/или без его ведома, было фатальным и, следовательно, недействительным. Кроме того, Апелляционный суд постановил, что статус-кво рассматриваемой земли до первого возобновления должен быть восстановлен и должен быть повторно отчужден ответчику в соответствии с s 15A Земельного кодекса. Соответственно, вопросы, которые должны были быть решены, были следующими: (i) имел ли суд полномочия или юрисдикцию приказать, чтобы рассматриваемая земля, которая была приобретена вторым апеллянтом, была восстановлена или повторно отчуждена ответчику; (ii) было ли заявление, сделанное министром в соответствии с s 48 Земельного кодекса, действительным; (iii) привела ли халатность первого апелланта, как утверждает ответчик, к принудительному отчуждению рассматриваемой земли; (iv) соответствовала ли присужденная компенсация положениям s 60 Земельного кодекса; (v) было ли какое-либо нарушение статьи 13 Федеральной конституции; (vi) было ли несоблюдение процессуальных нормативных положений фатальным; и (vii) следует ли оставить в силе декларативное распоряжение о восстановлении права собственности на спорную землю в пользу ответчика.

Постановлено (разрешив апелляцию заявителей):

Пер Идрус Харун FCJ (большинство):

(1) В постановлении Апелляционного суда говорилось, что рассматриваемая земля должна быть восстановлена и повторно отчуждена ответчику по причине несоблюдения положений закона, регулирующих расследование или присуждение компенсации за землю, приобретенную для общественных целей. Было совершенно ясно, что непосредственным результатом постановления было предоставление ответчику права вступить во владение и истребовать у правительства рассматриваемую землю, не оставляя ему абсолютно никакого выбора, кроме как подчиниться ему. В этом случае Апелляционному суду действительно было бессмысленно выносить рассматриваемое постановление, когда у него не было полномочий выносить постановление в характере истребования рассматриваемой земли против правительства, поскольку s 29(1)(b) Закона о правительственных разбирательствах 1956 года запрещал такое постановление. Следовательно, постановление не могло быть оставлено в силе. (пункты 31, 33 и 36)

(2) На основании представленных доказательств было совершенно ясно, что ответчик не просил о каком-либо приказе или заявлении о том, что декларация s 48 Земельного кодекса была незаконной или недействительной, и что Апелляционный суд не выдал никакого утвердительного приказа об аннулировании или отмене этой декларации. Следовательно, из этого следовало, что указанная декларация оставалась в полной силе, действительной и действенной, а рассматриваемая земля была необходима для общественных целей. В данном случае декларация должна была быть отозвана

министром до того, как рассматриваемая земля могла быть возвращена в состояние, существовавшее до декларации s 48 Земельного кодекса. Соответственно, у Апелляционного суда явно не было никаких правовых оснований для того, чтобы распорядиться о том, чтобы рассматриваемая земля была восстановлена и повторно отчуждена ответчику, и что министр мог повторно опубликовать рассматриваемую землю как необходимую для общественных целей, если правительство намеревалось приступить к ее принудительному отчуждению. (Pemungut Hasil Tanah, Daerah Barat Daya, Penang (refd)). (пункты 43 и 46)

(3) В этом случае первый апеллянт не был причиной того, что рассматриваемая земля была возобновлена Правительством. Решение о возобновлении рассматриваемой земли принял министр. Таким образом, халатность первого апеллянта, как утверждает ответчик, не была причиной того, что рассматриваемая земля была принудительно отчуждена Правительством. Предполагаемая «ошибка», совершенная первым апеллянтом, если таковая имела место, повлияла только на размер компенсации, подлежащей выплате, но эти положения не повлияли на решение министра о возобновлении рассматриваемой земли в соответствии с п. 48 Земельного кодекса. (пункт 47)

(4) Раздел 60 Земельного кодекса обязывал суд приводить в исполнение положение при рассмотрении адекватной суммы компенсации, которая должна быть присуждена. В этом случае раздел 60 Земельного кодекса соответствовал конституционным стандартам экспроприационного права, изложенным в статье 13 Федеральной конституции. Поскольку не было уведомления по разделу 47 Земельного кодекса в отношении рассматриваемой земли в этом иске, в соответствии с разделом 60 Земельного кодекса присуждение компенсации основывалось на рыночной стоимости рассматриваемой земли на дату объявления раздела 48 Земельного кодекса. Таким образом, первый апеллянт, очевидно, действовал в соответствии с положениями раздела 60 Земельного кодекса. (пункты 50-51)

(5) Хотя Апелляционный суд отменил решение Высокого суда, это установление факта, сделанное Высоким судом относительно суммы компенсации, которая должна быть присуждена, не было отменено Апелляционным судом. Таким образом, приобретение рассматриваемой земли было произведено в соответствии со статьей 13 Федеральной конституции. Последовавший вывод состоял в том, что присуждение RM811,693.89 в качестве компенсации за приобретение рассматриваемой земли было «адекватной компенсацией» и не было никакого нарушения статьи 13 Федеральной конституции. В связи с этим Апелляционный суд явно неверно направил себя в этом фундаментальном аспекте, когда он установил, что 1-й апеллянт нарушил право ответчика быть заслушанным на расследовании для определения ущерба. Такое заключение было несостоятельным и не имело никаких оснований. (пункты 52-54)

(6) Предполагаемое несоблюдение процессуальных нормативных положений, касающихся оценки компенсации за приобретение

рассматриваемой земли, не было фатальным нарушением, поскольку компенсация была основана на дате декларации s 48 Земельного кодекса, и, следовательно, ответчик не понес никаких убытков в результате предполагаемой процедурной ошибки. Вынесенное решение бесспорно отражало рыночную стоимость рассматриваемой земли на дату указанной декларации в соответствии с s 60(1)(a) Земельного кодекса. При таких доказательствах ответчик не понес бы никаких денежных убытков. При данных обстоятельствах не было оснований для признания недействительным возобновления рассматриваемой земли и признания его утратившим силу или аннулированным, и что право собственности на землю должно быть восстановлено или повторно отчуждено ответчику. (пункт 57)

(7) Декларативный приказ о восстановлении права собственности на спорную землю ответчику в данном случае должен быть отменен, и ответчик не имел права на какой-либо приказ о восстановлении права собственности на спорную землю против второго апеллянта. (пункт 64)

По мнению Дэвида Вонга Дака Ва CJSS (несогласное):

(1) В данном случае апеллянты исчерпали все свои полномочия по приобретению в соответствии со статьями 48-54 Земельного кодекса. Таким образом, вся процедура приобретения в ходе первого процесса возобновления была исчерпана, исчерпана или израсходована. Это означало, что декларация по статье 48 Земельного кодекса уже была израсходована в ходе первого процесса возобновления. Полномочия регистратора в контексте этого дела заключались только в том, чтобы аннулировать документ о праве собственности на имя апеллянтов (после незаконного возобновления) и отразить ответчика как зарегистрированного собственника. Поскольку декларация по статье 48 Земельного кодекса была израсходована в ходе незаконного процесса возобновления, чистый эффект заключался в том, что когда произошла отмена и когда рассматриваемая земля вернулась на имя ответчика, это было сделано без прилагаемой декларации по статье 48 Земельного кодекса. (пункты 108-111)

(2) Земельный кодекс был основан на системе Торренса, в соответствии с которой регистрация для предоставления права собственности или права на землю была сердцем и душой такой системы. Следовательно, как только рассматриваемая земля возвращалась ответчику, она становилась неоспоримым владельцем земли, и такая неоспоримость могла быть преодолена только тем, что было предусмотрено в Земельном кодексе. В таком случае апеллянты должны были начать весь процесс заново. Утверждение о том, что декларация Земельного кодекса s 48 выжила, противоречило самой концепции системы Торренса, в частности неоспоримому характеру права собственности на землю ответчика. (пункт 112)

(3) После того, как апеллянты вернули себе рассматриваемую землю, они воспользовались своими полномочиями по приобретению в соответствии с Земельным кодексом, и в ходе этого процесса все, что они сделали после этого, сделало весь процесс недействительным *ab initio* в силу их

последующих нарушений обязательных положений Земельного кодекса. И хотя апеллянты впоследствии стали владельцами рассматриваемой земли, такое владение было равносильно лишению, что не соответствовало закону. Таким образом, лишение нарушало статью 13(1) Федеральной конституции. (пункт 117)

(4) Ответчик в этом деле был незаконно лишен земли. Следовательно, недостаточно было бы сказать, что суды, которые по конституционному замыслу существуют для отправления правосудия, могут быть лишены возможности выдавать распоряжение о возврате земли законом, существовавшим до Мердеки (Закон о государственных процедурах 1956 года). Приоритет закона, существовавшего до Мердеки, над статьей 13(1) Федеральной конституции полностью игнорировал верховенство Федеральной конституции. Соответственно, п. 29(1)(b) Закона о государственных процедурах 1956 года следует изменить, чтобы он больше не применялся для запрета возврата земли, если действие касалось нарушения конституционно гарантированного права. (пункты 136-137)

(5) Поскольку имело место явное нарушение Земельного кодекса со стороны апеллянтов, они нарушили свою обязанность проявлять осмотрительность по отношению к ответчику. Поэтому Апелляционный суд был прав, присудив ответчику возмещение общих и особых убытков. (пункт 151)

(6) Что касается средства правовой защиты, то Апелляционный суд был неправ, заявляя, что апеллянты должны были «повторно отчуждать» рассматриваемую землю ответчику. Второе возобновление было незаконным и недействительным *ab initio*, поскольку оно не соответствовало строгим правовым требованиям Земельного кодекса. Здесь «повторное отчуждение» было возможно только в соответствии со статьей 15А Земельного кодекса, когда само возобновление изначально было законным. В данных обстоятельствах более подходящим было бы восстановить право собственности ответчика на рассматриваемую землю. (пункт 153)

В деле *Tenaga Nasional Bhd v Bukit Lenang Development Sdn Bhd* [2019] 1 MLJ 1 Федеральный суд признал, что закон не следует толковать как допускающий нарушение права владельца на спокойное владение имуществом и что любая обязанность или обязательство, возложенные законом на любой орган власти, должны выполняться законно. Федеральный суд заявил, что:

«Банально, что канон толкования гласит, что статуты, которые посягают на права, будь то в отношении личности или собственности, подлежат строгому толкованию таким же образом, как и уголовные законы. Общеизвестным правилом является то, что они должны толковаться, по возможности, таким образом, чтобы уважать такие права, и при наличии какой-либо двусмысленности следует принять толкование, которое благоприятствует защите индивидуальных прав».

Резюме Электроэнергетическим компаниям (таким как Tenaga Nasional Berhad “**TNB**”) незаконно вторгаться на частные земли для поставки электроэнергии незаконным захватчикам земли. В противном случае TNB будет нести ответственность за незаконное проникновение. Таково было вкратце решение Федерального суда от 31 октября 2018 года об отклонении гражданского иска, поданного TNB против компании-застройщика, известной как Bukit Lenang Development Sdn Bhd («**Bukit Lenang**»).

Как и во многих других спорах, здесь были конкурирующие интересы, которые необходимо было сбалансировать. С одной стороны, владельцы земель должны иметь право на электроснабжение по запросу, учитывая, насколько важно электричество для повседневной жизни. Вот почему, как заявил TNB, у него есть установленная законом обязанность поставлять электроэнергию по запросу. Но, с другой стороны, если эти владельцы незаконно занимают землю, то, безусловно, права владельца земли на предотвращение вторжения также должны быть защищены.

Предыстория

В 1996 году Букит Ленанг приобрел 407 участков земли в Джохоре с намерением их застроить. Однако эти земли были заняты лицами, которые, по словам Букит Ленанга, не имели права находиться на его землях. Другими словами, Букит Ленанг считал этих лиц незаконными сквоттерами. Это помешало Букит Ленангу застраивать свои земли, что затем побудило его начать действия по выселению сквоттеров.

В то же время, Букит Ленанг написал TNB в 2002 году, требуя, чтобы они убрали свои опоры, трубопроводы и другие сопутствующие конструкции, построенные на землях с целью подачи электроэнергии сквоттерам. Букит Ленанг предупредил TNB, что в противном случае он подаст в суд на TNB за незаконное проникновение.

TNB отказалась выполнить требование на том основании, что в соответствии с разделом 24 Закона о поставках электроэнергии 1990 года она обязана поставлять электроэнергию владельцам или арендаторам земель по запросу. TNB заявила, что если по закону она обязана поставлять электроэнергию людям, которые ее запрашивают, как она может быть привлечена к ответственности за нарушение права владения при выполнении своих уставных обязанностей?

В 2003 году Букит Ленанг получил приказ от Высокого суда, объявляющий сквоттеров на его землях незаконно занимающими спорные земли. Это важно по причинам, изложенным ниже. Получив решение суда против сквоттеров, Букит Ленанг повторил свое требование к TNB о сносе своих построек. TNB снова отказал, и поэтому Букит Ленанг подал в суд на TNB за незаконное проникновение.

Букит Ленанг успешно добился решения суда против TNB за незаконное проникновение в Высокий суд и Апелляционный суд. Затем TNB подал апелляцию в Федеральный суд.

Решение

Одним из двух важных вопросов, рассмотренных Федеральным судом, был вопрос о том, может ли TNB нести ответственность за незаконное проникновение на территорию с целью подачи электроэнергии жильцам помещений, если будет установлено, что эти жильцы незаконно занимают соответствующую территорию.

Федеральный суд единогласно постановил, что обязанность TNB по закону поставлять электроэнергию **не означает**, что она может делать это даже в тех случаях, когда эти оккупанты были объявлены незаконно занимающими земли. Слово «оккупант» в разделе 24 Закона об электричестве 1990 года должно было толковаться как оккупанты, которые **законно** занимают земли. Федеральный суд объяснил, что допустить иное означало бы потворствовать нарушению права собственности на двух уровнях: во-первых, нарушению права собственности незаконными сквоттерами на землях; и, во-вторых, нарушению права собственности самой TNB.

Федеральный суд также принял во внимание «право на собственность» каждого человека, защищенное статьей 13 Федеральной конституции. Это было особенно актуально в этом случае, когда TNB был уведомлен о том, что в 2003 году был вынесен действительный приказ Высокого суда, объявляющий этих сквоттеров незаконными захватчиками. Другими словами, эти сквоттеры были объявлены нарушителями. Как тогда TNB, при таких обстоятельствах, могло быть разрешено продолжать посягательство на частную собственность, принадлежащую Букит Ленангу, без его согласия? Это, по мнению Федерального суда, было равносильно посягательству со стороны TNB. Раздел 24 Закона об электроэнергии 1990 года не мог быть использован в качестве защиты TNB в такой ситуации.

В деле Razeem Rizqin Enterprise & Yg Lain lwn Ketua Polis Negara & Satu lagi [2019] 8 CLJ 41, которое касается замораживания и ареста активов/имущества в соответствии с Законом о борьбе с отмыванием денег, финансированием терроризма и доходами от незаконной деятельности 2001 года, Апелляционный суд признал необходимость сбалансировать широкие полномочия правоохранительного органа и необходимость защиты прав владения и мирное пользование собственностью, гарантированной статьей 13 Федеральной конституции. Суд постановил, что в тех случаях, когда в течение установленного периода времени должны быть предприняты определенные последующие действия, а эти действия не были приняты, арестованные активы или имущество должны быть разблокированы. Установив баланс, Суд укрепил конституционное правосудие в отношении прав собственности.

Федеральный суд обсудил свою точку зрения относительно положения закона в соответствии с Законом о поправках к Закону о борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма (поправка)

2014 года («AMLATЕРUA»), который вступил в силу с 1 сентября 2014 года.

Краткие факты

a. В соответствии с разделом 44 AMLATЕРUA 2 февраля 2015 г. и 12 февраля 2015 г. были вынесены постановления о замораживании, в частности, в отношении счетов, принадлежащих апеллянтам, следователем Королевской полиции Малайзии.

b. Впоследствии, 13 ^{марта} 2015 года, следователь вынес постановления о наложении ареста на движимое имущество в отношении транспортных средств первого, тринадцатого, восемнадцатого и девятнадцатого заявителей в Высоком суде и Апелляционном суде.

c. Первоначально постановления о замораживании и аресте были выданы на том основании, что у следователя имелись обоснованные подозрения, что арестованное и замороженное имущество являлось предметом уголовного преступления в соответствии с разделом 4(1) AMLATЕРUA.

d. Кроме того, заместитель государственного прокурора издал Уведомление о наложении ареста на движимое имущество в финансовых учреждениях в соответствии с разделом 50 AMLATЕРUA, чтобы запретить этим финансовым учреждениям иметь дело с таким замороженным имуществом в соответствии с разделом 44 AMLATЕРUA.

e. 15 февраля 2016 ^{года} Апеллянты подали ходатайство об отмене постановлений о замораживании и аресте их счетов и транспортных средств на том основании, что постановления утратили силу в силу раздела 52A, поскольку Апеллянтам не было предъявлено обвинений в совершении преступления, предусмотренного AMLATЕРUA, в течение 12 месяцев с даты постановлений о замораживании и аресте.

f. К сожалению, Генеральная прокуратура заявила и ответила, что замороженное и арестованное имущество Апеллянтов не может быть разблокировано, поскольку имеются ходатайства о выдаче ордеров на арест Апеллянтов Государственным прокурором.

g. Затем апеллянты подают уведомление о ходатайстве об отмене выданных ордеров на арест и отмене постановлений о замораживании и аресте, вынесенных в отношении их банковских счетов, сбережений в Lembaga Tabung Haji и других сбережений, принадлежащих заявителям, включая замороженные транспортные средства по распоряжениям ответчиков. Однако указанное ходатайство было отклонено Высоким судом, и апеллянты подали апелляцию в Апелляционный суд.

h. Однако Апелляционный суд отклонил апелляцию Апелланта, сохранил и подтвердил решение Высокого суда. Отсюда и апелляция Апеллянтов в Высоком суде.

2. Вопросы права в Федеральном суде

- i. Был ли Апелляционный суд прав, отклонив апелляцию на решение Высокого суда об отклонении ходатайства апеллянтов.
- ii. Истечет ли срок давности постановлений о замораживании и аресте?
- iii. Было ли подано ходатайство о конфискации государственным прокурором в соответствии с разделом 56 AMLATEPUA.
- iv. Противоречило ли решение Апелляционного суда четким и обязательным положениям раздела 56(1) AMLATEPUA и раздела 57 Закона о доказательствах 1950 года.

Решение Федерального суда

Федеральный суд удовлетворил апелляцию апеллянтов и отменил решения Апелляционного суда и Высокого суда. Завави Мохд Саллех FCSJ при вынесении решения суда заявил следующее: - Было ясно, что против Апеллянтов не было обвинений в совершении преступления, предусмотренного разделом 4(1) AMLATEPUA, или преступления, связанного с финансированием терроризма. Кроме того, обвинение не подавало ходатайство в соответствии с разделом 56 AMLATEPUA о вынесении постановления о конфискации имущества. Он также подчеркнул, что задержка обвинения в выдвижении обвинений против Апеллянтов и обращении в Высокий суд противоречит статье 5(1) Федеральной конституции, т. е. праву обвиняемого на справедливое судебное разбирательство в разумные сроки. Кроме того, оправдание Апелляционного суда в оправдании задержки принятием судебного уведомления о том, что расследования должны проводиться со всех сторон, было неуместным и необоснованным. Его светлость также подчеркнул важность положений разделов 52A и 56(3) AMLATEPUA для того, чтобы сбалансировать широкие полномочия правоохранительного органа и необходимость защиты прав владения и мирного пользования имуществом, гарантированных статьей 13 Федеральной конституции, поскольку замораживание и арест имущества могут быть осуществлены только на том основании, «если у правоохранительного органа есть разумные основания подозревать, что имеет место правонарушение».

v. Согласно разделу 52A AMLATEPUA, лицо будет считаться «преследуемым», когда суду станет известно о таком правонарушении. В этом случае можно увидеть, что не было ордера на арест, примененного и/или выданного для преследования Апеллянтов. Таким образом, Апеллянты не были «преследованы» в течение периода, предусмотренного в соответствии с положением, а выданные постановления о замораживании и аресте прекратили свое действие, поскольку 12-месячный период истек без предъявления каких-либо обвинений Апеллянтам.

vi. Решение Апелляционного суда также противоречило четким и обязательным положениям закона, поскольку бремя обязанностей правоохранительного органа и обвинения не является чем-то, что может быть принято во внимание судом, и не может быть основанием для отмены

обязательного требования Раздела 56(1) AMLATЕРUA. Кроме того, Раздел 57 Закона о доказательствах 1950 года перечисляет случаи, которые позволяют суду принимать во внимание судебное уведомление. В апелляции ниже Апелляционный суд сделал вывод, что «апеллянты воспользовались недостатками систем, используемых финансовыми учреждениями для перевода денег на свои счета», не основываясь ни на каких доказательствах, представленных суду.

vii. По этим причинам было постановлено, что Ответчики нарушили правила естественного правосудия, лишив апеллянтов возможности быть выслушанными в соответствии с общим правом до вынесения решения, затрагивающего их права. Следовательно, апелляция была удовлетворена, а решения Высокого суда и Апелляционного суда были отклонены.

3. Заключение

В случае, если имущество лица замораживается и арестовывается, и в то же время против него не было возбуждено судебного преследования в течение двенадцати (12) месяцев срока давности постановлений о замораживании и аресте, и если государственный обвинитель не подал ходатайство о конфискации имущества в соответствии с разделом 56, арестованное имущество должно быть возвращено лицу, у которого его имущество было арестовано.

Право обвиняемого на справедливое судебное разбирательство в разумный срок гарантируется Федеральной конституцией и было защищено в этом деле. Аналогичным образом, это дело отражает важность естественного правосудия для предотвращения лишения обвиняемого возможности быть выслушанным в соответствии с общим правом.

Важно отметить, что вышеуказанные принципы аналогичны и применялись малазийским судом при решении того же вопроса в недавнем рассмотренном деле *Лим Хуэй Джин против CIMB Bank Bhd & Ors* [2018] 8 CLJ 327 (COA) .

В деле *Adong bin Kuwau & Ors v Kerajaan Negeri Johor & Anor* [1997] 1 MLJ 418 коренные жители Джохора успешно установили свои исконные традиционные права на землю и что в соответствии с таким туземным обычаем они приобрели право собственности на эти земли. Земли были приобретены правительством штата. Истцы утверждали, что приобретение было осуществлено без компенсации. Правительство штата утверждало, что соответствующий писанный закон прямо не предписывает выплату компенсации. Внося статью 13 в соответствующий закон, Высокий суд постановил, что правительство штата по закону обязано выплатить истцам компенсацию за лишение их имущества. Данное дело является хорошим примером конституционного правосудия с точки зрения судебной защиты культурных прав, присущих социально-экономическим правам, которые

являются основными потребностями, необходимыми для устойчивого общества.

Резюме

Апеллянтами/ответчиками выступают правительство штата Джохор и государственный директор по земельным и минеральным ресурсам. Ответчики/истцы являются аборигенами, проживающими в районе, известном как долина Линггиу (указанные земли). Ответчики жили на указанных землях в соответствии со своими обычаями и зависели от них как от источника средств к существованию. Иск в Высокий суд был подан после того, как апеллянт отчудил землю и передал ее в аренду правительству Сингапура для строительства плотины. В результате ответчики лишились возможности заходить на указанные земли, что повлияло на их средства к существованию. Высокий суд постановил, что ответчики обладают правами общего права на указанную землю, которые дополняют их права по закону, и в силу статьи 13 Федеральной конституции постановил, что ответчики имеют право на адекватную компенсацию в результате отчуждения указанной земли апеллянтами. Апелляция апеллянтов на это решение и встречная апелляция ответчиков на решение судьи первой инстанции, в соответствии с которым он не принял решение о расходах и процентах на сумму решения.

Вопросы. Имеют ли ответчики, как представители коренного населения, права по общему праву на указанную землю, или же права ответчиков включают только те, которые указаны в Законе об аборигенных народах 1954 года (Закон 1954 года)

Должны ли были быть присуждены расходы и проценты?

Постановление.

а) Ответчики как представители коренного населения имеют права общего права на указанную землю, которые включают, в частности, право жить на своей земле так, как жили их предки.

(b) Закон 1954 года не ограничивает и не исключает права ответчиков по общему праву. Они дополняют друг друга.

(c) Если действия государства приводят к несправедливому лишению гражданина средств к существованию, адекватная компенсация является одним из способов возмещения вреда, причиненного такими действиями, в соответствии со статьей 13 Федеральной конституции.

(a) Ответчики должны нести расходы, связанные с разбирательством в Высоком суде. Судья первой инстанции не обратил внимания на соответствующие вопросы при присуждении издержек. Общее правило гласит, что выигравший дело истец имеет право на свои расходы, если только он не совершил неправомерных действий.

(b) Ответчики имеют право на проценты от суммы решения. Для того чтобы суд лишил выигравшую сторону ее процентов, необходимо четко

указать причины. В своем решении судья первой инстанции вообще не затронул вопрос о процентах. Судья должен был воспользоваться своим усмотрением, приняв во внимание все обстоятельства дела.

Конституционный Суд Турции

Дело Е.2011/106, К.2012/192, 29 ноября 2012 года

Конституционный суд Турции в своих решениях не дает точного определения окружающей среды, а скорее указывает на природу или элементы здоровой и устойчивой окружающей среды. В этом смысле Суд указал, что горнодобывающая деятельность, природные⁵ красоты, преобразование городов, охота и дикие животные и их естественная среда обитания, планы зонирования, вода, побережья и береговые линии, а также шумовое загрязнение подпадают под концепцию окружающей среды.

Суд рассмотрел предполагаемую неконституционность правового положения, которое узаконивало различные несанкционированные постройки в районе Босфор в Стамбуле. Суд заявил, что законодательная власть наделена дискреционными полномочиями издавать правила, которые она считает необходимыми; однако при этом законодательная власть должна учитывать конфликтующие общественные интересы и обеспечивать справедливый баланс между ними. Учитывая, что в регионе Босфора имеется много выдающихся культурных и природных ценностей, которые являются частью общего наследия человечества, Суд пришел к выводу о том, что существует значительный общественный интерес к сохранению и развитию природной красоты, а также культурных и исторических ценностей на побережье Босфора и в прибрежной зоне. Таким образом, Суд аннулировал оспариваемые положения на том основании, что они нарушают справедливый баланс, который должен быть достигнут между конфликтующими интересами.

Помимо дел о пересмотре конституционности, Суд также вынес решения о праве на окружающую среду через механизм индивидуального обращения. Как известно, право на окружающую среду не закреплено в Европейской конвенции по правам человека (далее – Конвенция). Однако Европейский суд по правам человека рассматривает защиту окружающей среды в рамках права на уважение частной жизни. Суд придерживается того же подхода (как того требует положение об общей защите) и рассматривает экологические вопросы в рамках права на уважение частной жизни.

⁵ см. решение суда, нет. Е.2011/106, К.2012/192, 29 ноября 2012 года.

В связи с этим Суд рассматривает в рамках индивидуальных жалоб, приняли ли государственные органы необходимые меры для обеспечения эффективной защиты окружающей среды. Здесь позвольте мне упомянуть решение Суда по проекту по добыче полезных ископаемых в нашей стране, где произошла трагическая авария на шахте. До несчастного случая на шахте, о котором идет речь, суд установил нарушение в индивидуальной жалобе в отношении проекта. Суд выявил расхождения между экологическим заключением, выданным государственными органами по проекту, и соответствующим экспертным заключением, и отметил, что нижестоящие суды не рассмотрели и не урегулировали эти несоответствия. Таким образом, Суд установил нарушение права на уважение частной жизни в связи с поверхностными оценками государственных органов в отношении воздействия горнодобывающего проекта на окружающую среду.⁷

Суд также рассматривает право на окружающую среду с точки зрения права граждан на участие в процессах принятия решений по экологическим вопросам.⁸ В соответствии с действующими правовыми процедурами осуществляется строгий контроль за тем, информированы ли граждане о процессах оценки воздействия на окружающую среду и предоставлена ли им возможность эффективно участвовать в этих процессах. В случаях, когда власти не выполнили эти требования, Суд констатирует нарушение.

Дело Е.2019/21, К.2020/51 от 24 сентября 2020

Оспариваемые положения предусматривают отмену распоряжений о сносе, выданных в соответствии с Законом о Босфоре № 2960, и административных штрафов, признанных безнадежными, а также возможность для владельцев недвижимого имущества, расположенного в определенных частях зоны фронтального обзора Босфора (зона, прилегающая к береговой линии Босфора), получить свидетельство о регистрации здания (свидетельство, обеспечивающее официальную регистрацию зданий, построенных в нарушение Закона о зонировании).

Основание для подачи заявления об аннулировании

Утверждается, что оспариваемые положения неконституционны, поскольку противоречат обязанности государства по сохранению исторических, культурных и природных ценностей и ведут к отказу от исполнения распоряжений о сносе нескольких нелегализованных построек, расположенных в районе Босфора, а также от взыскания наложенных на них административных штрафов.

Оценка суда

6 См. решение Суда No E.2019/21, K.2020/51 от 24 сентября 2020 года.

7 см. E,refDemir, No 2020/12802, 1 ноября 2023 г.

8 см. Февзи Каяджан (2), No 2013/2513, 21 апреля 2016 г., 56-58.

Как гласит статья 56 Конституции, в число основных обязанностей государства входит принятие мер по улучшению состояния окружающей природной среды, охране здоровья населения и предотвращению загрязнения окружающей среды. Понятие «здоровая и сбалансированная окружающая среда», закрепленное в Конституции, подразумевает не только среду, в которой сохраняются природные красоты и предотвращается загрязнение воздуха и воды в результате урбанизации и индустриализации, но и среду, которая создается и регулируется в соответствии с определенным планом и программой.

В статье 63 Конституции закреплена обязанность государства обеспечивать защиту исторических, культурных и природных ценностей и богатств и принимать для этого меры поддержки и поощрения. Следует отметить, что законодатель обладает свободой усмотрения, позволяющей ему принимать меры, которые он считает необходимыми, и определять необходимые средства в этом отношении.

Однако при этом законодатель должен соблюдать и обеспечивать разумный баланс между конкурирующими общественными интересами, которые требуют принятия законодательных мер, с одной стороны, и которые служат защите и улучшению природных красот, а также исторических и культурных ценностей указанного района, с другой стороны.

Стамбул, колыбель цивилизаций, является привилегированным городом страны, занимающим особое место в мире благодаря своим богатым историческим, культурным и природным богатствам. Стамбульскому Босфору, как первостепенному региону с его природными красотами, историческими, культурными и природными ценностями, на протяжении всей истории человечества придавалось огромное значение. Этот уникальный район, наряду с природной красотой, также включает в себя несколько произведений искусства и ценностей, которые имеют решающее значение для национальной истории и культуры. В Стамбуле, турецком городе с наибольшим количеством зарегистрированных культурных ценностей, Босфор является одним из районов, где чаще всего расположены зарегистрированные здания. В районе Босфора находится несколько выдающихся культурных и природных ценностей, составляющих общее наследие человечества. Поэтому сохранение береговой линии Босфора и зоны фронтального обзора является заботой не только сегодняшних, но и будущих поколений. Поэтому очевидно, что сохранение и улучшение природных красот, а также культурных и исторических ценностей побережья Босфора и зоны фронтального обзора представляют значительный общественный интерес. В этом смысле было сочтено, что объекты, предусмотренные оспариваемыми положениями, для реконструкции и перепланировки городов могут быть действительно предоставлены любыми другими методами; и что оспариваемые

положения, противоречащие цели сохранения участка Босфора, обладающего ценной природной красотой и культурными ценностями, препятствуют разумному балансу, который должен быть достигнут между конкурирующими интересами, о которых идет речь. Принимая во внимание ущерб, который будет нанесен окружающей среде, культурным и природным ценностям, а также преимущества, которые предполагается получить, Суд пришел к выводу, что оспариваемые положения нарушают справедливый баланс, который должен быть достигнут между позитивными обязательствами государства по охране и улучшению окружающей среды, а также культурных и природных ценностей. Следовательно, оспариваемые положения были признаны неконституционными и, соответственно, отменены.

Дело Е.2019/21, К.2020/51 от 24 сентября 2020

Конституционный суд Турецкой Республики в своем решении № 2020/12802 от 1 ноября 2023 года («Решение») постановил, что право на уважение частной жизни было нарушено в связи с отклонением иска об аннулировании положительного решения оценки воздействия на окружающую среду (далее — «ОВОС») в отношении проекта по пересмотру и увеличению мощности открытой добычи полезных ископаемых. Решение, опубликованное в «Официальном вестнике» от 16 января 2024 года под номером 32431

Предметом решения является нарушение права на уважение частной жизни, гарантированного статьей 20 Конституции, в связи с отклонением иска о признании недействительным положительного решения ОВОС на увеличение мощности открытого горного карьера.

В иске, поданном в суд первой инстанции об отмене положительного решения ОВОС, заявитель утверждал, что воздействие проекта на окружающую среду не было всесторонне оценено в рамках решения ОВОС; что бурение, отбойка и проходка штолен проводились без получения необходимых разрешений на пастбища; что такая ситуация окажет негативное влияние на сельское хозяйство и животноводство; что загрязненные поверхностные воды повлияют на питьевую воду в близлежащих деревнях; и что химические вещества, которые будут использоваться в проекте, нанесут вред здоровью людей и экологической системе.

Суд, взяв за основу экспертное заключение, подготовленное в ходе судебного разбирательства, отклонил иск по следующим основаниям: проект был подготовлен в порядке, установленном законодательством; проблемы, которые могут возникнуть в рамках проекта, были выявлены и рассмотрены в отчете об ОВОС; необходимые меры и обязательства были

достаточными и целесообразными; отчет об ОВОС был оформлен надлежащим образом и был достаточным с технической точки зрения; в положительном решении об ОВОС не было допущено нарушений закона. Апелляционные жалобы на вышеуказанное решение также были отклонены.

Затем заявитель обратился в Конституционный суд, утверждая, что были нарушены его право на справедливое судебное разбирательство, право на жизнь и право на уважение частной и семейной жизни. При оценке заявления Конституционный суд признал заявление законным и резюмировал следующие пункты: (i) в состав комитета, подготовившего экспертное заключение, не входил эксперт-агроинженер для вынесения заключения по сельскому хозяйству и животноводству; (ii) в экспертном заключении не была дана существенная оценка того, пострадал ли скот в регионе из-за пастбища, оставшегося в зоне проекта; и (iii) в экспертном заключении лишь говорилось, что пастбище местами было уничтожено, и не рассматривались возможные последствия проекта для скота и необходимые меры, несмотря на существенные утверждения заявителя в этом отношении.

Более того, Конституционный суд подчеркнул, что хотя в экспертном заключении указано, что пастбище, о котором идет речь, будет восстановлено по завершении проекта, а причиненный ущерб будет компенсирован, следует также изучить воздействие горнодобывающей деятельности, которая будет продолжаться в течение длительного времени, на скот, который является основным источником дохода в регионе. Следует выяснить, были ли предусмотрены необходимые меры в отчете ОВОС в этой связи.

Наконец, Конституционный суд пришел к выводу, что важно определить, установили ли органы государственной власти справедливый баланс между интересами Заявителя и общественности, и в этом контексте суд не оценил требования и возражения Заявителя, влияющие на исход спора, а рассмотрение и обоснование суда на основе экспертного заключения были в этом отношении ограниченными. Оно не дало прямого ответа на конкретные утверждения Заявителя, и Заявитель не имел возможности должным образом оценить эти утверждения в судебных органах.

Решение

В свете своих оценок Конституционный суд заявил, что органы государственной власти не оценили должным образом общественные и индивидуальные интересы и не выполнили свои позитивные обязательства в части права на уважение частной жизни. Конституционный суд постановил, что право на уважение частной жизни, гарантированное статьей 20 Конституции, было нарушено, и поручил суду провести новое судебное разбирательство для устранения последствий нарушения права на

уважение частной жизни. Это решение Конституционного суда соответствует его предыдущим решениям по аналогичным жалобам.

Суд также строго следит за влиянием профессиональной деятельности на семейную жизнь. В связи с этим Суд вынес много постановлений о нарушениях. Среди таких дел Суд рассмотрел вопрос о переселении государственных служащих в другие регионы, не рассматривая влияние такого процесса на их семейную жизнь. В своей оценке Суд подчеркнул, что должен быть достигнут разумный баланс между общественным интересом в назначении или перемещении государственных должностных лиц и интересом индивида в пользовании правом на уважение семейной жизни. Не следует упускать из виду тот факт, что отсутствие такого баланса подорвет рассматриваемое право. При осуществлении дискреционных полномочий по распоряжению о переселении государственных служащих власть⁹¹⁰ должна также соблюдать позитивные обязательства, возлагаемые на государство в соответствии с правом на уважение семейной жизни, которое гарантируется статьей 20 Конституции. В таких случаях суд устанавливал нарушение в случае назначения переселения без учета того, что у лица есть члены семьи, нуждающиеся в уходе.

Дело Nurbani Fik,,; no. 2014/2502, 1 1 October 2018

Факты

В то время как заявительница работала в региональном управлении государственного учреждения в качестве государственного служащего, она была временно назначена в портовое управление в рамках того же управления. Заявительница трижды просила вернуть ее на прежнее место работы в связи с проблемами со здоровьем ее матери. По этим просьбам заявительницы, проработавшей в порту определенный период времени, ей было разрешено вернуться на прежнее место работы.

Там заявительница получила предупреждение из-за инцидента, произошедшего между ней и ее начальником. Через день после этого инцидента заявительница снова была назначена в тот же портовый орган. Действующий суд принял дело, поданное заявителем, об отмене ее назначения, и, таким образом, процесс был отменен. Пока продолжалось разбирательство, мать заявительницы умерла. По апелляции администрации Государственный совет отменил решение первой инстанции. Суд подчинился решению Государственного совета. Последующая просьба заявителя об исправлении решения, а также ее апелляция были отклонены, поэтому она подала индивидуальное заявление.

Кроме того, после того, как заявительница была назначена в портовое управление во второй раз, она подала иск о компенсации против

⁹ см. Нурбани Фик"; No 2014/2502, 1 1 октября 2018 г.

¹⁰ См. Тайфун Дженгиз, No 2013/8463, 18 сентября 2014 г., 30.

администрации, и ей была присуждена компенсация в размере 1 000 турецких лир (TRY). Апелляция администрации была отклонена, и решение вступило в законную силу.

Утверждения заявителя

Заявительница утверждала, что ее право на уважение семейной жизни было нарушено в связи с ее назначением в другой район.

Оценка суда

Должен существовать разумный баланс между публичными интересами при назначении или переводе государственных служащих и личными интересами человека с точки зрения его права на уважение его семейной жизни. В случае несоблюдения такого баланса нельзя упускать из виду, что право на уважение семейной жизни будет ущемлено.

В рамках пределов свободы усмотрения, используемой для изменения места службы публичных должностных лиц, необходимо также принимать во внимание позитивные обязательства, налагаемые на государство правом на уважение семейной жизни, гарантированным статьей 20 Конституции.

В качестве требования позитивных обязательств, налагаемых на государство правом на уважение семейной жизни, юридические и фактические препятствия должны быть устранены, чтобы заявительница могла ухаживать за своей больной матерью, которая нуждалась в уходе. Это требование не обязательно означает, что место службы заявителя не будет изменено ни при каких обстоятельствах.

На этом этапе важны причины, приведенные администрацией, и оценки нижестоящих судов. В своих решениях нижестоящие суды должны принимать во внимание серьезность самопожертвования со стороны человека и определять, был ли достигнут справедливый баланс между требованиями общественных интересов и защитой основных прав человека.

Одной из причин изменения места службы заявителя было утверждение о том, что ее определенное поведение или поступки по отношению к начальнику не соответствовали ее положению государственного служащего. Иск заявителя об отмене ее назначения был отклонен судом первой инстанции. В то время как назначение заявительницы в другой округ, несмотря на ее оправдание по поводу здоровья матери, было признано законным в рамках иска об отмене процесса, тот же процесс был признан незаконным в рамках иска о компенсации. Однако суд низшей инстанции, рассматривавший иск заявителя об отмене ее назначения, не дал никакой оценки или объяснения по поводу оправдания заявителя в связи с состоянием здоровья ее матери, а также не предоставил достаточного обоснования предполагаемого нарушения права заявителя на уважение ее семейной жизни.

Кроме того, хотя в ходе рассмотрения иска об аннулировании поручения заявительница утверждала, что поданный ею иск о компенсации был завершен в ее пользу, суд не дал этому никакой оценки в своем обосновании.

Подразумевалось, что в решении нижестоящего суда отсутствовали достаточные элементы для установления неудовлетворительного баланса между законным общественным интересом, преследуемым процессом переуступки прав, и правом заявителя на уважение ее семейной жизни. Соответственно, позитивные обязательства, возложенные на государственные органы в рамках права на уважение семейной жизни, не были выполнены.

Кроме того, был сделан вывод, что сумма компенсации, присужденная заявителю, недостаточна для возмещения страданий и переживаний, которые она испытывала из-за невозможности выполнять свои обязанности по уходу за матерью.

Следовательно, Конституционный суд признал нарушение права заявителя на уважение семейной жизни, гарантированного статьей 20 Конституции, и присудил ей компенсацию.

Дело Tayfun Cengiz, no. 2013/8463, 18 September 2014, 30.

Заявитель не вышел на работу, чтобы принять участие в общенациональном профсоюзном призыве в Турции, членом которого он был. Он утверждал, что ему было назначено предупреждение на том основании, что он не вышел на работу без уважительной причины, что его наказывают из-за его участия в профсоюзной деятельности, и это нарушает статьи 10, 36, 40 и 90 Конституции и его конституционные права в отношении права на свободу собраний и объединений, и подал иск о возмещении материального и морального ущерба.

Решение:

Необходимость и пропорциональность в демократическом обществе

Заявитель напомнил о судебной практике ЕСПЧ, Государственного совета и судов первой инстанции в аналогичных делах, а также о циркуляре премьер-министра 1999 года о неналожении дисциплинарного взыскания в отношении акций, организованных в рамках профсоюзной деятельности, и о мнении Юридического консультативного департамента Министерства национального образования относительно того, что акция по прекращению работы, организованная по решению профсоюза, может быть признана профсоюзной деятельностью. Заявитель утверждал, что наложение дисциплинарного взыскания на акцию по прекращению работы, которая была в рамках профсоюзной деятельности, противоречит свободе объединения с учетом рассматриваемых правил и судебной практики судов.

В заключении Министерства было указано, что в случае вмешательства, направленного на право на профсоюз, необходимо оценить, существовали ли обоснования, оправдывающие принятые меры, и существовал ли «разумный баланс между целью и средствами ограничения», с учетом требований демократического общества.

Поскольку право на профсоюз не является абсолютным, оно может быть подвергнуто некоторым ограничениям. Необходимо провести оценку по вопросу о том, соответствуют ли ограничения, перечисленные в статье 51(2) Конституции (см. § 41) относительно права на профсоюз, требованиям демократического общественного порядка и принципу пропорциональности, гарантированному статьей 13 Конституции.

В обосновании первой редакции статьи 13 Конституции было отмечено, что ограничения, налагаемые на права и свободы, не должны противоречить пониманию демократического режима; в обосновании поправки, внесенной в Конституцию статьей 2 Закона о внесении изменений в некоторые статьи Конституции Турецкой Республики № 4709 от 3 октября 2001 г., было указано, что статья 13 Конституции регулируется в соответствии с принципами Конвенции (Приложение № 2013/409, 25/6/2014, § 92).

Понятие «демократическое общество», закрепленное в Конституции 1982 года, необходимо толковать с современным и либертарианским пониманием. Критерий «демократического общества» четко отражает параллелизм между статьей 13 Конституции и статьями 9, 10 и 11 ЕКПЧ, которые содержат этот критерий. Поэтому критерий демократического общества следует толковать на основе плюрализма, толерантности и открытости (о решениях ЕСПЧ в том же ключе см. *Handyside v. United Kingdom*, App. No: 5493/72, 7/12/1976, § 49; *Başkaya and Okçuoğlu v. Turkey*, App. No: 23536/94, 24408/94, 8/7/1999, § 61).

Действительно, согласно устоявшейся практике Конституционного суда, «демократии — это режимы, в которых основные права и свободы обеспечиваются и гарантируются в самом широком смысле. Ограничения, которые наносят ущерб сущности основных прав и свобод и делают их полностью неосуществимыми, не могут считаться соответствующими требованиям демократического общественного порядка. По этой причине основные права и свободы могут быть ограничены в исключительных случаях и только без ущерба для их сущности в той мере, в какой это является обязательным для продолжения демократического общественного порядка и только законом». (АУМ, Е.2006/142, К.2008/148, КТ 24/9/2008) Другими словами, если введенное ограничение останавливает или крайне затрудняет осуществление права и свободы, нанося ущерб его сути, делает его неэффективным или если баланс между средствами и целью ограничения нарушается с нарушением принципа пропорциональности, то это будет противоречить демократическому общественному порядку (Приложение №: 2013/409, 25/6/2014, § 94) .

Свобода объединений в целом и право на профсоюз в частности относятся к числу свобод, которые конкретизируют политическую демократию, которая является одной из основополагающих ценностей, принятых в Конституции, и составляет одну из основополагающих ценностей демократического общества. Возможность обсуждать и решать вопросы публично составляет суть демократии. Конституционный суд подчеркивал в своих предыдущих решениях, что основами демократии являются плюрализм, терпимость и открытость (App. No: 2013/409, 25/6/2014, § 95). Согласно этому, лица, осуществляющие право на профсоюз, пользуются защитой основополагающих принципов демократического общества, таких как плюрализм, терпимость и открытость. Другими словами, если только не происходит провокации насилия или отрицания демократических принципов, даже если некоторые мнения, выраженные в рамках права на профсоюз, и форма их выражения неприемлемы в глазах компетентных органов, меры, направленные на устранение свободы слова, ассоциации и профсоюза, не могут служить демократии и, тем не менее, они ставят ее под угрозу. В демократическом обществе, которое опирается на верховенство закона, выражение различных мыслей посредством свобод профсоюзов или иными способами должно быть разрешено. (Подобные оценки см. в деле Ойя Атаман против Турции, заявление № 74552/01, 5/3/2007, § 36).

Другой гарантией, которая будет вмешиваться во все виды ограничений, которые будут введены в отношении прав и свобод, является «принцип пропорциональности», выраженный в статье 13 Конституции. Этот принцип является гарантией, которую необходимо учитывать в первую очередь в заявлениях об ограничении основных прав и свобод. Хотя требования демократического общественного порядка и принцип пропорциональности регулируются как два отдельных критерия в статье 13 Конституции, между этими двумя критериями существует неразрывная связь. По сути, Конституционный суд изучает, существует ли разумная связь и равновесие между целью и средствами (App. No: 2013/409, 25/6/2014, § 96).

Согласно решениям Конституционного суда, пропорциональность отражает связь между целями ограничения основных прав и свобод и средствами. Проверка пропорциональности представляет собой проверку средств, выбранных на основе преследуемой цели для достижения этой цели. (Приложение №: 2012/1051, 20/2/2014, § 84; Приложение №: 2013/409, 25/6/2014, § 97). По этой причине при вмешательствах в право на профсоюз, независимо от того, является ли вмешательство, выбранное для достижения преследуемой цели, подходящим, необходимо оценить необходимость и пропорциональность.

В этом контексте основным направлением оценок, которые необходимо провести в отношении инцидента, являющегося предметом заявления,

будет то, соответствуют ли обоснования, на которые ссылались в своих решениях суды инстанции, инициировавшие вмешательство, «необходимости в демократическом обществе» и «принципу соразмерности» с целью ограничения права на профсоюз, и могут ли они быть убедительно представлены (Заявление № 2013/409, 25/6/2014, § 98).

В своих первоначальных решениях по этому вопросу ЕСПЧ разъяснил, что означает термин «необходимый», предусмотренный в пунктах 2 статей 10 и 11 Конвенции. Согласно ЕСПЧ, термин «необходимый» подразумевает «настоятельную общественную потребность» (*Handyside v. the United Kingdom*, App. No. 5493/72, 7/12/1976, § 48). Затем необходимо будет посмотреть, соответствует ли судебное или административное вмешательство в свободу ассоциации и право на профсоюз давлению общественной потребности. В этих рамках вмешательство должно быть вмешательством, которое пропорционально законной цели; во-вторых, обоснования, которые государственные органы приводят в пользу законности вмешательства, должны быть уместными и достаточными (Станков и Объединенная македонская организация «Илинден» против Болгарии, заявление № 29221/95 29225/95, 2/10/2001, § 87).

Таким образом, в случае признания того, что баланс между правом на профсоюз, нарушенным в связи с дисциплинарным взысканием, наложенным за действие в виде неявки на работу в рамках профсоюзной деятельности, и общественным интересом, которого добивались посредством дисциплинарного взыскания, является соразмерным, можно сделать вывод о том, что обоснования в отношении наложения дисциплинарного взыскания и прекращения возбужденного дела судами первой инстанции были убедительными и, иными словами, уместными и достаточными (аналогичный подход в другом контексте см. в заявлении № 2012/1051 от 20.02.2014 г., § 87).

Дисциплинарное взыскание, являющееся предметом заявления, должно быть рассмотрено в свете всех инцидентов. Решением правления EĞİTİM SEN от 6/3/2012 было решено, что акция по невыходу на работу в Турции в целом будет организована в даты 28 и 29 марта 2012 года, чтобы гарантировать прекращение переговоров по законопроекту о начальном образовании и образовании, которые проводились в Великом Национальном Собрании Турции по инциденту, и отзыв законопроекта. Другими словами, дата акции, являющейся предметом дела, была заранее уведомлена по всей стране. Не утверждалось также, что организация акции, о которой идет речь, была оспорена компетентными органами. Заявитель воспользовался своим правом на профсоюз, приняв участие в этом действии (аналогичную оценку см. в деле Эзелен против Франции, заявление № 11800/85, 26/4/1991, § 41).

Заявитель участвовал в рассматриваемом действии и был наказан предупреждением за неявку на работу, организованную EĞİTİM SEN. В случае, если лицо не выходит на работу в рамках профсоюзной деятельности, как в инциденте, который является предметом заявления, считается, что лицо использует свой отпуск, и дисциплинарное расследование не возбуждается как в обычной практике администрации, так и в устоявшейся судебной практике административной юстиции. Однако, несмотря на устоявшуюся судебную практику административной юстиции, согласно которой члены профсоюзов будут считаться находящимися в отпуске в случае, если они не выходят на работу в рамках профсоюзной деятельности, не существует законодательного регулирования, которое гарантировало бы единообразие действий администрации и юстиции в целом. По этой причине следует отметить, что лица, которые осуществляют свое право на профсоюз в случаях, подобных тому, что рассматривается в настоящем заявлении, находятся под угрозой дисциплинарного расследования.

С другой стороны, хотя и возможно, что запрет деятельности профсоюза в целом или подчинение ее реализации жестким условиям нанесет ущерб сути права, осуществление правового регулирования в отношении участия членов профсоюзов в таких действиях, как прекращение работы и общие регулятивные действия в зависимости от правовых норм, находится в ведении законодательных и исполнительных органов.

Учитывая тот факт, что заявитель является учителем в государственной школе, необходимо также отметить, что государственные служащие не могут быть полностью лишены этого права. Тем не менее, в случаях, когда его необходимость в демократическом обществе неоспорима, возможно введение ограничений в отношении профсоюзной деятельности в армии, полиции и некоторых других секторах. Также не утверждалось, что заявитель находился в положении, которое требовало бы подвергать его такого рода ограничениям.

Несмотря на все это, даже если наложенное наказание незначительно, оно способно отговорить лиц, являющихся членами профсоюза, таких как заявитель, от участия в законных днях забастовки или акции, организованных для защиты своих интересов (см. *Kaya and Seyhan v. Turkey*, App. No: 30946/04, 15/12/2009, § 30; *Karaçay v. Turkey*, App. No: 6615/03, 27/6/2007, § 37; *Ezelin v. France*, App. No: 11800/85, 26/4/1991, § 43).

По изложенным причинам, даже если предупредительное наказание, на которое подана жалоба, является незначительным наказанием, делается вывод, что «оно не является необходимым в демократическом обществе», поскольку не соответствует «давлению общественной потребности». По этой причине следует принять решение о нарушении права заявителя на профсоюз, гарантированного статьей 51 Конституции.

Право на свободу ассоциаций и свободу мирных собраний

По мнению Суда, «право на свободу объединений позволяет людям реализовывать свои политические, культурные, социальные и экономические цели в сообществе с другими». В нем также указывается, что «в демократических странах существование ассоциаций, в которых граждане могут свободно взаимодействовать и организовываться друг с другом для достижения общих целей, является неотъемлемой частью здорового и хорошо функционирующего общества, и такая «ассоциация», пользуется основными правами, которые должны уважаться и защищаться государством».

В одном из своих постановлений о праве на создание ассоциаций Суд заявил, что «свобода ассоциаций и ее субэлемент, право на создание ассоциаций, рассматриваются как существенный компонент демократической жизни в соответствии с Конституцией», и что «ограничения этого права подлежат строгому анализу на предмет того, являются ли они необходимыми в демократическом обществе»⁸ Кроме того, Суд счел, что свобода объединения также включает в себя право на создание профессиональных союзов, заявив, что это право «гарантирует, что работники не будут подвергаться никаким санкциям за свое членство в профсоюзе».⁹

Суд также вынес решения о праве на проведение собраний и демонстрационных шествий в ряде постановлений. По мнению Суда, это право является «одним из наиболее фундаментальных принципов демократического общества и направлено на то, чтобы люди могли объединяться друг с другом для коллективной защиты своих общих идей и распространения их среди других». В своих решениях Суд подчеркнул, что Конституция гарантирует право на проведение мирных демонстрационных шествий без предварительного разрешения. В связи с этим Суд строго рассматривает вмешательство в ненасильственные мирные демонстрации и констатирует нарушение, если органы государственной власти не предоставляют конкретных оснований, обосновывающих вмешательство в публичные демонстрации. Аналогичным образом, применение административных или уголовных наказаний к лицам, участвующим в мирных демонстрационных шествиях, представляет собой нарушение соответствующих принципов.

Дело EĞİTİM VE BİLİM EMEKÇİLERİ SENDİKASI (EĞİTİM SEN) AND OTHERS

Генеральная ассамблея Конституционного суда постановила, что профсоюзное право, гарантированное статьей 51 Конституции, было

нарушено в индивидуальном заявлении, поданном Профсоюзом работников образования и науки 25.05.2017 (В. No: 2014/920).

Согласно иску Профсоюза работников образования и науки заявителя (EĞİTİM SEN), его члены неоднократно подвергались административным штрафам в соответствии с Законом о правонарушениях в течение двух лет, предшествовавших дате подачи заявления, из-за деятельности профсоюза.

Конфедерация профсоюзов государственных служащих (KESK), в которую входит EĞİTİM SEN, приняла решение о двухдневной приостановке работы 4-5 июня 2013 года своим решением от 3.6.2013. Двадцать один член Союза кандидатов сделал заявление для прессы в саду средней школы изящных искусств и спорта Чанаккале, покинул рабочее место и начал приостановку работы.

В двух отдельных полицейских протоколах, подготовленных в отношении одного из заявителей, Телата Коча, поскольку он лично присутствовал на данном пресс-релизе и был провинциальным представителем Союза, указывалось, что пресс-релиз был сделан в саду средней школы. блокирование ворот школы, и что рассматриваемая средняя школа была одним из мест, где пресс-релиз не мог быть опубликован по решению губернатора и по распоряжению провинциального управления полиции. 6 августа 2013 года был наложен административный штраф. Заявление об отмене этой санкции было принято решением Первого мирового уголовного суда Чанаккале от 29.11.2013, и наказание было окончательно отменено.

Жалоба, поданная представителем Союза Телатом Кочем на решение об административной санкции от 2 октября 2013 года в отношении Союза-заявителя, была отклонена решением Третьего мирового уголовного суда Чанаккале от 2 декабря 2013 года.

Хотя вышеупомянутый инцидент был упомянут исключительно в форме заявления, решения об административных санкциях были вынесены правоохранительными органами членам Союза-заявителя по всей стране в тот же период. Решения суда, которые заявитель не упомянул в заявлении, но приобщил к делу; Понятно, что некоторые из рассматриваемых административных штрафов были отменены судами, а возражения по некоторым из них были отклонены.

Гюльхан Октай, одна из заявительниц, участвовала в пресс-релизе, подготовленном Батманским отделением Союза, членом которого она является, перед зданием Управления национального образования провинции Батман 8 мая 2013 года, и утверждала, что была наказана. с административным штрафом и что ее жалоба на это решение была отклонена 2-м мировым уголовным судом Бэтмена. В своем письме от 17 февраля 2014 года Конституционный суд запросил у заявителей судимости и другие документы, касающиеся Гюльхан Октай. Хотя адвокат заявителя

направил документы в отношении многих членов профсоюза, он не отправил документы в отношении Гюльхана Окта.

Утверждения заявителей

Заявители утверждали, что, поскольку профсоюзные собрания и заявления для прессы не являлись преступлениями в смысле уголовного закона, административные действия были оценены в рамках Закона № 5326, и им были назначены произвольные наказания, и что их наказание в виде административных штрафов было нарушение права на демонстрации и собрания и было непредсказуемым. Кроме того, заявители требовали, чтобы необоснованное отклонение их возражений, в то время как многие суды приняли возражения против административных штрафов, представляло собой нарушение их права на справедливое судебное разбирательство, и чтобы нарушение было установлено, и чтобы администрация, наложившая административный штраф подлежит денежной компенсации и извинениям от администрации, наложившей административный штраф.

Оценка Конституционного суда

Конституционный суд вкратце дал следующие оценки в рамках этого иска:

Конституционный суд не может признать, что само существование поведения, противоречащего должным образом отданному приказу, является достаточным для вмешательства в основные права и свободы. Однако необходимо доказать, что существует ухудшение или опасность ухудшения общественной безопасности, общественного порядка или общего состояния здоровья, что оправдывало бы вмешательство в фундаментальные права и которое является целью порядка. Любое действие или операция государственной власти, когда нарушение общественного порядка не может быть продемонстрировано с соответствующим и достаточным обоснованием и когда имеет место вмешательство в основные права, может нарушать основные права и свободы.

Административные суды и суды первой инстанции; Заявитель не утверждал, что заявление для прессы, сделанное членами Союза на школьном дворе, нарушило учебу, напугало или обеспокоило учащихся, нарушило общественный порядок или создало опасность срыва. Напротив, не было необходимости во вмешательстве правоохранительных органов или администрации в пресс-релиз, и административный штраф против заявителя был наложен правоохранительными органами после пресс-релиза. Фактически административный штраф, наложенный на Телата Коча, был отменен судом первой инстанции, который подчеркнул мирный характер рассматриваемого пресс-релиза. Суд заявил, что пресс-релиз не содержал насилия.

Если демонстранты не участвуют в актах насилия, как в настоящем заявлении, государственные власти должны в определенной степени терпеть право на организацию собраний и демонстраций. В принципе, мирная демонстрация или заявление для прессы не должны подвергаться угрозе уголовных санкций.

В случаях, когда это право ограничено по таким причинам, как характер места проведения демонстрации или пресс-релиза, меры вмешательства против демонстрантов - в соответствии с приказами компетентных органов - необходимы для обеспечения общественного порядка, а штрафы налагаются в связи с возникновением нарушения или опасности нарушения общественного порядка, в решениях органов, использующих публичную власть (например, лица, составившие протокол о наказании, должны быть указаны в протоколах полиции).

В настоящей заявке не был достигнут справедливый баланс между мерами, которые считаются необходимыми для достижения законных целей, указанных во втором абзаце статьи 51 Конституции, и правами Союза-заявителя в рамках той же статьи. Сделан вывод, что наложение административного штрафа на заявителя не является необходимым для поддержания порядка в образовательном учреждении в соответствии с пунктом вторым статьи 51 Конституции.

В результате Конституционный суд постановил, что право профсоюзов, гарантированное статьей 51 Конституции, нарушено.

Дело Hint Aseel Animals Protection and Training Association and Hikmet Neğuç Judgment (App. No. 2014/4711, 22/2/2017)

Факты

В настоящем деле, возбужденном Ассоциацией защиты и обучения животных «Хинт Асель» («Ассоциация»), действующей в провинции Дюздже, и ее председателем Хикметом Негучем, Ассоциация и ее члены стали объектом многочисленных уголовных расследований за организацию несанкционированных соревнований по петушиным боям «Хинт Асель» в соответствии с уставом Ассоциации. Заявка, поданная Ассоциацией на организацию петушиных боев, была отклонена в апреле 2012 года Генеральным управлением по охране природы и национальных парков, поскольку противоречила Закону о защите животных и Закону об ассоциациях. Однако в 2013 году полиция опубликовала три рапорта о том, что, несмотря на это решение, Ассоциация-заявительница продолжала проводить петушиные бои в своем здании. Главная прокуратура Дюздже возбудила уголовное дело против заявителя и трех его друзей за нарушение Закона об ассоциациях. 12 ноября 2013 года Уголовный суд Дюздже приговорил заявителя и трех его друзей по отдельности к десяти месяцам тюремного заключения и постановил распустить Ассоциацию. Петиция

заявителя против этого решения была отклонена Судом присяжных Дюздже.

Утверждения заявителей

Заявители утверждали, что Ассоциация была создана в соответствии с Законом и что одним из видов ее деятельности была организация боев между петухами Хинт Асель. Заявители утверждали, что вмешательство полиции в их бои и наказания, наложенные на Ассоциацию и ее членов, нарушили свободу объединения, закрепленную в статье 33 Конституции. Заявители просили признать факт нарушения и провести повторное судебное разбирательство.

Оценка Конституционного суда

Конституционный суд сделал следующие выводы: Заявители указали; что, хотя их ходатайство было отклонено, они продолжали организовывать мероприятия, которые не были разрешены соответствующей администрацией, под названием «мероприятие»; что эти мероприятия не являлись боями животных, которые запрещены законом, а представляли собой соревнования между животными.

В обязанности Конституционного суда не входит оценка оспариваемых фактов в рамках уголовного права. Как в полицейских протоколах, так и в соответствующих судебных решениях признается, что деятельность, которой занимаются заявители, является боями животных. Тем не менее, заявители не смогли продемонстрировать, какого рода «событием» была их деятельность в ходе разбирательства в Конституционном суде. Таким образом, нет оснований игнорировать тот факт, что Ассоциация занималась боями животных, описанными в Законе о защите животных.

Заявители утверждали, что при определенных обстоятельствах бои животных должны быть разрешены как часть культурного наследия. Однако настоящее заявление относится не к вопросу о разрешении традиционного спортивного соревнования, где были приняты всевозможные меры проверки и контроля, а к закрытию ассоциации, признанной незаконной и бесконтрольной организацией петушинных боев. В этом отношении оценка соответствующего суда относительно того, что сфера деятельности ассоциации включает в себя акты и действия, противоречащие Закону о защите животных, была признана обоснованной.

Кроме того, следует признать, что, независимо от различий во взглядах на взаимоотношения животных и человека, жестокое обращение с животными только ради забавы или получения удовольствия является как с моральной, так и с юридической точки зрения неправильным. Не может быть и речи о том, чтобы считать такое жестокое обращение необходимым.

Соответственно, было отмечено, что компетентные суды приняли решение о наиболее разумной санкции по данному вопросу. Принимая во

внимание тот факт, что именно законодателю принадлежит право определять наказание, предусмотренное законами за вменяемое преступление, и свободу усмотрения, предоставленную судам, был сделан вывод, что закрытие Ассоциации и назначение другому заявителю испытательного срока на определенный период путем приостановления его тюремного заключения являются необходимыми и соразмерными в демократическом обществе.

Следовательно, Конституционный суд не усмотрел нарушения свободы объединения заявителей, гарантированной статьей 33 Конституции.

Дело Anzl Pmar and Ömer Bilge, no. 2014/15627, 5 October 2017, 35.

5 октября 2017 года Первая секция Конституционного суда постановила, что профсоюзное право, гарантированное статьей 51 Конституции, было нарушено в индивидуальном заявлении *Анила Пынара и Омера Бильге (B. No: 2014/15627)*.

Заявители, чьи трудовые договоры были расторгнуты Компанией, в которой они работали, из-за «низкой производительности труда», утверждали, что они были уволены из-за их участия в деятельности по регистрации членов Союза и попыток стать членами Союза, и подали иски в Суд по трудовым спорам, требуя, чтобы расторжение их контрактов было произведено по профсоюзным причинам, и требуя профсоюзной компенсации.

Подчеркнув, что работодатель не смог доказать снижение производительности заявителей, суд заявил, что заслушанные свидетели заявили, что заявители были уволены, потому что они думали стать членами профсоюза, что отчет, подготовленный Советом инспекции труда, по этому вопросу заявил, что представитель работодателя оказывал профсоюзное давление на рабочих, и что увольнения произошли после того, как профсоюз начал организовывать деятельность на рабочем месте, и указывал, что после этого на рабочем месте не осталось ни одного члена профсоюза. 1151 сотрудник был уволен Компанией, он счел обоснованными утверждения заявителей о том, что они были уволены по профсоюзным причинам, и постановил, что профсоюзная компенсация должна быть выплачена в размере годовой заработной платы до уплаты налогов.

Хотя мнение Суда о том, что расторжение трудового договора не было обосновано Верховным апелляционным судом, было обоснованным, параграф положения о выплате профсоюзной компенсации был исключен на том основании, что трудовые договоры заявителей, которые еще не имели профсоюзных договоров, были исключены. членство было прекращено из-за деятельности профсоюза на том основании, что это не

могло быть подтверждено достаточными и убедительными доказательствами в решении Суда.

Обвинения заявителя

Заявители заявили, что их уволили, поскольку они рассматривали возможность вступления в профсоюз, и хотя иски, поданные другими уволенными работниками с требованием компенсации и профсоюзных компенсаций, были решены в пользу работников и были одобрены Верховным судом, решение в отношении трех человек, в том числе и они сами, не смогли доказать, что трудовой договор был расторгнут из-за деятельности профсоюза. Они жаловались, что данная ситуация была отменена на том основании, что она нарушает принцип равенства.

Оценка Суда

Конституционный суд вкратце дал следующие оценки в рамках этого иска:

Гарантии в рамках статьи 51 Конституции охватывают не только период после вступления в профсоюз, но и процесс формирования воли к членству до вступления в профсоюз, иными словами, процесс формирования членских предпочтений. Таким образом, если трудовой договор будет расторгнут из-за участия в информационной и убеждающей деятельности, проводимой профсоюзом с целью стать членом профсоюза, профсоюзное право будет нарушено работодателем. В этом случае возникает необходимость принятия государством мер предосторожности в рамках позитивных обязательств.

Судя по всему, суд опирался на показания свидетелей, отчет Инспекции труда и тот факт, что компания уволила в общей сложности 1151 работника. Свидетели, заслушанные судом, заявили, что заявители были уволены, потому что они собирались стать членами профсоюза, и что представитель работодателя даже пообещал, что они покроют нотариальные расходы существующих членов профсоюза, которые хотели уйти в отставку. Оценив все эти вопросы, суд пришел к выводу, что заявители были уволены с целью помешать им стать членами профсоюза.

Верховный суд отменил решение суда, заявив, что невозможно доказать достаточными и убедительными доказательствами, что трудовые договоры заявителей были расторгнуты из-за профсоюзной деятельности. Верховный суд не дал никакой оценки фактам, на которых было основано решение Суда (показания свидетелей, выводы в отчете инспектора, увольнение многих работников и тот факт, что на рабочем месте не осталось работников, входящих в профсоюз), а также содержало ли оно конкретную критику оценки Суда.

Решение, основанное на мнении суда, полученном в результате оценки соответствующих доказательств и фактов и подробно аргументированном, было отменено Палатой без обоснования. Делается вывод, что позитивные процессуальные обязательства не были выполнены, поскольку Верховный

суд необоснованно отменил решение, несмотря на оценку суда, которая была сочтена достаточной и убедительной.

В результате Конституционный суд постановил, что право заявителей на объединение, гарантированное статьей 51 Конституции, было нарушено.

Дело Yasin Agin and Others [Plenary], no. 2017/32534, 21 January 2021

21 января 2021 года Пленум Конституционного суда установил нарушение права на проведение собраний и демонстрационных шествий, гарантированного статьей 34 Конституции, в индивидуальном обращении Ясина Агина и других (№ 2017/32534), в то время как в индивидуальном обращении Гюлистана Атасоя и других (№ 2017/15845) нарушения того же права не было.

Заявители, являющиеся государственными служащими, получили предупреждение/выговор в качестве дисциплинарного взыскания за участие в некоторых собраниях и демонстрационных шествиях незаконного характера. Иски заявителей об отмене наложенных дисциплинарных взысканий были отклонены.

Обвинения заявителей

Заявители утверждали, что наложение дисциплинарного взыскания за их присутствие на некоторых собраниях и демонстрационных шествиях было нарушением права на проведение собраний и демонстрационных шествий.

Оценка суда

1. Что касается заявления № 2017/32534

На заявителей, являющихся учителями, было наложено дисциплинарное взыскание за участие в акции протеста под названием «Марш за уважение светского образования и труда». Демонстрация, организованная профсоюзом, членами которого являлись заявители, была запрещена администрацией губернатора, и полиция вмешалась в шествие, в котором участвовали заявители.

Заявители были подвергнуты дисциплинарному взысканию за участие в демонстрационном шествии, запрещенном администрацией губернатора и признанном незаконным в связи с блокированием движения, что равносильно совершению в нерабочее время действий, подрывающих репутацию и доверие к государственным служащим.

Как признал суд, на публичных должностных лиц может быть наложено дисциплинарное взыскание, соразмерное тяжести действий или поступков в их частной жизни, в той мере, в какой эти действия или поступки имеют отношение к их публичной должности. Однако административные и судебные органы должны доказать, имея соответствующие и достаточные основания, что оспариваемая деятельность или поведение данного публичного должностного лица имело отношение к его публичной должности.

В данном случае собрание было запрещено канцелярией губернатора в соответствии со статьей 11 (с) Закона о провинциальной администрации. Однако административные и судебные органы не представили конкретных и разумных объяснений причин, по которым указанное собрание было сочтено подпадающим под действие данного положения и почему запрет собрания был единственным решением.

Кроме того, действующий суд, рассматривая уголовное дело, возбужденное против заявителей за отказ разойтись, несмотря на предупреждения, и в конечном итоге оправдав их, отметил, что демонстрационное шествие, в котором участвовали заявители, не препятствовало движению транспорта в такой степени, которая могла бы привести к возникновению чрезвычайной ситуации. Как также указал суд, невозможно однозначно установить, что заявители совершили вменяемое им правонарушение.

В свете вышеуказанных выводов Суд счел, что ни административный суд, ни суд низшей инстанции, рассматривавший дело о дисциплинарном взыскании, не смогли предоставить соответствующие и достаточные основания, чтобы объяснить, каким образом заявители действовали вопреки своему статусу государственного служащего. Соответственно, в данном деле нижестоящие суды не смогли установить путем конкретной оценки, какое-либо неблагоприятное воздействие оспариваемого поведения заявителей на государственную службу или нанесло ли их поведение ущерб репутации и доверию к государственным служащим.

Таким образом, Суд пришел к выводу, что не было достаточно доказано, что дисциплинарные взыскания, наложенные на заявителей, отвечали насущным социальным потребностям и были необходимы в демократическом обществе; и что оспариваемые дисциплинарные взыскания, следовательно, были несправедливыми.

Следовательно, Суд установил нарушение права на проведение собраний и демонстрационных шествий.

Дело E.2020/12, K.2020/46, 10 September 2020

Решение об отмене положения, запрещающего проведение демонстрационных шествий на междугородных автомагистралях

Оспариваемое положение гласит, что демонстрационные шествия не должны проводиться на междугородних автомагистралях.

Вкратце утверждалось, что при определении места проведения демонстрационного шествия следует также учитывать права и свободы других лиц, которые будут пользоваться этим местом; однако оспариваемое положение устанавливает категорический запрет без такого учета. В связи с этим оспариваемое положение было признано неконституционным.

Оценка суда

Право на проведение собраний и демонстраций, гарантированное статьей 34 Конституции, защищает свободу людей собираться в открытые или закрытые места для выражения своих мнений. Это право вместе с свободой выражения мнений составляет основу демократического общества.

Оспариваемое положение представляет собой ограничение по месту жительства права на проведение собраний и демонстрационных шествий, предусматривающее, что демонстрационные шествия не проводятся на междугородных автомагистралях.

Суд определил свой основной подход в отношении ограничения ратонных мест, наложенного на право проводить собрания и демонстрационные марши в своем решении п. Е.2014/101, К.2017/142 от 28 сентября 2017 года, где он аннулировал фразу «Общественные дороги ...» включена в статью 22 § 1 Закона No. 2911.

Это решение гласит: что собрания и демонстрации неизбежно оказывают негативное воздействие на повседневную жизнь других; что использование общественных дорог для различных целей может привести к конфликту между различными свободами, однако в случае такого конфликта должна быть достигнута разумная сбалансированность между свободами, обеспечивая тем самым максимально возможную равную защиту; и что в этой связи Ограничение свободы передвижения людей, пользующихся этими дорогами, в результате встреч, организованных на общественных дорогах, не означает автоматического запрета на проведение собраний на этих дорогах.

Нарушение движения транспортных средств затрагивает общественный порядок, а также свободу передвижения других. Таким образом, считается, что ограничение, введенное оспариваемым положением, преследует законную цель.

При определении маршрута проведения демонстрации, абсолютное превосходство предотвращения нарушения дорожного движения приведет к несоразмерному балансу между правом на проведение собраний и демонстрационными маршей; и общественному порядку, а также правам и свободам других лиц в ущерб первым. Как указывалось в предыдущих решениях Суда, собрания и демонстрации неизбежно оказывают негативное воздействие на повседневную жизнь других людей, что должно быть терпимо в демократическом обществе.

В тех случаях, когда права и свободы других лиц имеют абсолютное превосходство при определении места проведения демонстрации, только некоторые места будут разрешены для маршрута марша, и остальные места будут рассматриваться как абсолютно запрещенные зоны. Однако в некоторых случаях место проведения шествий и выбранный маршрут имеют большое значение для воздействия на целевые группы. Если в

демократическом обществе нет насущной необходимости, то люди должны иметь возможность выбирать место проведения демонстрационного марша.

Если нарушение движения автотранспортных средств в результате демонстрации делает повседневную жизнь чрезвычайно сложной и невыносимой, то это право может быть ограничено при условии соблюдения конституционных принципов и правил. Оспариваемое положение категорически запрещает организацию демонстрационных шествий на междугородных автомагистралях, не ссылаясь на степень возможного нарушения или затруднения.

Таким образом, был сделан вывод о том, что ограничение права на проведение собраний и демонстраций не отвечает насущным социальным нуждам, а также требованиям порядка демократического общества.

Следовательно, оспариваемое положение было признано неконституционным и, следовательно, аннулировано.

Конституционный Суд Кореи

Дискриминация в отношении иностранных граждан в национальной системе медицинского страхования (2019Hun-Ma1165, 26 сентября 2023 года).

Предыстория дела

15 января 2019 года был изменен Закон о национальном медицинском страховании. До внесения поправки иностранные граждане имели возможность выбрать, стать ли они страхователями, не являющимися работниками по Национальному медицинскому страхованию. Однако с вступлением в силу 16 июля 2019 года измененного закона, иностранные резиденты, которые законно проживают в Республике Корея на срок 6 месяцев или более, автоматически зачисляются как неработающие страховщики Национальной системы медицинского страхования.

Согласно пересмотренной системе медицинского страхования, иностранные граждане Узбекистана (корьеев) и сирийские национальности, а также их семьи (матери, взрослые дети и т.д.) были зачислены в Национальный медицинский страховой фонд как неработающие лица. Ежемесячные страховые взносы взимаются отдельно с самих заявителей, их матерей и их взрослых детей. Взносы, которые они платят, значительно выше, чем взносы, выплачиваемые корейскими лицами, не являющимися работниками.

Заявители подали конституционную жалобу, утверждая, что положения как Закона о национальном медицинском страховании, так и уведомления министерства здравоохранения и социального обеспечения относительно расчета страховых взносов для иностранных граждан и уплата взносов нарушает их основные права.

Согласно Закону о национальном медицинском страховании, если корейский самозанятый застрахованный не платит страховые взносы шесть или более раз, Национальная служба медицинского страхования может принять решение о приостановке страховых выплат. Однако в случае страхования иностранного самозанятого лица страховые выплаты немедленно приостанавливаются после всего лишь одного случая неуплаты страховых взносов.

Конституционный суд постановил, что оспариваемое положение ущемляет право заявителей на равенство и нарушает Конституцию, поскольку представляет собой дискриминацию, существенно отклоняющуюся от разумного стандарта. Основное обоснование заключается в следующем:

Неразумно прекращать выплату страховых выплат сразу после одного случая просрочки страховых взносов без учета истории прошлых платежей или экономических обстоятельств человека. Также неразумно отказывать в льготах без исключений, даже если пропущенные взносы впоследствии полностью оплачены.

Предоставление иностранцам возможности подписаться на медицинское страхование служит общественной цели предоставления иностранцам государственного страхования, которое применяет принцип социальной солидарности. Тем не менее, оспариваемое положение может привести к фатальным последствиям, когда иностранные граждане откажутся от необходимого лечения и операций или потеряют экономическую основу своих средств к существованию.

Право на получение выплат по оказанию чрезвычайной помощи в связи с COVID-19 (2020Hun-Ma1079, 28 марта 2024 г.).

Корейское правительство предложило экстренные выплаты по оказанию помощи при стихийных бедствиях для поддержки людей, пострадавших от пандемии COVID-19. Предметом рассмотрения стали критерии оформления выплат в мае 2020 года. Согласно критериям, постоянные жители и брачные иммигранты I имели право на помощь, в то время как признанные беженцы 2 были исключены из нее.

Конституционный суд постановил, что «определение права на получение выплат по оказанию чрезвычайной помощи при стихийных бедствиях относится к компетенции государства. Однако, включая только постоянных жителей и брачных иммигрантов в число иностранных граждан и исключая признанных беженцев, эти критерии представляют собой дискриминацию без обоснованной причины, тем самым ущемляя право заявителя на равенство и нарушая Конституцию». Основное обоснование заключается в следующем:

Признанные беженцы, а также постоянные жители и брачные иммигранты экономически пострадали от пандемии COVID-19.

Нет никаких оправданных причин для того, чтобы относиться к признанным беженцам иначе, чем к постоянным жителям и брачным иммигрантам. Они проживают в Корее, занимаются трудовой и экономической деятельностью, платят налоги.

Учитывая количество признанных беженцев, предоставление им помощи не будет представлять собой значительного финансового бремени.

Дело касательно положения Закона об иммиграции о содержании под стражей депортированных лиц без верхнего срока (2020Hun-Ka1 и т.д., 23 марта 2023 года).

Оспариваемое положение позволяло иностранным гражданам в соответствии с приказом о депортации помещаться под стражу в целях защиты до тех пор, пока они не могли быть отправлены за границу, при этом, не устанавливая верхнего предельного срока содержания под стражей. Конституционный суд постановил, что неустановление верхнего предельного срока нарушает как правило о недопустимости чрезмерных ограничений, так и принцип надлежащей правовой процедуры, и, таким образом, ущемляет личную свободу и нарушает Конституцию.

Основными основаниями для вывода о том, что оспариваемое положение нарушает правило против чрезмерных ограничений, являются:

Содержание под стражей в целях защиты является временной и вынужденной мерой. Разрешение бессрочной опеки выходит за рамки временных и обеспечительных мер.

В соответствующем законе должен быть предусмотрен верхний предел для предотвращения необоснованного продления. В свете международных стандартов и зарубежного законодательства не является невозможным установить верхний предел.

Исполнение распоряжений о депортации может быть достигнуто другими способами, такими как ограничение места жительства и выплата соответствующей суммы депозита.

Основным основанием для вывода о том, что оспариваемое положение нарушает принцип надлежащей правовой процедуры, является то, что «содержание под стражей в целях защиты может быть приравнено к «аресту или содержанию под стражей» в уголовном процессе. Тем не менее, не существует механизма надзора за инициированием или продлением дела независимым и беспристрастным учреждением».

Но было также особое мнение трех судей. В заключении отмечалось, что «прецедент 2018 года определил, что оспариваемое положение не нарушает Конституцию. Учитывая особенности управления иммиграционным контролем и связанные с ним системы и практики превентивного содержания под стражей, позиция прецедента по-прежнему остается в силе».

Оценка и заключение Вышеупомянутые решения свидетельствуют о неконституционности оспариваемых положений, которые ущемляют право иностранцев на равенство или личную свободу. Решения были направлены на расширение прав иностранцев на доступ к медицинскому страхованию; предоставить им право на получение выплат по оказанию чрезвычайной помощи при стихийных бедствиях; и обеспечение личной свободы иностранцев, которые даже не имеют права оставаться в Корее.

Конституционный Суд Российской Федерации

Постановление от 25 апреля 1995 г. No 3-11 по жалобе госпожи Ситаловой указал на неопределенность правового содержания нормы в качестве одного из оснований для <<произвольного понимания ее сути>. Суд отметил: «Положение ч. 1 ст. 54 Жилищного кодекса РСФСР о праве нанимателя допускать других граждан к заселению в занимаемое им жилое помещение «в установленном порядке» является бланкетным. Неопределенность его правового содержания делает невозможным ответ на вопрос о том, каким органом и каким актом должна быть установлена эта процедура, и порождает произвольное понимание того, что она по существу означает».

Заметим, что впоследствии эта позиция была уточнена; Конституционность и адекватность бланкетных норм как таковых неоднократно подтверждалась в ряде постановлений Конституционного Суда по различным отраслям права.

Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.1995 N 3-П "По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л.Н. Ситаловой"

Конституционный Суд Российской Федерации в составе председательствующего М.В. Баглая, судей Г.А. Гаджиева, А.Л. Кононова, Т.Г. Морщаковой, Ю.Д. Рудкина, Н.В. Селезнева, О.И. Тиунова, Б.С. Эбзеева, В.Г. Ярославцева с участием адвоката Н.Н. Вряшник - представителя стороны, обратившейся с жалобой в Конституционный Суд Российской Федерации; приглашенных в заседание представителей: от Верховного Суда Российской Федерации - Н.Ю. Сергеевой, от Прокуратуры Российской Федерации - А.В. Чурилова, от Министерства юстиции Российской Федерации - П.В. Крашенинникова, от Министерства внутренних дел Российской Федерации - В.Я. Кривцова, руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями второй и третьей статьи 3, пунктом 3 части второй статьи 22, статьями 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности частей первой и второй статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР.

Поводом к рассмотрению дела, согласно части первой статьи 36 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", явилась жалоба гражданки Л.Н. Ситаловой на нарушение ее конституционного права на жилище примененными судом в ее деле нормами Жилищного кодекса РСФСР.

Основанием к рассмотрению дела, согласно части второй статьи 36 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации положения оспариваемых норм статьи 54 Жилищного кодекса

РСФСР о том, что наниматель вправе вселить в занимаемое им жилое помещение других лиц "в установленном порядке", подразумевающим соблюдение правил прописки.

Заслушав сообщение судьи - докладчика Г.А. Гаджиева, объяснения представителя стороны, обратившейся с жалобой, выступления приглашенных и специалистов, исследовав представленные и дополнительно полученные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации установил:

1. Гражданка Л.Н. Ситалова в течение пяти лет находилась в фактических брачных отношениях с гражданином В.Н. Кадеркиным и проживала в его квартире, оставаясь прописанной в другом жилом помещении вместе с дочерью и зятем. После смерти родителей В.Н. Кадеркина она поставила вопрос о прописке в его квартире, на что согласия не получила.

Наримановский районный народный суд Астраханской области, куда обратилась заявительница, удовлетворил ее исковые требования. Судебная коллегия по гражданским делам Астраханского областного суда отменила решение народного суда и оставила иск без удовлетворения, ссылаясь на то, что вселение в жилое помещение было произведено в нарушение правил о прописке, предусмотренных статьей 54 Жилищного кодекса РСФСР, и что заявительница не является членом семьи нанимателя этого жилого помещения.

Полагая, что тем самым нарушено ее конституционное право на жилище, гражданка Л.Н. Ситалова обратилась в Конституционный Суд Российской Федерации с жалобой о проверке конституционности частей первой и второй статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР.

2. Согласно статье 97 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" жалоба на нарушение законом конституционных прав и свобод допустима, если обжалуемый закон, во-первых, затрагивает конституционные права и свободы граждан и, во-вторых, применен или подлежит применению в конкретном деле, рассмотрение которого в суде завершено либо начато.

По смыслу названного Закона для признания жалобы допустимой не имеет значения, каково содержание решений, принятых по данному делу судами общей юрисдикции, и рассмотрено ли оно всеми судебными инстанциями. Конституционный Суд Российской Федерации не проверяет судебные решения. Гражданин вправе обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации лишь в том случае, если он полагает, что имеет место неопределенность в вопросе, соответствует ли Конституции Российской Федерации затрагивающий его права закон.

По мнению заявительницы, судебная коллегия по гражданским делам Астраханского областного суда, применяя в ее деле части первую и вторую статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР, "под вселением в установленном порядке понимала вселение в жилое помещение с соблюдением положений о прописке". Данный Закон, как указано в жалобе, не соответствует Конституции Российской Федерации, а его применением затронут конституционное право гражданки Л.Н. Ситаловой. Следовательно, ее жалоба является допустимой и разрешение поставленного вопроса подведомственно Конституционному Суду Российской Федерации. При этом Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь частями второй и третьей статьи 3 и частью третьей статьи 74 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", не связан основаниями и доводами, изложенными в жалобе, и решает исключительно вопросы права, воздерживаясь от установления и исследования фактических обстоятельств, в том числе подтверждающих нарушение прав гражданина в конкретном деле, во всех случаях, когда это входит в компетенцию других судов.

В то же время предметом рассмотрения по данной жалобе не являются нормативные акты о прописке. Заключением Комитета конституционного надзора СССР от 11 октября 1991 года они признаны недействующими и как таковые не подлежат обжалованию. Законность основанных на таких актах действий и решений правоприменительных органов проверяется судами общей юрисдикции, которые согласно части второй статьи

120 Конституции Российской Федерации, установив при рассмотрении дела несоответствие акта государственного или иного органа закону, должны принимать решение в соответствии с законом.

3. В жалобе поставлен вопрос о нарушении статьи 40 (часть 1) Конституции Российской Федерации, согласно которой каждый имеет право на жилище и никто не может быть произвольно лишен жилища. Законодатель, осуществляя регулирование этого конституционного права, обязан следовать требованию статьи 55 (часть 2) Конституции Российской Федерации о недопустимости умаления законами прав и свобод человека и гражданина. Это имеет непосредственное отношение к установленному в Жилищном кодексе РСФСР порядку вселения в жилое помещение.

Положение части первой статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР о праве нанимателя на вселение других граждан в занимаемое им жилое помещение "в установленном порядке" носит бланкетный характер. Неопределенность его юридического содержания не позволяет ответить на вопрос, какой орган и каким актом должен устанавливать этот порядок, и порождает произвольное понимание того, что он означает по своему существу.

Отсутствие указания на вид нормативного акта, который должен "устанавливать порядок" вселения в жилое помещение, позволяет законодательным и исполнительным органам государственной власти различных субъектов Российской Федерации устанавливать его по собственному усмотрению, что может привести к нарушению конституционного права граждан на жилище и произвольному лишению их жилища. Это не отвечает требованиям статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, согласно которой права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Противоречива и судебная практика применения части первой статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР. При юридически сходных обстоятельствах дела этой категории разрешаются судами по-разному, что влечет для граждан неодинаковые правовые последствия.

Возможность произвольного применения закона является нарушением провозглашенного Конституцией Российской Федерации равенства всех перед законом и судом (статья 19, часть 1).

4. Согласно части второй статьи 74 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" Конституционный Суд Российской Федерации обязан оценивать как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой.

Судебное толкование Жилищного кодекса РСФСР сложилось как признание того, что осуществление жилищных прав напрямую связано с пропиской, наличию или отсутствию которой придавалось правоустанавливающее значение. Так, в пункте 7 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 3 апреля 1987 года "О практике применения судами жилищного законодательства" разъяснялось, что "под вселением в установленном порядке понимается, как правило, вселение в жилое помещение с соблюдением положений о прописке".

Несмотря на то, что Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 апреля 1992 г. N 8 в редакции Постановления от 21 декабря 1993 г. N 11 установлено, что до принятия соответствующих законодательных актов Российской Федерации нормы бывшего Союза ССР и разъяснения по их применению, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда Союза ССР, могут применяться судами в части, не противоречащей Конституции Российской Федерации и Соглашению о создании Содружества Независимых Государств, правоприменительные органы при решении вопросов вселения в жилое помещение нередко руководствуются отмененными

нормативными актами. При этом нарушаются требования статьи 18 Конституции Российской Федерации, согласно которой права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими и определяют смысл, содержание и применение законов, и статьи 27 (часть 1) Конституции Российской Федерации, закрепляющей право свободно выбирать место пребывания и жительства, поскольку его реализация ставится в зависимость от получения разрешения на прописку.

Из Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации "О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации" следует, что регистрация, заменившая институт прописки, или отсутствие таковой не могут служить основанием ограничения или условием реализации прав и свобод граждан (статья 3 Закона), в том числе права на жилище. Однако до настоящего времени "установленный порядок", определяющий процедуру вселения в жилое помещение, понимается в правоприменительной практике исключительно в смысле соблюдения положений о прописке, что (со ссылкой на части первую и вторую статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР) имело место и при разрешении дела гражданки Л.Н. Ситаловой.

Таким образом, положение части первой статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР как в его буквальном истолковании, так и в том смысле, который ему придается сложившейся правоприменительной практикой, приводит к нарушению статей 18, 19 (часть 1), а также основных прав и свобод граждан, предусмотренных статьями 27 (часть 1), 40 (часть 1), и не согласуется с основаниями и условиями их ограничения, закрепленными в статье 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации. Вместе с тем, часть вторая статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР, определяя условия приобретения равных прав на пользование жилым помещением, не противоречит указанным конституционным нормам.

На основании изложенного и руководствуясь частью первой статьи 71, статьями 72, 75 и 100 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации постановил:

1. Признать содержащееся в части первой статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР положение об "установленном порядке" как процедуре вселения в жилое помещение при условии соблюдения режима прописки не соответствующим по содержанию статьям 18, 19 (часть 1), 27 (часть 1), 40 (часть 1) и 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации.

Признать нормы, содержащиеся в части второй статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР, соответствующими Конституции Российской Федерации, за исключением положения, признанного неконституционным в абзаце первом данного пункта.

2. В соответствии с частью 2 статьи 100 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" гражданское дело по иску Л.Н. Ситаловой подлежит проверке в порядке, установленном Гражданским процессуальным кодексом РСФСР, в части применения положения, признанного настоящим Постановлением неконституционным.

Настоящее Постановление не имеет преюдициального значения при разрешении вопроса о фактических и юридических основаниях для признания жилищных прав гражданки Л.Н. Ситаловой.

3. Согласно частям первой и второй статьи 79 Закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" настоящее Постановление является окончательным, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после его провозглашения и действует непосредственно.

4. Согласно статье 78 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" настоящее Постановление подлежит опубликованию в "Собрании законодательства Российской Федерации", "Российской газете", а также иных официальных изданиях органов государственной власти Российской Федерации.

Постановление должно быть также опубликовано в "Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации".

В Постановлении от 8 октября 1997 г. № 13-П Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал свою правовую позицию по вопросу правовой определенности налогового законодательства: «Для реализации конституционной обязанности граждан по уплате установленных законом налогов и сборов законодательные органы должны обеспечить конкретизацию и понятность налогового законодательства. Неопределенность норм в налоговом законодательстве может привести к произволу государственных органов и должностных лиц в отношениях с налогоплательщиками, что не соответствует принципу верховенства права и нарушает равенство прав граждан перед законом».

Приведенные выше формулировки, достаточно краткие, показывают, что в первых делах, в которых Конституционный суд рассматривал вопрос о неопределенности, аргумент о нарушении принципа определенности все же выглядел как некая неожиданная находка (хотя, конечно, это не было случайностью). Мы видим, что уже на втором процитированном Суде этот аргумент несколько уточняется и звучит более убедительно. Постановление 1997 года положило начало целому тренду в развитии принципа неопределенности в налоговом законодательстве.

Постановление Конституционного Суда РФ от 08.10.1997 N 13-П "По делу о проверке конституционности Закона Санкт - Петербурга от 14 июля 1995 года "О ставках земельного налога в Санкт - Петербурге в 1995 году"

Именем Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе председательствующего Ю.Д. Рудкина, судей Н.В. Витрука, Г.А. Гаджиева, Л.М. Жарковой, А.Л. Кононова, Т.Г. Морщаковой, Н.В. Селезнева, О.И. Тиунова, Б.С. Эбзеева,

с участием директора товарищества с ограниченной ответственностью "Склады - автотранспорт - механизмы" (ТОО "СКАМ") А.В. Кирина, обратившегося от имени ТОО "СКАМ" с жалобой в Конституционный Суд Российской Федерации, представителей Законодательного Собрания Санкт - Петербурга как стороны, принявшей оспариваемый нормативный акт: Ю.А. Кравцова - председателя Законодательного Собрания Санкт - Петербурга, Н.А. Шевелевой - кандидата юридических наук,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями второй и третьей статьи 3, пунктом 3 части второй статьи 22, статьями 36, 74, 96, 97, 99 и 86 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации",

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности Закона Санкт - Петербурга от 14 июля 1995 года "О ставках земельного налога в Санкт - Петербурге в 1995 году".

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба ТОО "СКАМ" на нарушение названным Законом ряда конституционных прав граждан - учредителей и работников этого товарищества.

Заслушав сообщение судьи - докладчика Г.А. Гаджиева, объяснения сторон и их представителей, заключение эксперта С.Г. Пепеляева - директора департамента налогов и права аудиторской фирмы "Финансовые и бухгалтерские консультанты", кандидата юридических наук, свидетеля Н.Н. Безрукова - директора товарищества с ограниченной ответственностью "Приморское объединение", выступление приглашенного в заседание председателя Государственного комитета Российской Федерации по земельным ресурсам и землеустройству И.А. Южанова, исследовав представленные сторонами документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. Товарищество с ограниченной ответственностью "Склады - автотранспорт - механизмы" (ТОО "СКАМ") просит признать неконституционным Закон Санкт - Петербурга от 14 июля 1995 года "О ставках земельного налога в Санкт - Петербурге в 1995 году" по содержанию, порядку принятия и введения в действие. По мнению заявителя, ставки земельного налога должны определяться органами местного самоуправления Санкт - Петербурга исходя из средних ставок, установленных Законом Российской Федерации "О плате за землю". Законодательное Собрание Санкт - Петербурга, изменив границы зон градостроительной ценности территории и установив на 1995 год новые ставки земельного налога по указанным зонам, вышло за пределы своих полномочий и осуществило конституционные полномочия органов местного самоуправления. К тому же заявитель, не оспаривая закрепленное в Законе Российской Федерации "О плате за землю" право Правительства Российской Федерации индексировать ежегодно установленные федеральным законом ставки земельного налога, указывает, что оспариваемым Законом Санкт - Петербурга ставки земельного налога завышены. Заявитель полагает, что данному Закону, ухудшающему положение налогоплательщиков, в нарушение требований статьи 57 Конституции Российской Федерации придана обратная сила.

2. Решение о взыскании с ТОО "СКАМ" доначисленной суммы земельного налога за 1995 год и пени принято налоговой инспекцией по результатам проверки, в ходе которой установлена недоплата земельного налога. В частности, выявлено, что ТОО "СКАМ" произвело расчет земельного налога за 1995 год в целом по ставке 750 руб. за 1 кв. м, без учета Закона Санкт - Петербурга от 14 июля 1995 года, которым ставка для четвертой зоны градостроительной ценности на весь налоговый период была повышена до 7562 руб. за 1 кв. м.

По иску ТОО "СКАМ" Арбитражный суд Санкт - Петербурга и Ленинградской области признал недействительным акт госналогинспекции Адмиралтейского района Санкт - Петербурга в части доначисления земельного налога за 1995 год и пени. Федеральный арбитражный суд Северо - Западного округа решение Арбитражного суда Санкт - Петербурга и Ленинградской области отменил, полагая, что после вступления в силу Закона Санкт - Петербурга от 14 июля 1995 года земельный налог на территории Санкт - Петербурга подлежал уплате всеми налогоплательщиками исходя из новых ставок и границ зон градостроительной ценности территории. Заместитель Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, рассмотрев заявление ТОО "СКАМ" о принесении протеста на постановление Федерального арбитражного суда Северо - Западного округа, не нашел для этого оснований.

Считая, что примененный налоговой инспекцией и арбитражными судами Закон Санкт - Петербурга нарушает конституционные права налогоплательщиков, ТОО "СКАМ" обратилось в Конституционный Суд Российской Федерации.

3. Статья 21 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года "Об основах налоговой системы в Российской Федерации" относит земельный налог к местным налогам и сборам.

В соответствии со статьей 39 Федерального закона от 28 августа 1995 года "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" местные налоги устанавливаются представительными органами местного самоуправления

самостоятельно. Вместе с тем согласно Федеральному закону от 17 марта 1997 года "О внесении дополнений в Федеральный закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" в субъектах Российской Федерации - городах федерального значения Москве и Санкт - Петербурге в целях сохранения единства городского хозяйства предметы ведения находящихся на их территориях муниципальных образований, в том числе установленные федеральным законом объекты муниципальной собственности, источники доходов местных бюджетов определяются законами субъектов Российской Федерации - городов федерального значения Москвы и Санкт - Петербурга. Однако заявитель просит признать Закон Санкт - Петербурга неконституционным на том основании, что им нарушены права местного самоуправления.

В соответствии со статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации Конституционный Суд Российской Федерации по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан проверяет конституционность закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле. Из этого следует, что жалобы граждан и объединений граждан допустимы в целях защиты их конституционных прав и свобод. Поэтому содержащееся в жалобе ТОО "СКАМ" ходатайство о нарушении оспариваемым Законом компетенции местного самоуправления в данном деле не может быть признано допустимым.

4. Заявитель просит признать Закон Санкт - Петербурга от 14 июля 1995 года "О ставках земельного налога в Санкт - Петербурге в 1995 году" не соответствующим Конституции Российской Федерации по содержанию, порядку принятия и введения в действие.

Из конституционного принципа единой финансовой, включая налоговую, политики (статья 114 Конституции Российской Федерации) вытекает, что законно установленными в субъектах Российской Федерации могут считаться только такие налоги, которые вводятся законодательными органами субъектов Российской Федерации в соответствии с общими принципами налогообложения и сборов, устанавливаемыми федеральным законом. Одним из таких общих принципов налогообложения и сборов, как отмечается в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 21 марта 1997 года по делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 2 статьи 18 и статьи 20 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года "Об основах налоговой системы в Российской Федерации", является принцип, согласно которому перечень региональных налогов и сборов, которые могут устанавливаться органами государственной власти субъектов Российской Федерации, носит исчерпывающий характер, что предполагает ограничение по введению дополнительных налогов, а также по повышению ставок налогов. Этой цели служит и установление средних ставок земельного налога в Законе Российской Федерации "О плате за землю".

В соответствии со статьей 76 (часть 5) Конституции Российской Федерации законы субъектов Российской Федерации не могут противоречить федеральным законам. В случае такого противоречия действует федеральный закон. Между тем определение соответствия актов субъектов Российской Федерации федеральным законам, которое по данному делу связано с установлением факта превышения средних ставок земельного налога Законом Санкт - Петербурга, входит в компетенцию судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Установление таких фактических обстоятельств не относится к полномочиям Конституционного Суда Российской Федерации. Конституционный Суд Российской Федерации не вправе также проверять в данном деле порядок и правильность исчисления размеров ставок налогов, поскольку к его компетенции отнесена только проверка соблюдения законодателем, принимающим законы о налогах, норм Конституции Российской Федерации.

5. Законодательные органы в целях реализации конституционной обязанности граждан платить законно установленные налоги и сборы должны обеспечивать, чтобы законы о налогах были конкретными и понятными. Неопределенность норм в законах о

налогах может привести к не согласующемуся с принципом правового государства (статья 1, часть 1, Конституции Российской Федерации) произволу государственных органов и должностных лиц в их отношениях с налогоплательщиками и к нарушению равенства прав граждан перед законом (статья 19, часть 1, Конституции Российской Федерации).

В соответствии со статьей 8 Закона Российской Федерации "О плате за землю" налог на городские (поселковые) земли определяется на основе средних ставок. Средние ставки дифференцируются по местоположению и зонам различной градостроительной ценности территории. Устанавливаемая федеральным законом средняя ставка земельного налога представляет собой важную гарантию прав налогоплательщиков, однако она способна выполнять такую функцию только тогда, когда созданы определенные условия, реально ограничивающие свободу усмотрения законодательных органов субъектов Российской Федерации при исчислении ставок земельного налога. Это предполагает наличие единых правил использования средней ставки налога на земли городов и поселков, в частности при их дифференциации по местоположению и зонам различной градостроительной ценности территории.

Между тем в федеральном законодательстве вообще не содержатся нормативные предписания о порядке расчета - на основе средней ставки - ставок земельного налога, дифференцированных по местоположению и зонам различной градостроительной ценности территории. Нельзя считать допустимым такое положение вещей, когда дифференцированные ставки могут устанавливаться органами местного самоуправления и государственной власти фактически произвольно, так как в силу различных методик расчетов ставок земельного налога средняя ставка лишается какого-либо смысла.

Понятие средней ставки требует единообразного истолкования, что предполагает разработку единых правил расчета на ее основе дифференцированных ставок земельного налога.

6. Статья 57 Конституции Российской Федерации, возлагая на граждан одну из важнейших конституционных обязанностей, а именно обязанность платить законно установленные налоги и сборы, вместе с тем гарантирует им защиту в тех случаях, когда налоги не являются законно установленными либо когда законом, устанавливающим новые налоги или ухудшающим положение налогоплательщиков, придана обратная сила.

Конституционное требование о недопустимости придания обратной силы законам, устанавливающим новые налоги или ухудшающим положение налогоплательщиков, призвано обеспечить устойчивость в отношениях по налогообложению, придать уверенность налогоплательщикам в стабильности их правового и экономического положения. Это требование распространяется как на федеральные законы, так и на законы субъектов Российской Федерации.

Оспариваемый Закон Санкт - Петербурга в соответствии со статьей 17 Закона Российской Федерации "О плате за землю" предусматривает, что налогоплательщики уплачивают земельный налог равными долями в следующие сроки: до 15 июля, до 15 сентября и до 15 ноября 1995 года. Его статьей 2 утверждены новые ставки земельного налога в Санкт - Петербурге с дифференциацией по зонам градостроительной ценности территории и административным районам. При этом для значительного числа налогоплательщиков утверждение новых ставок означало необходимость уплаты земельного налога в гораздо больших размерах, чем было установлено в 1994 году.

Данный Закон принят Законодательным Собранием Санкт - Петербурга 21 июня 1995 года, подписан мэром Санкт - Петербурга 14 июля 1995 года и вступил в силу с 1 июля 1995 года (пункт 2 статьи 4). Между тем он был опубликован в приложении к журналу "Вестник Законодательного Собрания Санкт - Петербурга" N 5 за 1995 год, подписанному в печать 1 августа 1995 года. Исходя из буквального смысла нормы Закон был введен в действие, а также применен до опубликования, что противоречит статье 15 (часть 3) Конституции Российской Федерации. В инструктивном письме Государственной налоговой инспекции по Санкт - Петербургу от 7 августа 1995 г. N 25-07/6172 было разъяснено, что в

связи с тем, что Закон Санкт - Петербурга опубликован уже после наступления первого срока платежа (т.е. после 15 июля), начисление и уплату земельного налога за 1995 год следует производить в соответствии с пунктом 34 Инструкции Госналогслужбы Российской Федерации от 17 апреля 1995 г. N 29 по применению Закона Российской Федерации "О плате за землю" равными долями в остающиеся до конца года сроки платежей, т.е. 15 сентября и 15 ноября 1995 года.

Однако, как следует из буквального смысла Закона Санкт - Петербурга и факта его введения в действие с 1 июля 1995 года, первый платеж, который должен был производиться налогоплательщиками до 15 июля, надлежало также производить по новым, утвержденным статьей 2 Закона ставкам земельного налога. Таким образом, новые ставки земельного налога распространялись на уже осуществленные (или подлежащие осуществлению) платежи, ранее исчисленные из ставок земельного налога, установленных на 1994 год. Такой порядок введения в действие закона, ухудшающего положение налогоплательщиков, означает придание ему обратной силы. Неуплата земельного налога к 15 июля 1995 года по новым ставкам могла послужить основанием для привлечения к ответственности за нарушение налогового законодательства в форме начисления пени за каждый день просрочки (статья 17 Закона Российской Федерации "О плате за землю") по всем трем платежам, предусмотренным оспариваемым Законом. В этом случае налогоплательщики привлекались бы к ответственности за налоговые правонарушения в связи с теми действиями по уплате налога, которые были ими совершены до момента, когда вновь принятый закон вступал в силу, что не соответствует статье 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации, согласно которой никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением.

7. Статья 57 Конституции Российской Федерации запрещает законодателю придавать обратную силу законам, устанавливающим новые налоги или ухудшающим положение налогоплательщиков. Это означает, что недопустимо не только придание таким законам обратной силы путем прямого указания об этом в самом законе, но и принятие законов, по своему смыслу имеющих обратную силу, хотя бы и без особого указания об этом в тексте закона. В равной степени недопустимо придание таким законам обратной силы в актах официального или иного толкования либо правоприменительной практикой.

Как следует из статьи 17 Закона Российской Федерации "О плате за землю", налоговым периодом земельного налога является год. Следовательно, исчисленный в соответствии с правилами оспариваемого Закона Санкт - Петербурга налог подлежал уплате за налоговый период в целом, т.е. за весь 1995 год, включая и те месяцы, которые предшествовали вступлению данного Закона в силу. Органы местного самоуправления и органы государственной власти вправе устанавливать дифференцированные по местоположению и зонам различной градостроительной ценности территории ставки налога на городские земли, однако это их полномочие не может использоваться для придания законам, ухудшающим положение налогоплательщиков, обратной силы.

На основании изложенного и руководствуясь частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 74, 75 и 100 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации постановил:

1. Признать положения статьи 2 и пункта 2 статьи 4 Закона Санкт - Петербурга от 14 июля 1995 года "О ставках земельного налога в Санкт - Петербурге в 1995 году", согласно которым нормам о ставках земельного налога, ухудшающим положение налогоплательщиков, придана обратная сила, не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 54 (часть 2) и 57.

2. Федеральному Собранию Российской Федерации и Правительству Российской Федерации надлежит обеспечить разработку и принятие единых правил расчета средней ставки земельного налога на городские земли и ее использования при дифференциации ставок по местоположению и зонам различной градостроительной ценности территории.

3. Согласно частям первой и второй статьи 79 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после его провозглашения и действует непосредственно.

4. Согласно статье 78 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в "Собрании законодательства Российской Федерации", "Российской газете", официальных изданиях органов государственной власти Санкт - Петербурга. Постановление должно быть также опубликовано в "Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации".

Например, в Постановлении от 15 июля 1999 г. No 11-П впервые в практике Конституционного Суда был не только сформулирован принцип правовой определенности, но и стал главным доказательством неконституционности того или иного положения. Конституционный суд установил, что диспозиции рассматриваемых правонарушений, которые выражены в расплывчатых, порой неразличимых терминах («сокрытие доходов», «сокрытие доходов», «заниженный доход», «сокрытый объект налогообложения», «неучтенный объект налогообложения», «отсутствие учета объектов налогообложения», «нарушение порядка учета объекта налогообложения») законодатель не определил существенные признаки каждого конкретного правонарушения, что делает невозможным на практике разграничение и четкое толкование этих правонарушений». Следует отметить, что санкции, предусмотренные за такие правонарушения в соответствующих положениях, также являются неопределенными.

По словам Суда, «неопределенность содержания рассматриваемой правовой нормы противоречит общим принципам права, касающимся юридической ответственности». Далее Суд развил свою позицию: «Общеправовой критерий определенности, ясности и недвусмысленности правовой нормы вытекает из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом... поскольку такое равенство может быть гарантировано только в том случае, если положение одинаково понимается и толкуется всеми теми, кто применяет закон. Неопределенность содержания той или иной нормы закона дает неограниченную свободу действий в правоприменительной практике и неизбежно ведет к произволу, а значит, и к нарушению принципов равенства и верховенства права».

Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.1999 N 11-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР "О Государственной налоговой службе РСФСР" и Законов Российской Федерации "Об основах налоговой системы в Российской Федерации" и "О федеральных органах налоговой полиции"

Конституционный Суд Российской Федерации в составе председательствующего Б.С. Эбзеева, судей Н.В. Витрука, А.Л. Кононова, Т.Г. Морщаковой, Ю.Д. Рудкина, А.Я. Сливы, О.И. Тиунова, В.Г. Ярославцева,

с участием сторон и их представителей: представителя акционерных обществ "Большевик", "Свет" и "Сыктывкарский лесопромышленный комплекс" - адвоката С.Г. Пепеляева, представителя акционерных обществ "Монсанто" и "Банк Сосьете Женераль Восток" - адвоката М.Ф. Ивлиевой, представителя гражданина А.Н. Кузнецова - адвоката М.П. Редина, граждан А.Я. Панкина и Ф.Ф. Халикова, а также постоянного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации В.В. Лазарева и представителя Совета Федерации - адвоката А.В. Попова,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой статьи 3, пунктом 3 части второй статьи 22, статьями 36, 74, 96, 97, 99, 101, 102, 104 и 86 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации",

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР "О Государственной налоговой службе РСФСР" и Законов Российской Федерации "Об основах налоговой системы в Российской Федерации" и "О федеральных органах налоговой полиции".

Поводом к рассмотрению дела явились жалобы акционерных обществ "Большевик" (город Москва), "Свет" (город Смоленск), "Сыктывкарский лесопромышленный комплекс" (город Сыктывкар, Республика Коми), "Банк Сосьете Женераль Восток" (город Москва), "Монсанто" (город Москва), коллективная жалоба акционеров акционерного общества "Воткинский молочный завод" (Удмуртская Республика) - граждан М.А. Ипатовой, А.Я. Панкина, И.В. Панкиной, Ф.Ф. Халикова и А.П. Чебкасовой и индивидуальная жалоба гражданина А.Н. Кузнецова на нарушение конституционных прав и свобод примененными в конкретных делах положениями подпункта "а", абзаца первого подпункта "б" и подпункта "в" пункта 1 статьи 13 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года "Об основах налоговой системы в Российской Федерации", пункта 8 статьи 7 Закона РСФСР от 21 марта 1991 года "О Государственной налоговой службе РСФСР" и пункта 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года "О федеральных органах налоговой полиции", а также аналогичный запрос Алейского городского суда Алтайского края, в производстве которого находится дело по жалобе гражданки Т.П. Телебоковой.

Поскольку все жалобы и запрос суда касаются одного и того же предмета, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь статьей 48 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", соединил дела по этим обращениям в одном производстве.

Заслушав сообщение судьи - докладчика А.Л. Кононова, объяснения сторон и их представителей, выступления приглашенных в заседание: от Верховного Суда Российской Федерации - Ю.Г. Кебы, от Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации - В.М. Тумаркина, от Министерства финансов Российской Федерации - С.Н. Холевой, от Министерства Российской Федерации по налогам и сборам - В.И. Черемискина, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. Акционерные общества "Большевик", "Свет", "Сыктывкарский лесопромышленный комплекс", "Банк Сосьете Женераль Восток", "Монсанто", "Воткинский молочный завод" и предприниматели Т.П. Телебокова и А.Н. Кузнецов решениями руководителей налоговых инспекций и органов налоговой полиции были привлечены к ответственности за нарушения налогового законодательства на основании норм, предусмотренных подпунктом "а", абзацем первым подпункта "б" и подпунктом "в" пункта 1 статьи 13 Закона Российской Федерации "Об основах налоговой системы в Российской Федерации", а также пунктом 8 статьи 7 Закона РСФСР "О Государственной налоговой службе РСФСР". Жалобы акционерных обществ на эти решения различными

судебными инстанциями были оставлены без удовлетворения, дело гражданина А.Н. Кузнецова не было разрешено.

В своих обращениях в Конституционный Суд Российской Федерации заявители утверждают, что санкции, установленные оспариваемыми нормами, являются неоправданно завышенными, применены к ним без соблюдения надлежащей процедуры, без установления вины и других обстоятельств, чем, по их мнению, были существенно ограничены их право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности и право частной собственности. В связи с этим они просят признать не соответствующими статьям 8 (часть 1), 34 (часть 1), 35 (часть 1), 55 (часть 3) и 57 Конституции Российской Федерации - как по буквальному смыслу, так и по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, - содержащиеся в оспариваемых нормах положения о размерах и порядке применения налоговых санкций за налоговые правонарушения и восстановить нарушенные их применением конституционные права.

2. Оспариваемые в жалобах и запросе суда нормы налогового законодательства на основании статей 2 и 7 Федерального закона от 31 июля 1998 года "О введении в действие части первой Налогового кодекса Российской Федерации" к началу рассмотрения дела Конституционным Судом Российской Федерации утратили силу. Однако их применение, как подтверждается представленными материалами, повлекло наступление существенных правовых последствий, чем, по мнению заявителей, были нарушены их конституционные права, а потому производство по данному делу в соответствии с частью второй статьи 43 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" не может быть прекращено.

В коллективной жалобе акционеров акционерного общества "Воткинский молочный завод" ставится также вопрос о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации "О федеральных органах налоговой полиции", предусматривающего полномочия органов налоговой полиции осуществлять проверки налогоплательщиков, принимать решения по актам проверок и применять санкции, предусмотренные другими законодательными актами. Конституционность перечисленных полномочий в жалобе, по существу, не оспаривается, каких-либо фактов, подтверждающих нарушение прав заявителей, не приводится. Поэтому в силу статей 96 и 97 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" жалоба в этой части не может быть признана допустимой, а дело в соответствии со статьей 68 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" подлежит прекращению.

Таким образом, предметом рассмотрения по настоящему делу являются примененные в конкретных делах заявителей положения подпункта "а", абзаца первого подпункта "б" и подпункта "в" пункта 1 статьи 13 Закона Российской Федерации "Об основах налоговой системы в Российской Федерации" и аналогичные им положения пункта 8 статьи 7 Закона РСФСР "О Государственной налоговой службе РСФСР", в соответствии с которыми налогоплательщик, нарушивший законодательство о налогах и сборах, в установленных законом случаях несет ответственность в виде:

- взыскания всей суммы сокрытого или заниженного дохода (прибыли) либо суммы налога за иной сокрытый или неучтенный объект налогообложения и штрафа в размере той же суммы, а при повторном правонарушении - соответствующей суммы и штрафа в двукратном размере этой суммы. При установлении судом факта умышленно сокрытого или заниженного дохода (прибыли) приговором либо решением суда по иску налогового органа или прокурора может быть взыскан в федеральный бюджет штраф в пятикратном размере сокрытой или заниженной суммы дохода (прибыли);

- штрафа за отсутствие учета объектов налогообложения и за ведение учета объекта налогообложения с нарушением установленного порядка, повлекшие за собой сокрытие

или занижение дохода за проверяемый период, - в размере 10 процентов доначисленных сумм налога;

- взыскания пени с налогоплательщика в случае задержки уплаты налога за каждый день просрочки платежа начиная с установленного срока уплаты выявленной задержанной суммы налога, если законом не предусмотрены иные размеры пени. Взыскание пени не освобождает налогоплательщика от других видов ответственности.

3. Согласно статье 57 Конституции Российской Федерации каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы. В целях обеспечения выполнения этой публичной обязанности и возмещения ущерба, понесенного казной в результате ее неисполнения, законодатель вправе устанавливать меры принуждения в связи с несоблюдением законных требований государства.

Такие меры могут быть как праввосстановительными, обеспечивающими исполнение налогоплательщиком его конституционной обязанности по уплате налогов, то есть погашение недоимки и возмещение ущерба от несвоевременной и неполной уплаты налога, так и штрафными, возлагающими на нарушителей дополнительные выплаты в качестве меры ответственности (наказания). При этом в выборе принудительных мер законодатель ограничен требованиями справедливости, соразмерности и иными конституционными и общими принципами права.

Содержание названных принципов раскрывается в Постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации от 27 января 1993 года, от 25 апреля 1995 года, от 17 декабря 1996 года, от 8 октября 1997 года, от 11 марта 1998 года и от 12 мая 1998 года. Из сформулированных в них правовых позиций, которые в соответствии со статьями 6, 79, 80 и 87 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" являются общеобязательными и действуют непосредственно, вытекает недопустимость чрезмерных ограничений конституционных прав, в том числе права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (статья 34, часть 1, Конституции Российской Федерации). Устанавливая ответственность за нарушения законодательства о налогах и сборах, законодатель также должен исходить из того, что ограничение прав и свобод возможно, только если оно соразмерно целям, прямо указанным в Конституции Российской Федерации (статья 55, часть 3).

4. Содержание подпункта "а", абзаца первого подпункта "б" пункта 1 статьи 13 Закона Российской Федерации "Об основах налоговой системы в Российской Федерации" и пункта 8 статьи 7 Закона РСФСР "О Государственной налоговой службе РСФСР" свидетельствует о том, что они предусматривают ответственность за различные составы правонарушений, которые недостаточно разграничены между собой. При этом установленные законодателем меры ответственности в действительности не обуславливаются характером, степенью общественной вредности, последствиями правонарушения, а также наличием вины правонарушителя. В диспозициях рассматриваемых составов правонарушений, выраженных в неопределенных, подчас неотличимых друг от друга понятиях ("сокрытый доход", "заниженный доход", "сокрытый объект налогообложения", "неучтенный объект налогообложения", "отсутствие учета объектов налогообложения", "нарушение порядка учета объекта налогообложения"), законодатель не выделил существенных признаков каждого конкретного правонарушения, вследствие чего на практике оказалось невозможным дифференцировать и однозначно истолковать эти составы.

Кроме того, в отношении большинства составов правонарушений, в том числе вмененных заявителям, закон не содержал прямых указаний на виновность правонарушителя в качестве условия привлечения его к ответственности. Умышленная форма вины была упомянута лишь в положении подпункта "а" пункта 1 статьи 13 Закона Российской Федерации "Об основах налоговой системы в Российской Федерации",

предусматривавшем штраф в пятикратном размере сокрытой или заниженной суммы дохода (прибыли) при установлении умысла приговором либо - по иску налогового органа или прокурора - решением суда. Исходя же из указаний Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в практике арбитражных судов и органов налоговой службы ответственность за нарушение законодательства о налогах и сборах применялась и без наличия вины налогоплательщика, а понятия "сокрытие" и "занижение" толковались как идентичные и к ним приравнивалось также невнесение необходимых сведений в отчетные документы или неправильное их заполнение, в том числе вследствие счетных или иных ошибок.

Указанная неопределенность правового содержания рассматриваемых положений противоречит общеправовым принципам юридической ответственности. Между тем критерий определенности правовой нормы как конституционное требование к законодателю был сформулирован в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 1995 года по делу о проверке конституционности статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР. Общеправовой критерий определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы вытекает из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом (статья 19, часть 1, Конституции Российской Федерации), поскольку такое равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования нормы всеми правоприменителями. Неопределенность содержания правовой нормы, напротив, допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и неизбежно ведет к произволу, а значит - к нарушению принципов равенства, а также верховенства закона.

Кроме того, юридическая конструкция рассматриваемых положений такова, что позволяла применять все предусмотренные ими меры как за само сокрытие или занижение дохода, так и одновременно за каждое из действий, повлекших это правонарушение, являвшихся, по сути, лишь его частью и не образующих самостоятельного правонарушения, а именно за неведение учета, нарушение установленного порядка учета, счетные ошибки, неправильное оформление документов и т.п. Таким образом, на основании этих положений налогоплательщик в связи с сокрытием или занижением дохода подвергался штрафным взысканиям за одни и те же действия многократно, вопреки общему принципу справедливой ответственности, согласно которому лицо не может быть дважды подвергнуто взысканию за одно и то же. Отступление от данного принципа приводило бы к явно чрезмерным ограничениям, не соответствующим целям защиты конституционно значимых интересов и, по сути, к умалению конституционных прав и свобод.

5. Неопределенными являлись также предусмотренные рассматриваемыми положениями санкции за указанные в них нарушения законодательства о налогах и сборах. Так, санкция за правонарушения в отношении налогов, облагаемую базу которых составляет доход или прибыль, была установлена в виде двойного изъятия всей суммы сокрытого или заниженного дохода, при этом только половина взыскиваемой суммы названа штрафом. Однако и другая половина взыскиваемой суммы включала в себя также штрафную санкцию, поскольку явно выходила за рамки погашения недоимки и пени по налогу с дохода.

Отсутствие разграничения мер принуждения на праввосстановительные, имеющие целью восполнить недоимки и устранить ущерб, причиненный несвоевременной уплатой налога, и штрафные, представляющие собственно меру юридической ответственности за виновное поведение, существенным образом расширяло возможность произвольного применения рассматриваемых норм в бесспорном порядке, то есть вне законной судебной процедуры, необходимой при возложении ответственности, что приводило к нарушению права на судебную защиту прав и свобод, предусмотренного статьей 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации.

Необходимость дифференциации указанных мер именно в целях устранения их произвольного применения была установлена Конституционным Судом Российской

Федерации в Постановлении от 17 декабря 1996 года по делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года "О федеральных органах налоговой полиции". Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что "неуплата налога в срок должна быть компенсирована погашением задолженности по налоговому обязательству, полным возмещением ущерба, понесенного государством в результате несвоевременного внесения налога. Поэтому к сумме собственно не внесенного в срок налога (недоимки) законодатель вправе добавить дополнительный платеж - пеню как компенсацию потерь государственной казны в результате недополучения налоговых сумм в срок в случае задержки уплаты налога. Бесспорный порядок взыскания этих платежей с налогоплательщика - юридического лица вытекает из обязательного и принудительного характера налога в силу закона".

Однако, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, иного рода меры, предусмотренные статьей 13 Закона от 27 декабря 1991 года "Об основах налоговой системы в Российской Федерации", "а именно взыскание всей суммы сокрытого или заниженного дохода (прибыли), а также различного рода штрафов, по своему существу выходят за рамки налогового обязательства как такового. Они носят не восстановительный, а карательный характер и являются наказанием за налоговое правонарушение, то есть за предусмотренное законом противоправное виновное деяние, совершенное умышленно либо по неосторожности. При производстве по делу о налоговом правонарушении подлежат доказыванию как сам факт совершения такого правонарушения, так и степень вины налогоплательщика". В таких случаях должна быть гарантирована государственная защита прав и свобод (статья 45, часть 1, Конституции Российской Федерации), в том числе путем судебных процедур (статья 46, часть 1, Конституции Российской Федерации), обеспечивающих установление судом фактических оснований привлечения к ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах. Оспариваемые нормы этому требованию не соответствовали.

Санкции штрафного характера, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 11 марта 1998 года по делу о проверке конституционности статьи 266 Таможенного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 85 и статьи 222 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях и Постановлении от 12 мая 1998 года по делу о проверке конституционности отдельных положений абзаца шестого статьи 6 и абзаца второй части первой статьи 7 Закона Российской Федерации от 18 июня 1993 года "О применении контрольно - кассовых машин при осуществлении денежных расчетов с населением", исходя из общих принципов права, должны отвечать вытекающим из Конституции Российской Федерации требованиям справедливости и соразмерности.

Принцип соразмерности, выражающий требования справедливости, предполагает установление публично - правовой ответственности лишь за виновное деяние и ее дифференциацию в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных обстоятельств, обуславливающих индивидуализацию при применении взыскания. Указанные принципы привлечения к ответственности в равной мере относятся к физическим и юридическим лицам.

Положения подпункта "а", абзаца первого подпункта "б" пункта 1 статьи 13 Закона Российской Федерации "Об основах налоговой системы в Российской Федерации" и пункта 8 статьи 7 Закона РСФСР "О Государственной налоговой службе РСФСР", устанавливавшие ответственность за нарушение налогового законодательства, как по своему буквальному смыслу, так и по смыслу, придававшемуся им сложившейся правоприменительной практикой, не отвечали названным принципам.

Кроме того, подлежавшие принудительному взысканию суммы в совокупности многократно превышали размеры налоговых обязательств. В ряде случаев это приводило к лишению предпринимателей не только дохода (прибыли), но и другого имущества, ставя под угрозу их дальнейшую деятельность, вплоть до ее прекращения, что имело место и в

делах заявителей. Тем самым существенным образом затрагивалось предусмотренное статьей 34 (часть 1) Конституции Российской Федерации их право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Между тем, как указано в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 12 мая 1998 года по делу о проверке конституционности отдельных положений абзаца шестого статьи 6 и абзаца второго части первой статьи 7 Закона Российской Федерации от 18 июня 1993 года "О применении контрольно - кассовых машин при осуществлении денежных расчетов с населением", санкции не должны превращаться в инструмент чрезмерного ограничения свободы предпринимательства. Такое ограничение не соответствует принципу соразмерности при возложении ответственности, вытекающему из статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, ведет к умалению прав и свобод, что недопустимо в силу части 2 той же статьи.

Обусловленные рассматриваемыми положениями нарушения прав граждан применительно к незавершенным правоотношениям, возникшим до введения в действие части первой Налогового кодекса Российской Федерации, снизившего размеры санкций за указанные правонарушения, должны быть устранены судами. Вместе с тем этими положениями, примененными в делах заявителей, были нарушены права и свободы, закрепленные в статьях 19 (часть 1), 34 (часть 1), 45 (часть 1), 46 (часть 1), 55 (части 2 и 3) и 57 Конституции Российской Федерации, вследствие чего производство по данному делу в соответствии с частью второй статьи 43 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" прекращению не подлежит.

Исходя из изложенного и руководствуясь частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 75, 79 и 100 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (часть 1), 34 (часть 1), 45 (часть 1), 46 (часть 1), 55 (части 2 и 3) и 57, положения подпункта "а", абзаца первого подпункта "б" пункта 1 статьи 13 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года "Об основах налоговой системы в Российской Федерации" и пункта 8 статьи 7 Закона РСФСР от 21 марта 1991 года "О Государственной налоговой службе РСФСР".

2. В соответствии с частью второй статьи 100 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" дела акционерных обществ "Большевик", "Свет", "Сыктывкарский лесопромышленный комплекс", "Банк Сосьете Женераль Восток", "Монсанто" и "Воткинский молочный завод" подлежат пересмотру в обычном порядке.

3. Согласно частям первой и второй статьи 79 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" настоящее Постановление является окончательным, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после его провозглашения и действует непосредственно.

4. Согласно статье 78 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" настоящее Постановление подлежит опубликованию в "Собрании законодательства Российской Федерации" и "Российской газете". Постановление должно быть опубликовано также в "Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации".

Формирование принципа правовой определенности на данном этапе было в целом завершено. Тем не менее, оставался ряд вопросов. В частности, каков критерий определенности для резерва? А. Кононов указывал: <<Степень определенности нормы – понятие оценочное. Его

критерием является, прежде всего, правоприменительная практика, единообразное понимание, толкование и применение всеми участниками правоотношений, государственными органами, судами и должностными лицами. Закон не должен оставлять неограниченную свободу действий исполнительной и судебной власти и должен исключать любой произвол».

В этом контексте следует отметить, что Конституционный Суд не всегда соглашался с доводами заявителей о неопределенности правовой нормы. Например, Суд не согласился с доводами заявителей по делу о проверке конституционности статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации (Постановление от 27 мая 2003 года N 9-П). Заявители утверждали, что та часть оспариваемого положения, которая предусматривает уголовную ответственность за уклонение от уплаты налогов иными способами, является неконституционной, поскольку является неопределенной.

Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2003 N 9-П "По делу о проверке конституционности положения статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П.Н. Белецкого, Г.А. Никовой, Р.В. Рукавишникова, В.Л. Соколовского и Н.И. Таланова"

Именем Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе председательствующего М.В. Баглая, судей Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, Г.А. Жилина, В.Д. Зорькина, С.М. Казанцева, М.И. Клеандрова, В.О. Лучина, Н.В. Селезнева, О.С. Хохряковой,

с участием гражданина П.Н. Белецкого и его представителя - адвоката В.А. Семенова, гражданина Р.В. Рукавишникова и его представителя - адвоката Л.В. Ражновой, гражданина В.Л. Соколовского и его представителей - адвокатов Е.А. Макаровой и Р.Б. Шилоносова, представителя гражданина Н.И. Таланова - адвоката С.В. Огурцова, постоянного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации В.В. Лазарева и представителя Совета Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации - члена Совета Федерации Ю.А. Шарандина,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, пунктом 3 части второй статьи 22, статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации",

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности положения статьи 199 УК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явились жалобы граждан П.Н. Белецкого, Г.А. Никовой, Р.В. Рукавишникова, В.Л. Соколовского и Н.И. Таланова на нарушение их конституционных прав статьей 199 УК Российской Федерации (в редакции Федерального закона от 25 июня 1998 года "О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации"). Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли содержащееся в оспариваемой статье положение, примененное в делах заявителей, Конституции Российской Федерации.

Поскольку все жалобы касаются одного и того же предмета, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь статьей 48 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", соединил дела по этим жалобам в одном производстве.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Н.В. Селезнева, объяснения сторон и их представителей, выступления приглашенных в заседание полномочного представителя Правительства Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации

М.Ю. Барщевского, а также представителей: от Верховного Суда Российской Федерации - судьи Верховного Суда Российской Федерации А.М. Бризицкого, от Министерства Российской Федерации по налогам и сборам - А.А. Устинова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. Статьей 199 УК Российской Федерации предусматривается уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов с организации путем включения в бухгалтерские документы заведомо искаженных данных о доходах или расходах либо иным способом, а равно от уплаты страховых взносов в государственные внебюджетные фонды с организации, совершенное в крупном или особо крупном размере.

Как следует из материалов настоящего дела, гражданин В.Л. Соколовский - генеральный директор ОАО "Поиск", имевшего задолженность по уплате налогов и страховых взносов в государственные внебюджетные фонды в размере более 32 млн. рублей, подписал соглашение об уступке ООО "Динай", учредителем которого он являлся, права требования по простым векселям, которые должны были быть получены ОАО "Поиск" от его должников в счет погашения долгов. Полагая, что тем самым В.Л. Соколовский уклонился от уплаты налогов и страховых взносов с организации "иным способом", органы предварительного расследования предъявили ему обвинение в совершении преступления, предусмотренного пунктами "в" и "г" части второй статьи 199 УК Российской Федерации. Однако Усинский городской суд Республики Коми, рассматривавший данное уголовное дело, пришел к выводу, что в ходе судебного разбирательства умысел В.Л. Соколовского на совершение инкриминируемого ему преступления доказан не был, операция же по переуступке права требования долга представляет собой разновидность гражданско-правовых сделок и не образует состава преступления, в связи с чем постановил по делу оправдательный приговор.

Граждане П.Н. Белецкий, Г.А. Никова, Р.В. Рукавишников и Н.И. Таланов как руководители различных коммерческих организаций также привлекались к уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов, совершенное "иным способом", выразившееся в том, что суммы, подлежащие внесению в счет погашения задолженности по налогам, были израсходованы ими на хозяйственные нужды. При этом уголовное дело в отношении Г.А. Никовой было прекращено в связи с отсутствием в ее действиях состава преступления, Н.И. Таланов осужден по приговору Промышленного районного суда города Оренбурга к двум годам лишения свободы условно, а производство по уголовным делам в отношении П.Н. Белецкого и Р.В. Рукавишникова в настоящее время приостановлено в связи с принятием Конституционным Судом Российской Федерации их жалоб к рассмотрению.

По мнению заявителей, статья 199 УК Российской Федерации в части, предусматривающей уголовную ответственность за уклонение от уплаты налогов "иным способом", как допускающая в силу неопределенности понятия иного способа уклонения от уплаты налогов произвольное истолкование, а следовательно, и применение содержащейся в ней нормы, нарушает конституционные принципы правового государства и равенства всех перед законом и судом, а потому противоречит Конституции Российской Федерации, ее статьям 1 (часть 1), 15, 19 (часть 1), 49, 54 (часть 2), 55 (часть 1) и 57.

2. Согласно Конституции Российской Федерации федеральные налоги и сборы относятся к ведению Российской Федерации (статья 71, пункт "з"), а установление общих принципов налогообложения и сборов в Российской Федерации - к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов (статья 72, пункт "и" части 1). Реализуя вытекающие из названных конституционных норм полномочия и в целях обеспечения исполнения закрепленной в статье 57 Конституции Российской Федерации обязанности каждого платить законно установленные налоги и сборы, федеральный законодатель сформулировал в Налоговом кодексе Российской Федерации такие основные принципы налогообложения, как всеобщность и равенство налогообложения, обязательность учета

фактической способности налогоплательщика к уплате налога, обоснованность, недопустимость произвольных налогов, а также налогов, препятствующих реализации гражданами своих конституционных прав, обязательность определения в законе всех элементов налогообложения, толкование неустраимых сомнений, противоречий и неясностей актов законодательства о налогах в пользу налогоплательщика.

Правовое регулирование в сфере налогообложения, в том числе определение прав и обязанностей участников налоговых правоотношений, установление ответственности за налоговые правонарушения, осуществляется федеральным законодателем исходя не только из предписаний статьи 57 Конституции Российской Федерации, но и из закрепленных Конституцией Российской Федерации основ демократического правового государства, включая признание человека, его прав и свобод высшей ценностью, верховенство и прямое действие Конституции Российской Федерации, гарантированность государственной защиты прав и свобод человека и гражданина, прежде всего права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности и права собственности, а также запрет произвола, справедливость и соразмерность устанавливаемой ответственности конституционно значимым целям (статья 1, часть 1; статья 2; статья 4, часть 2; статья 17, часть 3; статья 34, часть 1; статья 35, часть 2; статья 45, часть 1; статья 55, части 2 и 3).

3. Налоги, в соответствии с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, могут считаться законно установленными лишь при условии, что в законе четко определены объекты налогообложения, налогооблагаемая база, суммы налоговых платежей, категории налогоплательщиков и иные существенные элементы налоговых обязательств, и только при соблюдении указанного условия на налогоплательщика может быть возложена закрепленная статьей 57 Конституции Российской Федерации обязанность и, следовательно, ответственность за ее неисполнение.

В случаях, когда законом предусматриваются те или иные льготы, освобождающие от уплаты налогов или позволяющие снизить сумму налоговых платежей, применительно к соответствующим категориям налогоплательщиков обязанность платить законно установленные налоги предполагает необходимость их уплаты лишь в той части, на которую льготы не распространяются, и именно в этой части на таких налогоплательщиков возлагается ответственность за неуплату законно установленных налогов.

Следовательно, недопустимо установление ответственности за такие действия налогоплательщика, которые, хотя и имеют своим следствием неуплату налога либо уменьшение его суммы, но заключаются в использовании предоставленных налогоплательщику законом прав, связанных с освобождением на законном основании от уплаты налога или с выбором наиболее выгодных для него форм предпринимательской деятельности и соответственно - оптимального вида платежа.

4. В силу конституционного принципа равенства всех перед законом и судом (статья 19, часть 1, Конституции Российской Федерации) запреты и иные установления, закрепляемые в законе, должны быть определенными, ясными, недвусмысленными. Неопределенность содержания правовой нормы, как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 15 июля 1999 года по делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР "О Государственной налоговой службе РСФСР" и Законов Российской Федерации "Об основах налоговой системы в Российской Федерации" и "О федеральных органах налоговой полиции", допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и тем самым - нарушения принципа равенства, а также принципа верховенства закона.

Неопределенность нормы статьи 199 УК Российской Федерации заявителями по настоящему делу усматривают в неопределенности понятия "уклонение от уплаты налогов иным способом". Между тем оценка степени определенности содержащихся в законе понятий должна осуществляться исходя не только из самого текста закона, используемых

формулировок (в данном случае термина "иной способ"), но и из их места в системе нормативных предписаний.

Законодательство Российской Федерации о налогах к числу обязательных признаков состава налогового правонарушения относит вину, которая может выражаться как в форме умысла, так и в форме неосторожности (статья 110 Налогового кодекса Российской Федерации). Аналогичным образом Уголовный кодекс Российской Федерации (статья 5, часть первая статьи 14) предусматривает, что лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина; объективное же вменение (применительно к сфере налогообложения - уголовная ответственность за неуплату налога, явившееся результатом невиновного поведения) не допускается.

То обстоятельство, что в диспозиции статьи 199 УК Российской Федерации использован термин "уклонение", указывающий на определенную цель совершаемого деяния - избежать уплаты законно установленных налогов, свидетельствует о том, что состав этого преступления предполагает наличие в действиях виновного лица именно умысла (часть вторая статьи 25 УК Российской Федерации), который в данном случае направлен непосредственно на уклонение от уплаты налога.

Следовательно, применительно к преступлению, предусмотренному статьей 199 УК Российской Федерации, составообразующим может признаваться только такое деяние, которое совершается с умыслом и направлено на избежание уплаты налога в нарушение установленных налоговым законодательством правил. Это обязывает органы, осуществляющие уголовное преследование, не только установить в ходе расследования и судебного рассмотрения конкретного уголовного дела сам факт неуплаты налога, но и доказать противозаконность соответствующих действий (бездействия) налогоплательщика и наличие умысла на уклонение от уплаты налога (пункт 1 части первой статьи 73 УПК Российской Федерации). Отсутствие в статье 199 УК Российской Федерации перечня конкретных способов уклонения от уплаты законно установленных налогов не дает правоприменителю оснований для произвольного привлечения к уголовной ответственности за неуплату налога, в том числе в случаях, когда налогоплательщик использует не противоречащие закону механизмы уменьшения налоговых платежей или допускает неуплату налога по неосторожности.

Кроме того, как следует из пункта 5 части первой статьи 73 УПК Российской Федерации и статьи 111 Налогового кодекса Российской Федерации, установлению подлежат и обстоятельства, наличие которых исключает привлечение лица к уголовной ответственности за совершение данного преступления (в частности, стихийное бедствие или другие чрезвычайные и непреодолимые обстоятельства, выполнение налогоплательщиком письменных разъяснений по вопросам применения законодательства о налогах, данных налоговым органом или другим уполномоченным государственным органом или их должностными лицами в пределах их компетенции).

5. Таким образом, положение статьи 199 УК Российской Федерации об уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов с организации путем включения в бухгалтерские документы заведомо искаженных данных о доходах или расходах либо иным способом, а равно от уплаты страховых взносов в государственные внебюджетные фонды с организации, совершенное в крупном или особо крупном размере, не нарушает конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина постольку, поскольку названное положение - по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующих правовых норм - предусматривает уголовную ответственность лишь за такие деяния, которые совершаются умышленно и направлены непосредственно на избежание уплаты законно установленного налога в нарушение закрепленных в налоговом законодательстве правил.

Выявленный Конституционным Судом Российской Федерации конституционно-правовой смысл положения статьи 199 УК Российской Федерации в силу статьи 6 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" является общеобязательным, а потому правоприменители, в том числе суды общей юрисдикции при разрешении конкретных дел об уклонении от уплаты налогов и страховых взносов с организаций, не вправе придавать этому положению какое-либо иное значение, расходящееся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении.

Исходя из изложенного и руководствуясь частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 75, 79 и 100 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать положение статьи 199 УК Российской Федерации об уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов с организации путем включения в бухгалтерские документы заведомо искаженных данных о доходах или расходах либо иным способом, а равно от уплаты страховых взносов в государственные внебюджетные фонды с организации, совершенное в крупном или особо крупном размере, не противоречащим Конституции Российской Федерации постольку, поскольку названное положение - по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующих правовых норм - предусматривает уголовную ответственность лишь за такие деяния, которые совершаются умышленно и направлены непосредственно на избежание уплаты законно установленного налога в нарушение закрепленных в налоговом законодательстве правил.

Конституционно-правовой смысл данного положения, выявленный в настоящем Постановлении, в силу статьи 6 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" является общеобязательным и исключает любое иное его истолкование в правоприменительной практике.

2. Судебные решения по уголовному делу в отношении гражданина Н.И. Таланова, если они основаны на положении статьи 199 УК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в обычном порядке.

Уголовные дела в отношении граждан П.Н. Белецкого и Р.В. Рукавишникова, находящиеся в настоящее время на рассмотрении в судах общей юрисдикции, подлежат разрешению на основании положения статьи 199 УК Российской Федерации в его конституционно-правовом смысле, выявленном в настоящем Постановлении.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Согласно статье 78 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в "Российской газете" и "Собрании законодательства Российской Федерации". Постановление должно быть опубликовано также в "Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации".

В ответ Суд подтвердил свою приверженность правовой позиции, выраженной в деле Ситаловой и деле о налоговых санкциях, но предоставил важное разъяснение по критериям неопределенности. Суд отметил: «Оценка определенности содержащихся в законе терминов должна производиться не только на основании текста самого закона и используемой формулировки (в данном случае термина «иными

способами»), но и на основе их места в системе нормативной базы». Конституционный суд разъяснил, что «тот факт, что статья 199 УК РФ не содержит перечня конкретных способов уклонения от уплаты установленных законом налогов, не дает правоохранительным органам оснований для произвольного привлечения уголовной ответственности за неуплату налогов, в том числе в случаях, когда налогоплательщик использует не противоречащие закону механизмы уменьшения налогов или совершает неуплату налогов по неосторожности». В связи с этим Суд постановил, что оспариваемые положения не противоречат принципу правовой определенности, «поскольку указанные положения по своему конституционно-правовому значению в рамках действующего правового поля предусматривают уголовную ответственность только за действия, совершенные умышленно и непосредственно направленные на уклонение от уплаты налогов в нарушение правил, установленных налоговым законодательством».

Указанные позиции Конституционного Суда можно отнести к периоду становления понятия правовой определенности в российской конституционной судебной практике. Конечно, с годами они эволюционировали, но принципиально не изменились.

В качестве примера такой эволюции можно привести Постановление от 19 ноября 2015 года № 29-П. Суд признал неконституционными положения Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», согласно которым в страховой стаж (т.е. стаж исчисления размера пенсии) гражданина, незаконно привлеченного к уголовной ответственности и впоследствии реабилитированного, не включал периоды, в течение которых гражданин не работал в связи с приостановлением работы. Суд указал, что положения пенсионного законодательства должны соответствовать положениям Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации о необходимости восстановления пенсионных прав. В противном случае это противоречило бы требованиям определенности, ясности и недвусмысленности правовых норм и их соответствия системе действующего правового регулирования, которые вытекают из конституционных принципов верховенства права.

Постановление Конституционного Суда РФ от 19.11.2015 № 29-П "По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 10 Федерального закона "О трудовых пенсиях в Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина Н.К. Шматкова"

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, Г.А. Жилина, С.М. Казанцева, М.И. Клеандрова, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47.1, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации",

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности пункта 1 статьи 10 Федерального закона "О трудовых пенсиях в Российской Федерации".

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина Н.К. Шматкова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Ю.Д. Рудкина, изучив представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации установил:

1. Согласно пункту 1 статьи 10 Федерального закона от 17 декабря 2001 года N 173-ФЗ "О трудовых пенсиях в Российской Федерации" в страховой стаж включаются периоды работы и (или) иной деятельности, которые выполнялись на территории Российской Федерации гражданами Российской Федерации, застрахованными в соответствии с Федеральным законом "Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации", при условии, что за эти периоды уплачивались страховые взносы в Пенсионный фонд Российской Федерации.

1.1. Приказом председателя правления международного коммерческого акционерного банка (МКАБ) "Восток" от 26 января 1995 года N 43-ОК гражданин Н.К. Шматков в связи с привлечением его к уголовной ответственности был отстранен от работы в должности директора Темиртауского филиала банка с приостановкой выплаты заработной платы с указанной даты до окончания следствия по делу. Поводом для издания приказа послужило постановление следователя УВД города Новосибирска от 17 января 1995 года о возбуждении в отношении Н.К. Шматкова уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного частью третьей статьи 159 УК Российской Федерации (мошенничество). Предварительное следствие и судебное разбирательство по данному уголовному делу длились с 1995 по 2006 год. При этом в рамках производства предварительного следствия в качестве меры пресечения в отношении Н.К. Шматкова применялась подписка о невыезде, за исключением периода с 3 апреля 1998 года по 17 мая 1999 года, когда он содержался под стражей. Приговором Центрального районного суда города Новосибирска от 25 августа 2006 года, вступившим в законную силу 16 октября 2006 года, Н.К. Шматков был оправдан по предъявленному обвинению в связи с отсутствием в его действиях состава преступления и за ним признано право на реабилитацию.

Кассационным определением судебной коллегии по гражданским делам Новосибирского областного суда от 24 мая 2007 года Н.К. Шматкову был восстановлен трудовой стаж за период с 26 января 1995 года по 24 мая 2007 года, а решением Октябрьского районного суда города Новосибирска от 19 октября 2009 года - за период с 25 мая 2007 года по 19 октября 2009 года.

Управлением Пенсионного фонда Российской Федерации в Советском районе города Новосибирска по предложению Центра занятости города Новосибирска с 3 ноября 2010 года Н.К. Шматкову была досрочно назначена трудовая пенсия по старости. Поскольку страховая часть пенсии была рассчитана только за период до 31 декабря 2001 года, Н.К. Шматков обратился в Октябрьский районный суд города Новосибирска с иском о восстановлении своих пенсионных прав, в частности о включении в страховой стаж периода с 1 января 2002 года по 2 ноября 2010 года, перечислении на его индивидуальный лицевой счет в Пенсионном фонде Российской Федерации денежных средств в порядке исполнения за страхователя обязанности по уплате страховых взносов за указанный период и производстве перерасчета пенсии.

Решением Октябрьского районного суда города Новосибирска от 30 октября 2012 года, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Новосибирского областного суда от 19 февраля 2013 года, в удовлетворении исковых требований Н.К. Шматкову было отказано со ссылкой на

отсутствие оснований для включения в страховой стаж истца периодов, не относящихся к указанным в статье 10 Федерального закона "О трудовых пенсиях в Российской Федерации" периодам работы и (или) иной деятельности, за которые уплачивались страховые взносы в Пенсионный фонд Российской Федерации, а также к иным периодам, засчитываемым в страховой стаж в соответствии со статьей 11 того же Федерального закона. При этом суд отметил, что действия и решения государственных органов не препятствовали ему осуществлять трудовую деятельность, доказательств же невозможности поступить на работу в результате уголовного преследования им не представлено. В передаче кассационной жалобы Н.К. Шматкова на указанные судебные постановления для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отказано (определение судьи Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 года, письмо Заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации от 7 ноября 2013 года).

1.2. Как следует из статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации, проверяя по жалобе гражданина конституционность закона или его отдельных положений, затрагивающих конституционные права и свободы, на нарушение которых ссылается заявитель, и примененных в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде, принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл проверяемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм, не будучи связанным при принятии решения основаниями и доводами, изложенными в жалобе.

Гражданин Н.К. Шматков оспаривает конституционность примененного судами в его деле положения пункта 1 статьи 10 Федерального закона "О трудовых пенсиях в Российской Федерации", полагая, что оно - в нарушение статей 1, 2, 15, 17, 18, 45, 52 и 53 Конституции Российской Федерации - ограничивает пенсионные права граждан, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности и впоследствии реабилитированных, поскольку не позволяет засчитывать в страховой стаж, учитываемый при определении права на трудовую пенсию и оказывающий влияние на ее размер, периоды, включенные судом в трудовой стаж этих граждан. Названный Федеральный закон (за исключением норм, регулирующих исчисление размера трудовых пенсий и подлежащих применению в целях определения размеров страховых пенсий в части, не противоречащей Федеральному закону от 28 декабря 2013 года N 400-ФЗ "О страховых пенсиях") перестал применяться с 1 января 2015 года, однако положение пункта 1 его статьи 10 о включении в страховой стаж периодов работы и (или) иной деятельности, которые выполнялись на территории Российской Федерации, при условии, что за эти периоды уплачивались страховые взносы в Пенсионный фонд Российской Федерации, воспроизведено в части 1 статьи 11 ныне действующего Федерального закона "О страховых пенсиях", что позволяет Конституционному Суду Российской Федерации принять данную жалобу к рассмотрению.

Вместе с тем согласно законодательству, действовавшему в отношении реабилитированных лиц в тот период, когда Н.К. Шматков подвергался уголовному преследованию, в общий трудовой стаж, дающий право на пенсию по старости и оказывающий влияние на ее размер, включались периоды содержания под стражей и отбывания наказания, а также периоды, в течение которых гражданин не работал в связи с отстранением от должности. Как следует из материалов жалобы, период содержания Н.К. Шматкова под стражей, имевший место до 1 января 2002 года - даты вступления в силу Федерального закона "О трудовых пенсиях в Российской Федерации", по решению суда включен в общий трудовой стаж и учтен при оценке пенсионных прав заявителя, приобретенных до указанной даты, путем их конвертации (преобразования) в расчетный

пенсионный капитал, т.е. в этой части пенсионные права Н.К. Шматкова восстановлены; периоды, в течение которых он не работал в связи с отстранением от должности (работы) до вступления в силу Федерального закона "О трудовых пенсиях в Российской Федерации" (с 26 января 1995 года по 3 апреля 1998 года и с 18 мая 1999 года по 31 декабря 2001 года), решением суда также включены в общий трудовой стаж и учтены при назначении заявителю трудовой пенсии по старости. Период после 28 января 2004 года, зачтенный судом в общий трудовой стаж, по смыслу статьи 76 Трудового кодекса Российской Федерации, не может быть отнесен к отстранению от должности (работы), поскольку 28 января 2004 года МКАБ "Восток", выступавший работодателем Н.К. Шматкова, был ликвидирован и трудовые отношения между ними прекратились.

Следовательно, права Н.К. Шматкова затрагиваются оспариваемой им нормой постольку, поскольку в его страховой стаж не был засчитан период со дня вступления в силу Федерального закона "О трудовых пенсиях в Российской Федерации" до ликвидации МКАБ "Восток" (с 1 января 2002 года по 28 января 2004 года), в течение которого он не работал в связи с отстранением от должности (работы). Соответственно, пункт 1 статьи 10 Федерального закона "О трудовых пенсиях в Российской Федерации" является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу в той мере, в какой на его основании после 1 января 2002 года решается вопрос о включении в страховой стаж гражданина, незаконно привлеченного к уголовной ответственности и впоследствии реабилитированного, периодов, в течение которых он не работал в связи с отстранением от должности (работы), если такое отстранение явилось следствием решения органа, осуществлявшего в отношении этого гражданина уголовное преследование.

2. Конституция Российской Федерации закрепляет право каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц (статья 53), и в качестве гарантии его реализации устанавливает обязанность государства в случае нарушения органами публичной власти и их должностными лицами прав, охраняемых законом, обеспечивать потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (статья 52).

Конституционным гарантиям права на возмещение вреда, причиненного незаконным или необоснованным уголовным преследованием, корреспондируют положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод (пункт 5 статьи 5, статья 3 Протокола N 7 к данной Конвенции) и Международного пакта о гражданских и политических правах (подпункт "а" пункта 3 статьи 2, пункт 5 статьи 9 и пункт 6 статьи 14), провозглашающие право каждого, кто стал жертвой незаконного ареста, заключения под стражу или судебной ошибки, на компенсацию и обязанность государства обеспечить эффективные средства правовой защиты нарушенных прав.

Из приведенных положений Конституции Российской Федерации и международно-правовых актов, основанных на принципах правового государства, верховенства права, юридического равенства и справедливости, следует, что государство, обеспечивая лицам, пострадавшим от незаконного и (или) необоснованного привлечения к уголовной ответственности на любой стадии уголовного судопроизводства, эффективное восстановление в правах, обязано гарантировать им и возмещение причиненного вреда. Соответственно, конкретизация конституционно-правового принципа ответственности государства за незаконные действия (или бездействие) органов государственной власти или их должностных лиц, по смыслу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в Постановлении от 2 марта 2010 года N 5-П, предполагает создание специальных публично-правовых механизмов, обеспечивающих восстановление нарушенных прав граждан, необоснованно подвергнутых от имени государства уголовному преследованию, в полном объеме.

3. Реализуя в рамках предоставленных ему дискреционных полномочий соответствующие конституционные предписания, федеральный законодатель закрепил в

Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, что уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (часть первая статьи 6) и что уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания и реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (часть вторая статьи 6). Исходя из этого в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации устанавливается порядок и условия возмещения вреда, причиненного лицу в уголовном судопроизводстве, а также основания возникновения права на реабилитацию, под которой понимается порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда (пункт 34 статьи 5).

Согласно части первой статьи 133 УПК Российской Федерации право на реабилитацию включает в себя не только право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда, но и восстановление в жилищных, трудовых, пенсионных и иных правах, а вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, возмещается государством в полном объеме независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда. Вместе с тем, определив в его главе 18 основания возникновения и содержание права на реабилитацию, а также порядок возмещения имущественного и морального вреда реабилитированным, федеральный законодатель не предусмотрел ни в данном Кодексе, ни в каком-либо ином федеральном законе механизм, гарантирующий восстановление пенсионных прав лиц, незаконно и (или) необоснованно подвергшихся уголовному преследованию.

3.1. До настоящего времени право на возмещение вреда, причиненного гражданину в результате уголовного преследования, реализуется в порядке, установленном Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 года "О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей", который сохраняет юридическую силу и может применяться лишь во взаимосвязи с соответствующими положениями УПК Российской Федерации (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2005 года N 242-О).

В соответствии с пунктом 6 утвержденного данным Указом Положения о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, время содержания под стражей, время отбывания наказания, а также время, в течение которого гражданин не работал в связи с отстранением от должности, засчитывается как в общий трудовой стаж, так и в стаж работы по специальности; при этом трудовой стаж, исчисленный с зачетом указанных периодов, учитывается в том числе при назначении пенсий и пособий по государственному социальному страхованию.

Названная норма в полной мере согласовывалась с пенсионным законодательством, действовавшим до 1 января 2002 года. Так, согласно Закону Российской Федерации от 20 ноября 1990 года N 340-1 "О государственных пенсиях в Российской Федерации" (утратил силу с 1 января 2002 года) с учетом общего трудового стажа как суммарной продолжительности трудовой и иной общественно полезной деятельности устанавливались пенсии по старости, а в соответствующих случаях - пенсии по инвалидности и пенсии по случаю потери кормильца, а продолжительность общего трудового стажа обуславливала право на пенсию и в определенной мере влияла на ее размер. Кроме того, предусмотренная статьей 94 того же Закона возможность зачета лицам, необоснованно привлеченным к уголовной ответственности и впоследствии реабилитированным, времени содержания под стражей и

пребывания в местах заключения и ссылке в общий трудовой стаж в тройном размере позволяла данной категории граждан приобретать необходимый для назначения пенсии общий трудовой стаж в более короткие сроки. Тем самым посредством предусмотренного приведенными нормативными положениями в целях пенсионного обеспечения порядка учета периодов содержания под стражей, отбывания наказания и периодов, в течение которых гражданин не работал в связи с отстранением от должности, обеспечивалось восстановление пенсионных прав реабилитированных лиц.

После вступления в силу Федерального закона "О трудовых пенсиях в Российской Федерации" (1 января 2002 года), в основу которого была положена концепция страховой природы пенсионного обеспечения, общий трудовой стаж стал использоваться в механизме обязательного пенсионного страхования для определения расчетного размера трудовой пенсии при оценке пенсионных прав граждан, приобретенных ими по состоянию на 1 января 2002 года. При этом приобретение права на трудовую пенсию по старости, назначаемую на общих основаниях, федеральный законодатель связал с достижением общеустановленного пенсионного возраста и наличием не общего трудового, а страхового (не менее пяти лет) стажа. Размер трудовой пенсии по старости фактически стал зависеть от суммы страховых взносов и иных поступлений в Пенсионный фонд Российской Федерации за застрахованное лицо, а продолжительность страхового стажа до 1 января 2015 года - даты вступления в силу Федерального закона "О страховых пенсиях" не оказывала влияния на размер пенсии (в настоящее время страховой стаж в системе обязательного пенсионного страхования учитывается при определении как права на страховую пенсию, так и ее размера).

Согласно ныне действующему в сфере пенсионного обеспечения правовому регулированию в страховой стаж включаются периоды работы и (или) иной деятельности, в течение которых уплачивались страховые взносы в Пенсионный фонд Российской Федерации (пункт 1 статьи 10 Федерального закона "О трудовых пенсиях в Российской Федерации", часть 1 статьи 11 Федерального закона "О страховых пенсиях"), и наравне с ними в страховой стаж засчитываются иные (нестраховые) периоды, в том числе период содержания под стражей лиц, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности и впоследствии реабилитированных, и период отбывания наказания этими лицами в местах лишения свободы и ссылке (подпункт 5 пункта 1 статьи 11 Федерального закона "О трудовых пенсиях в Российской Федерации", пункт 5 части 1 статьи 12 Федерального закона "О страховых пенсиях"), т.е. возможность включения в страховой стаж периода, в течение которого гражданин не работал вследствие отстранения от должности (работы) в связи с уголовным преследованием, в настоящее время пенсионным законодательством не предусматривается.

3.2. Временное отстранение от должности подозреваемого или обвиняемого является мерой процессуального принуждения, которая применяется судом по ходатайству следователя с согласия руководителя следственного органа, а также дознавателя с согласия прокурора, в целях обеспечения порядка уголовного судопроизводства и надлежащего исполнения приговора (часть первая статьи 111 и часть первая статьи 114 УПК Российской Федерации). Постановление суда о временном отстранении подозреваемого или обвиняемого от должности направляется по месту его работы (часть третья статьи 114 УПК Российской Федерации) и предполагает безусловную юридическую обязанность работодателя не допускать работника к исполнению трудовых обязанностей.

Согласно законодательству, действовавшему на дату применения данной меры процессуального принуждения в отношении заявителя по настоящему делу, работник мог быть отстранен от должности (работы) только по предложению уполномоченных на это органов в случаях, предусмотренных законодательством (статья 38 КЗоТ РСФСР); в частности, временное отстранение от должности осуществлялось на основании мотивированного постановления следователя, подлежащего санкционированию прокурором или его заместителем, которое направлялось для исполнения по месту работы

обвиняемого (статья 153 УПК РСФСР) и, как любое постановление следователя, вынесенное в соответствии с законом по находящимся в его производстве уголовным делам, было обязательно для исполнения всеми предприятиями, учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами (часть пятая статьи 127 УПК РСФСР).

Нарушение же следователем установленного законом порядка отстранения от должности (работы) либо ненадлежащее оформление процессуальных документов не должно создавать препятствия для восстановления прав реабилитированного лица. В противном случае это лицо вопреки конституционным предписаниям об обязанности государства возместить вред, причиненный незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, претерпевало бы негативные правовые последствия, вызванные ненадлежащим исполнением должностными лицами возложенных на них полномочий.

В период отстранения от должности (работы) в связи с уголовным преследованием - как по действующему законодательству, так и по законодательству, действовавшему на дату отстранения от работы заявителя по настоящему делу, - трудовые отношения с работником не прекращаются, работник лишь освобождается от обязанности выполнять работу в соответствии с трудовым договором и заработная плата ему не начисляется. Тем самым обе стороны трудового договора освобождаются от выполнения возложенных на них обязанностей, формально сохраняя статус работника и работодателя и не прекращая трудовых отношений, что в данной ситуации может выступать препятствием для трудоустройства отстраненного работника к другому работодателю и получения соответствующего дохода, однако не лишает его возможности заниматься предпринимательской деятельностью или работать по совместительству. В свою очередь, увольнение работника по собственной инициативе либо по соглашению сторон влекло бы невозможность восстановления его трудовых прав при вынесении оправдательного приговора, поскольку в таком случае отсутствовали бы правовые основания для его восстановления на работе как лица, выразившего добровольное волеизъявление о прекращении трудовых отношений.

Следовательно, такое правовое регулирование, допускающее временное отстранение от должности (работы) лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, исходя из принципа презумпции невиновности направлено в том числе на сохранение трудовых отношений в случае прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям или вынесения оправдательного приговора либо приговора, не препятствующего продолжению работы, и в случае отмены данной меры процессуального принуждения предполагает допуск отстраненного работника к исполнению трудовых обязанностей и возобновление начисления заработной платы.

3.3. Начиная с 1 января 2002 года основой формирования пенсионных прав выступает уплата страховых взносов на обязательное пенсионное страхование, а объектом обложения страховыми взносами признаются выплаты, начисленные работнику в рамках трудовых отношений. Следовательно, в период временного отстранения работника от должности (работы) его пенсионные права не формируются, поскольку заработная плата в этот период ему не начисляется и обязанность по уплате взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации не возникает. Соответственно, восстановление пенсионных прав лица, незаконно или необоснованно привлеченного к уголовной ответственности и впоследствии реабилитированного, по существу, возможно лишь применительно к периоду до 1 января 2002 года, а также после указанной даты - за периоды содержания под стражей и отбывания наказания в местах лишения свободы и ссылке, которые включаются в страховой стаж в качестве нестраховых периодов (подпункт 5 пункта 1 статьи 11 Федерального закона "О трудовых пенсиях в Российской Федерации").

Применительно же к периоду, в течение которого гражданин, чье право на реабилитацию вследствие незаконного или необоснованного уголовного преследования

было признано судом, не работал в связи с временным отстранением от должности (работы), в действующем правовом регулировании не предусматривается ни возмещение государством неуплаченных работодателем в Пенсионный фонд Российской Федерации страховых взносов, ни его учет в страховом стаже в качестве нестрахового периода с начислением коэффициентов, предусмотренных частью 12 статьи 15 Федерального закона "О страховых пенсиях" для ряда нестраховых периодов, что исключает и возможность его учета как при определении права такого гражданина на трудовую (страховую) пенсию, так и при исчислении ее размера.

Тем самым создаются препятствия для восстановления реабилитированных лиц в пенсионных правах, необходимость которого вытекает из основанных на Конституции Российской Федерации положений уголовно-процессуального закона, что вопреки конституционным принципам справедливости и гарантированности государством прав и свобод человека и гражданина ведет к нарушению права на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями органов государственной власти или их должностных лиц, к ограничению права на социальное обеспечение и, следовательно, не согласуется со статьями 39 (части 1 и 2), 53 и 55 (часть 2) Конституции Российской Федерации.

3.4. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 14 мая 2015 года N 9-П, федеральный законодатель, осуществляя предоставленные ему полномочия, был вправе установить приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации перед иными федеральными законами в регламентации соответствующих правоотношений (статья 7), в том числе связанных с реабилитацией и восстановлением прав лиц, подвергшихся незаконному или необоснованному уголовному преследованию, исходя из того, что значимым ориентиром для разрешения коллизии законов в контексте конституционных предписаний в любом случае является требование о приоритетности прав и свобод человека и гражданина, которые, в частности, определяют смысл, содержание и применение законов (статьи 2 и 18 Конституции Российской Федерации).

Из этого следует, что нормы пенсионного законодательства должны согласовываться с предписанием Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации о необходимости восстановления пенсионных прав, - иное противоречило бы вытекающим из конституционных принципов правового государства, важнейшими из которых являются верховенство Конституции Российской Федерации и законов, равенство и справедливость, требованиям определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности с системой действующего правового регулирования (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 6 апреля 2004 года N 7-П, от 31 мая 2005 года N 6-П и от 18 июля 2008 года N 10-П).

Между тем, исключив возможность зачета в страховой стаж лица периода временного отстранения от должности (работы) в связи с уголовным преследованием, федеральный законодатель породил формальную несогласованность между положениями уголовно-процессуального закона и пенсионным законодательством, заведомо ведущую к невозможности реализации в полном объеме права на реабилитацию, предполагающего восстановление в пенсионных правах лиц, незаконно или необоснованно подвергшихся уголовному преследованию.

Такое законодательное регулирование в силу своей неопределенности, обусловленной отсутствием соответствующего правового механизма, не согласуется с конституционными принципами справедливости и верховенства права (статьи 2 и 19 Конституции Российской Федерации), свидетельствует о невыполнении федеральным законодателем своей обязанности, вытекающей из статей 39, 45, 52, 53 и 71 (пункт "о") Конституции Российской Федерации, и, следовательно, нарушает конституционные права на социальное обеспечение и возмещение государством вреда,

причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц.

4. Таким образом, пункт 1 статьи 10 Федерального закона "О трудовых пенсиях в Российской Федерации" не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 39 (части 1 и 2) и 53, в той мере, в какой содержащееся в нем нормативное положение во взаимосвязи с иными законодательными предписаниями позволяет не включать в страховой стаж гражданина, необоснованно привлеченного к уголовной ответственности и впоследствии реабилитированного, период, в течение которого он был временно отстранен от должности (работы) в связи с решением органа, осуществляющего уголовное преследование, о применении к нему данной меры процессуального принуждения, и тем самым препятствует восстановлению его пенсионных прав.

Федеральному законодателю надлежит - исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций, выраженных Конституционным Судом Российской Федерации в настоящем Постановлении, - внести в действующее правовое регулирование изменения, направленные на создание правового механизма восстановления пенсионных прав реабилитированных лиц, т.е. гарантирующего им пенсионное обеспечение на тех условиях, которые применялись бы к ним в случае отсутствия незаконного или необоснованного уголовного преследования. При этом федеральный законодатель в рамках предоставленных ему дискреционных полномочий вправе выбрать такой способ зачета в страховой стаж реабилитированного лица периода отстранения от должности (работы) в связи с решением органа, осуществляющего уголовное преследование, который обеспечивал бы возможность учета соответствующего периода как при определении права на трудовую (страховую) пенсию, так и при исчислении ее размера.

Исходя из прямого действия Конституции Российской Федерации впредь до внесения в действующее правовое регулирование надлежащих изменений в страховой стаж реабилитированного лица должен включаться весь период отстранения его от должности (работы) по правилам, предусмотренным для периода содержания под стражей.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47.1, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 80 и 100 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать пункт 1 статьи 10 Федерального закона "О трудовых пенсиях в Российской Федерации" не соответствующим Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 39 (части 1 и 2) и 53, в той мере, в какой содержащееся в нем нормативное положение во взаимосвязи с иными законодательными предписаниями позволяет не включать в страховой стаж гражданина, необоснованно привлеченного к уголовной ответственности и впоследствии реабилитированного, период, в течение которого он был временно отстранен от должности (работы) в связи с решением органа, осуществляющего уголовное преследование, о применении к нему данной меры процессуального принуждения, и тем самым препятствует восстановлению его пенсионных прав.

2. Федеральному законодателю надлежит - исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, - внести в действующее правовое регулирование изменения, направленные на создание правового механизма восстановления пенсионных прав реабилитированных лиц, т.е. гарантирующего им пенсионное обеспечение на тех условиях, которые применялись бы к ним в случае отсутствия незаконного или необоснованного уголовного преследования.

3. Правоприменительные решения по делу гражданина Шматкова Николая Карповича, основанные на пункте 1 статьи 10 Федерального закона "О трудовых пенсиях в

Российской Федерации" в той мере, в какой содержащиеся в нем нормативные положения признаны настоящим Постановлением не соответствующими Конституции Российской Федерации, подлежат пересмотру в установленном порядке, если для этого нет иных препятствий.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в "Российской газете", "Собрании законодательства Российской Федерации" и на "Официальном интернет-портале правовой информации" (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в "Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации".

Это требование распространяется на единообразное толкование закона судами. В качестве недавнего примера применения данной позиции можно упомянуть Постановление от 11 июня 2024 года № 29-П. Данное Постановление касалось неопределенности регулирования возможности предоставления права собственности или аренды физическим лицам на земельный участок, на котором был частично или полностью построен подземный гараж. В данном Постановлении Конституционный Суд указал, в частности, на то, что неоднозначность нормативного регулирования неизбежно препятствует адекватному разъяснению его содержания и назначения, предоставляет неограниченную свободу действий органов власти в процессе правоприменения, создает условия для административного произвола и избирательного правосудия и тем самым ослабляет гарантии защиты конституционных прав и свобод. Таким образом, нарушение требований определенности нормы закона само по себе может быть достаточным основанием для признания, его не соответствующим Конституции Российской Федерации. Если взаимоисключающие толкования одного и того же положения (которые могут существовать, например, из-за различий в его понимании в системе с другими положениями) разумно оправданы в конституционных рамках законодательного усмотрения и не установлена единообразная судебная практика толкования этого положения, то не всегда возможно выяснить его истинное содержание, даже ссылаясь на конституционные цели и принципы. В такой ситуации наиболее правильным, если не единственным способом раскрытия истинного содержания и смысла нормативного регулирования является законодательное разъяснение нормативных положений, неоднозначность которых не может быть преодолена с помощью правового толкования и создает серьезные препятствия для полной гарантии равенства перед законом и судом в процессе их применения.

Постановление Конституционного Суда РФ от 11.06.2024 № 29-П "По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 6 и пункта 1 статьи 39.20 Земельного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.А. Ермака"

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей А.Ю. Бушева, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н.

Кокотова, Л.О. Красавчиковой, М.Б. Лобова, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, В.А. Сивицкого,

руководствуясь статьей 125 (пункт "а" части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47.1, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации",

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности пункта 3 статьи 6 и пункта 1 статьи 39.20 Земельного кодекса Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина И.А. Ермака. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика С.М. Казанцева, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. В соответствии с пунктом 3 статьи 6 Земельного кодекса Российской Федерации земельный участок как объект права собственности и иных предусмотренных данным Кодексом прав на землю является недвижимой вещью, которая представляет собой часть земной поверхности и имеет характеристики, позволяющие определить ее в качестве индивидуально определенной вещи, а в случаях и в порядке, которые установлены федеральным законом, могут создаваться искусственные земельные участки.

Согласно пункту 1 статьи 39.20 данного Кодекса исключительное право на приобретение земельных участков в собственность или в аренду имеют граждане и юридические лица, являющиеся собственниками зданий и сооружений, расположенных на таких участках, если иное не установлено этой статьей или другим федеральным законом.

1.1. В 2020 году заявитель по настоящему делу - гражданин И.А. Ермак приобрел по договору купли-продажи гараж. В 2022 году он обратился в департамент градостроительства, архитектуры и землеустройства администрации города Абакана и непосредственно в городскую администрацию с заявлениями о предварительном согласовании предоставления земельного участка площадью 45 кв. м и о внесении изменений (о признании его арендатором) в договор аренды от 2013 года, заключенный администрацией города Абакана (арендодателем) с продавцом гаража, но получил отказы.

Абаканский городской суд Республики Хакасия, руководствуясь, в частности, пунктом 1 статьи 39.20 Земельного кодекса Российской Федерации, решением от 30 сентября 2022 года признал право собственности И.А. Ермака как собственника гаража на земельный участок. Суд опирался на тот факт, установленный на основании судебной землеустроительной экспертизы, что гараж не является подземным: он определяется как заглубленная и обвалованная стоянка автомобилей, а его этаж - как подвальный. Главным доказательством этого суд посчитал то, что крыша гаража расположена выше поверхности земли. Однако апелляционным определением Верховного Суда Республики Хакасия от 19 января 2023 года, законность которого подтверждена вышестоящими судами, решение отменено и принято новое - об отказе в иске, поскольку принадлежащий истцу гараж имеет один подземный этаж, а на поверхности участка расположены стены (частично), перекрытия и крыша. Не признавая за И.А. Ермаком право на приобретение участка в собственность, суды исходили из того, что понятие "здания и сооружения, расположенные на земельном участке", используемое в названной норме, распространяется только на наземные объекты, характеризующиеся наличием наземной этажности.

По мнению И.А. Ермака, пункт 3 статьи 6 и пункт 1 статьи 39.20 Земельного кодекса Российской Федерации противоречат статьям 9 (часть 2) и 36 Конституции

Российской Федерации в той мере, в какой по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, они не позволяют признавать за собственниками подземных или полуподземных гаражей исключительное право на приобретение земельного участка.

1.2. Таким образом, с учетом требований статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются пункт 3 статьи 6 и пункт 1 статьи 39.20 Земельного кодекса Российской Федерации в той мере, в какой на их основании решается вопрос о предоставлении земельных участков в собственность или в аренду лицам, являющимся собственниками частично или полностью подземных гаражей (гаражных комплексов), которые расположены в границах таких участков, отвечают признакам объекта недвижимого имущества и зарегистрированы в установленном порядке.

При этом в настоящем деле не затрагивается вопрос о предоставлении земельного участка для строительства и эксплуатации частично или полностью подземных гаражей (гаражных комплексов), расположенных под многоквартирными домами и под нежилыми зданиями и сооружениями (в том числе под наземными гаражами) и являющихся их составной частью.

2. Согласно Конституции Российской Федерации земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в России как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории, и могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности; граждане и их объединения вправе иметь в частной собственности землю, а владение, пользование и распоряжение ею и другими природными ресурсами осуществляются собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц (статьи 9 и 36). Исходя из этого законодательство в области регулирования земельных отношений определяет, что земля и другие природные ресурсы, не находящиеся в собственности граждан, юридических лиц либо муниципальных образований, являются государственной собственностью и могут отчуждаться или переходить от одного лица к другому иными способами в той мере, в какой их оборот допускается законом. При этом, как следует из сформулированной Конституционным Судом Российской Федерации правовой позиции, по смыслу статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 8, 17, 34 и 35, ограничения законом прав владения, пользования и распоряжения имуществом должны отвечать требованиям справедливости, быть адекватными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей (Постановление от 1 апреля 2003 года N 4-П и др.).

Из приведенных положений Конституции Российской Федерации и раскрывающих их содержание правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации вытекает обязанность законодателя, регулируя земельные отношения, соблюдать баланс частных и публичных интересов, обусловленный конституционной ценностью земли как особого природного объекта и важнейшего компонента окружающей среды, и, отдавая себе отчет в том, что требование использования земельных участков по их целевому назначению неизбежно сопряжено с вмешательством в свободу владения, пользования и распоряжения имуществом, не допускать отступлений от конституционных норм об основаниях, целях и пределах ограничения прав и свобод (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 30 января 2009 года N 1-П, от 30 июня 2011 года N 13-П, от 14 ноября 2019 года N 35-П и от 16 октября 2020 года N 42-П).

В свою очередь, Закон Российской Федерации от 21 февраля 1992 года N 2395-I "О недрах" (далее - Закон о недрах), определяя, как указано в его преамбуле, правовые и экономические основы комплексного рационального использования и охраны недр, обеспечивая защиту интересов общества и государства, устанавливает разрешительный

режим пользования недрами. В силу его статьи 1.2 недра в границах территории Российской Федерации, включая подземное пространство и содержащиеся в недрах полезные ископаемые, энергетические и иные ресурсы, являются государственной собственностью, а вопросы владения, пользования и распоряжения недрами находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов.

2.1. По смыслу статьи 130 ГК Российской Федерации земельные участки и участки недр - различные виды недвижимого имущества.

Согласно статьям 260 и 261 ГК Российской Федерации и статье 15 Земельного кодекса Российской Федерации объектом права собственности на землю являются земельные участки, право собственности на которые распространяется на находящиеся в границах участка поверхностный (почвенный) слой, водные объекты и растения; собственник участка вправе использовать по своему усмотрению все, что находится над и под его поверхностью, если иное не предусмотрено законами о недрах, о воздушном пространстве, иными законами и не нарушает прав других лиц.

Понятие земельного участка раскрывается в пункте 3 статьи 6 Земельного кодекса Российской Федерации: земельный участок как объект права собственности и иных предусмотренных данным Кодексом прав на землю является недвижимой вещью, которая представляет собой часть земной поверхности и имеет характеристики, позволяющие определить ее в качестве индивидуально определенной вещи. Этому корреспондирует статья 141.2 ГК Российской Федерации о том, что земельным участком признается часть поверхности земли, границы которой определены в порядке, установленном законом, и он является недвижимой вещью. Таким образом, законодатель под земельным участком понимает "часть поверхности земли", "земной поверхности", что позволяет рассматривать его исключительно как плоскостной (двухмерный) объект и не включать в это понятие участки недр, характеризующиеся, по сути, трехмерной проекцией и представляющие собой геометризованные блоки недр (часть первая статьи 2 Закона о недрах).

В силу пункта 1 статьи 130 ГК Российской Федерации, относящего участки недр к недвижимым вещам, а также статей 1.2, 7 и 11 Закона о недрах участки недр являются объектами гражданских прав. Подпунктом 1 пункта 1 статьи 40 Земельного кодекса Российской Федерации установлено, что собственник может использовать для собственных нужд имеющиеся на его земельном участке общераспространенные полезные ископаемые и пресные подземные воды, а частью первой статьи 19 Закона о недрах - что собственник (землепользователь, землевладелец, арендатор) имеет право осуществлять в границах участка использование для собственных нужд общераспространенных полезных ископаемых, строительство подземных сооружений на глубину до пяти метров в порядке, предусмотренном законами и иными нормативными актами субъектов Российской Федерации.

Будучи частью земной поверхности, земельный участок должен быть индивидуально определен. Он должен иметь установленные в соответствии с законодательством границы, и должны быть известны его местоположение, площадь, целевое назначение, разрешенное использование. Только в таком случае он выступает в качестве объекта гражданского оборота. При этом в число его характеристик не включаются глубина, высота и объем.

Более емкое определение ранее было дано в Федеральном законе от 2 января 2000 года N 28-ФЗ "О государственном земельном кадастре": земельный участок - это часть поверхности земли, границы которой описаны и удостоверены в установленном порядке уполномоченным государственным органом, а также все, что находится над и под поверхностью земельного участка, если иное не предусмотрено федеральными законами о недрах, о воздушном пространстве и иными федеральными законами (статья 1). Но такой подход позднее отвергнут законодателем. Данный Федеральный закон утратил силу в связи с принятием Федерального закона от 24 июля 2007 года N 221-ФЗ "О государственном

кадастре недвижимости", а ныне - "О кадастровой деятельности", где определение земельного участка отсутствует.

Конституционный Суд Российской Федерации отмечал, что пункт 3 статьи 6 Земельного кодекса Российской Федерации во взаимосвязи с положениями Федерального закона от 13 июля 2015 года N 218-ФЗ "О государственной регистрации недвижимости" направлен на идентификацию земельного участка как объекта гражданских и земельных отношений с учетом сведений, содержащихся в Едином государственном реестре недвижимости и в землеустроительных документах (определения от 30 сентября 2019 года N 2439-О и от 30 мая 2023 года N 1244-О). Федеральные законы "О государственной регистрации недвижимости" и "О кадастровой деятельности" включают нормы, позволяющие определить границы участка и осуществить его кадастровый учет. Предписания же Земельного кодекса Российской Федерации обеспечивают формирование и идентификацию земельных участков как объектов правоотношений с учетом особенностей данного вида имущества, прежде всего его природной и правовой связи с иными объектами недвижимости, закрепляя, кроме прочего, право на приобретение участков, относящихся к публичной собственности, для физических и юридических лиц - собственников зданий и сооружений на таких участках (Определение от 28 сентября 2023 года N 2349-О).

2.2. В силу Конституции Российской Федерации условия и порядок пользования землей определяются на основе федерального закона (статья 36, часть 3). Действуя в рамках дискреционных полномочий, законодатель установил в Земельном кодексе Российской Федерации принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов (подпункт 5 пункта 1 статьи 1) и формы его реализации, включая исключительное право на приобретение участков в собственность или в аренду гражданами и юридическими лицами, являющимися собственниками зданий и сооружений, расположенных на таких участках (статья 39.20). Исходя из содержания данного права именно его носители делают, по общему правилу, самостоятельный выбор между правом собственности и правом аренды, который оформляется в виде их волеизъявления и связанного с ним договора, являющегося согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации одним из главенствующих оснований для возникновения гражданских прав и обязанностей, в том числе в случае смены собственника (подпункт 1 пункта 1 статьи 8 и пункт 2 статьи 218) (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2023 года N 862-О). Развивая указанный принцип, Земельный кодекс Российской Федерации предусматривает для собственников зданий и сооружений право на приобретение, в том числе при их приватизации, земельных участков, на которых они расположены, осуществляемое без проведения торгов (подпункт 6 пункта 2 статьи 39.3), а равно порядок пользования чужим участком лицами, которые приобрели в собственность здания или сооружения (пункт 1 статьи 35). Анализируя данный подход законодателя, Конституционный Суд Российской Федерации отмечал, что статья 39.20 Земельного кодекса Российской Федерации направлена на обеспечение реализации принципа единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов, на защиту прав и законных интересов собственников зданий и сооружений (определения от 30 июня 2020 года N 1520-О и от 28 декабря 2021 года N 2792-О). Указанному принципу корреспондирует и гражданско-правовое регулирование отношений собственности на недвижимое имущество, что следует, в частности, из статей 271 - 273 и 287.1 ГК Российской Федерации. Это отвечает принципу правовой определенности, без чего невозможна стабильность правоотношений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, а также служит поддержанию баланса интересов публичных собственников земельных участков и частных собственников зданий и сооружений, на них расположенных.

3. Принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов в контексте статьи 39.20 Земельного кодекса Российской Федерации

предполагает, что предоставление находящихся в публичной собственности участков собственникам расположенных на них зданий и сооружений и определение границ и площади участка должны производиться исходя из необходимости обеспечить функциональное использование расположенного на данном участке здания или сооружения (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2020 года N 935-О и от 27 января 2022 года N 75-О). Тем самым указанный принцип в системной связи с оспариваемыми в настоящем деле нормами по общему правилу подразумевает, что собственник здания или сооружения может получить на праве собственности или аренды земельный участок, если он приобрел или возвел этот объект на законном основании, независимо от того, как части этого объекта соотносятся по своему расположению с уровнем земной поверхности.

Используемый в пункте 1 статьи 39.20 Земельного кодекса Российской Федерации термин "здания и сооружения, расположенные на земельных участках" с учетом пункта 3 статьи 6 данного Кодекса не означает, что объект капитального строительства должен обязательно быть расположен на поверхности земельного участка (иметь исключительно наземную часть или наземную часть, превалирующую над подземной), но подразумевает, что здание или сооружение должны находиться на соответствующем участке (в его границах в случае образования участка в целях реализации принципа единства его судьбы и прочно связанных с ним объектов). Кроме того, пункт 15 статьи 39.20 данного Кодекса прямо указывает, что она применяется к собственникам машино-мест, нежилых помещений, расположенных в гаражных комплексах. Согласно статье 4 Федерального закона от 24 июля 2023 года N 338-ФЗ "О гаражных объединениях и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" под гаражным комплексом понимается здание или сооружение (в том числе подземные либо имеющие и наземные, и подземные этажи), которые предназначены для размещения транспортных средств и в которых расположены машино-места.

Понятие же сооружения применительно к рассматриваемому вопросу уточняется, в частности, в пункте 23 части 2 статьи 2 Федерального закона от 30 декабря 2009 года N 384-ФЗ "Технический регламент о безопасности зданий и сооружений". Технические параметры сооружения не предполагают его исключительно или преимущественно наземного размещения: как гласит эта норма, сооружение есть результат строительства, представляющий собой объемную, плоскостную или линейную строительную систему, имеющую наземную, надземную и (или) подземную части, состоящую из несущих, а в отдельных случаях и ограждающих строительных конструкций и предназначенную для производственных процессов разного вида, хранения продукции, временного пребывания людей, перемещения людей и грузов. Данные характеристики в полной мере могут быть распространены и на гаражи (гаражные комплексы).

3.1. По смыслу части 6 статьи 35 Градостроительного кодекса Российской Федерации подземные и многоэтажные гаражи относятся - в зависимости от конструктивных особенностей и характеристик - к таким объектам капитального строительства, как здания и сооружения, являющиеся одновременно объектами недвижимого имущества, а значит, на эти гаражи в полном объеме распространяется специальное регулирование, посвященное обороту и правовому режиму таких объектов, включая нормы Земельного кодекса Российской Федерации, закрепляющие в качестве одного из принципов земельного законодательства принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов и развивающие данный принцип в пункте 1 его статьи 39.20.

Действующее законодательство, используя в единичных случаях понятие "подземный гараж", не раскрывает его содержания, акцентируя внимание на общем термине "гараж". Согласно частям 2 и 3 статьи 2 Федерального закона "О гаражных объединениях и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" под гаражом понимается нежилое здание, предназначенное исключительно для

хранения транспортных средств; гаражи, расположенные в границах территории гаражного назначения, могут быть блокированы общими стенами с другими гаражами в одном ряду, иметь общие с ними крышу, фундамент и коммуникации либо быть отдельно стоящими объектами капитального строительства. В силу пункта 3.1.4 СП 113.13330.2023 "СНиП 21-02-99* Стоянки автомобилей" гаражом является сооружение или помещение для стоянки (хранения), ремонта и технического обслуживания автомобилей, мотоциклов и других транспортных средств; гараж может быть как частью здания (встроенно-пристроенные гаражи), так и отдельным строением. Исходя из технических особенностей сооружений отдельные виды гаражей (гаражных комплексов) могут быть расположены своими частями как над, так и под поверхностью земли.

Подземные гаражи (как и иные подземные объекты недвижимости) создаются с тем, чтобы обеспечить сбалансированность потребностей жителей населенных пунктов, прежде всего крупных городов, в местах хранения автомобилей, не нарушая при этом благоприятные условия для проживания граждан, их отдыха, сохранения и развития дорожно-уличной инфраструктуры. Особенность земельных участков с подземными гаражами и другими подземными сооружениями заключается в том, что крыши данных сооружений могут служить автостоянкой, дорогой, пешеходной зоной, местом для размещения садово-парковых насаждений, детских и спортивных площадок, иных публично значимых объектов, обычно не имеющих признаков недвижимого имущества и не связанных с функциональным назначением подземного сооружения. Как и наземные здания и сооружения, земельные участки под которыми можно использовать лишь в соответствии с основным и вспомогательным видом разрешенного использования, частично или полностью подземные сооружения не предполагают использования расположенных под ними земельных участков в иных целях, но на их крыше или на грунте над ней образуется пространство, которое, будучи технически частью подземного сооружения, внешне может ассоциироваться с участком земной поверхности и использоваться в целях, расходящихся с функциональным предназначением подземных сооружений, в том числе гаражей. Однако такие искусственно созданные крыши-площадки, будучи строительными конструкциями, хотя и не могут приравниваться к природным земельным участкам и иметь тот же правовой режим, не могут рассматриваться как земельный участок, занимаемый гаражом.

4. По своему буквальному смыслу пункт 3 статьи 6 Земельного кодекса Российской Федерации применительно к пункту 1 его статьи 39.20 в системе действующего правового регулирования предполагает, что земельным участком, на который может претендовать собственник частично или полностью подземного гаража, следует считать земную поверхность, чьи границы определяются по нормам данного Кодекса и иных нормативных актов, независимо от того, используется ли расположенное на крыше гаража пространство для иных целей, не связанных с хранением автотранспорта.

Указание в пункте 1 статьи 39.20 Земельного кодекса Российской Федерации на то, что исключительное право на приобретение земельных участков в собственность или в аренду имеют граждане и юридические лица, являющиеся собственниками зданий и сооружений, расположенных на таких участках, если иное не установлено этой статьей или другим федеральным законом, опирается, как уже отмечалось, на принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов - за исключением случаев, предусмотренных законом. К числу подобных исключений очевидно относятся случаи, когда объектом недвижимости выступает участок недр с полезными ископаемыми или подземные сооружения, созданные для их добычи, линии метрополитена, а также линейные объекты (газопроводы, водопроводы и т.п.).

Конституция Российской Федерации, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, не гарантирует безусловного права на приобретение права собственности или аренды в отношении конкретных объектов (Определение от 28 января 2021 года N 138-О). Определение законодателем круга объектов, не подлежащих

приватизации, нельзя считать ограничением прав и свобод в том случае, если обстоятельства, обуславливающие особенности правового режима этих объектов, прежде всего их целевое назначение, исключают возможность их передачи в частную собственность (Постановление от 3 ноября 1998 года N 25-П). Право приватизации государственных и муниципальных земельных участков регламентируется с учетом особенностей объекта приватизации (определения от 25 февраля 2010 года N 198-О-О и от 24 декабря 2013 года N 2106-О). Законодатель, предоставив исключительное право на приобретение земельных участков в собственность или в аренду собственникам зданий и сооружений, на них расположенных, руководствовался конституционно значимыми целями, включая как реализацию принципа единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов с учетом особенностей этих объектов, так и защиту прав и законных интересов собственников зданий и сооружений (определения от 28 марта 2017 года N 622-О, от 27 сентября 2018 года N 2346-О и от 28 января 2021 года N 138-О).

Как видно из приведенных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, исключительное право на приобретение земельных участков не является абсолютным. В частности, оно ограничено той же статьей 39.20 Земельного кодекса Российской Федерации: ее пункт 1.1 гласит, что земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, не предоставляются в собственность или в аренду собственникам и иным правообладателям сооружений, которые могут размещаться на таких участках на основании сервитута, публичного сервитута или в соответствии со статьей 39.36 данного Кодекса. Следует отметить, что на практике пункт 1 его статьи 39.20 не применяется не только к подземным объектам, но и к объектам незавершенного строительства и разрушенным объектам (постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2008 года N 8985/08, определения Верховного Суда Российской Федерации от 8 сентября 2015 года N 303-КГ15-10994 и от 20 июня 2016 года N 305-КГ16-6296).

4.1. Применение пункта 1 статьи 39.20 Земельного кодекса Российской Федерации в целях реализации принципа единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов предполагает прежде всего установление взаимосвязи между необходимостью образования самостоятельного участка и использованием расположенных там зданий и сооружений в соответствии с разрешенным использованием (назначением), а также с соблюдением требований к безопасному их использованию, что в силу части 1 статьи 36 Федерального закона "Технический регламент о безопасности зданий и сооружений" должно обеспечиваться путем технического обслуживания, периодических осмотров, контрольных проверок, мониторинга состояния основания, строительных конструкций и систем инженерно-технического обеспечения, а равно посредством текущих ремонтов здания или сооружения.

Использование земельного участка для гаража, включая подземный, предусмотрено классификатором видов разрешенного использования земельных участков (утвержден приказом Росреестра от 10 ноября 2020 года N П/0412), согласно которому под видом разрешенного использования "хранение автотранспорта" (код 2.7.1) понимается размещение отдельно стоящих и пристроенных гаражей, в том числе подземных, предназначенных для хранения автотранспорта, в том числе с разделением на машино-места, а под видом разрешенного использования "размещение гаражей для собственных нужд" (код 2.7.2) - размещение для собственных нужд отдельно стоящих гаражей и (или) гаражей, блокированных общими стенами с другими гаражами в одном ряду, имеющих общие с ними крышу, фундамент и коммуникации. Классификатором допускается размещение гаражей, включая подземные, на земельных участках, относящихся не только к такому виду, как "хранение автотранспорта", но и к видам разрешенного использования земельных участков "среднеэтажная жилая застройка", "многоэтажная жилая застройка", "обслуживание жилой застройки".

Имея это в виду, можно сделать вывод, что нормы, оспариваемые в настоящем деле, по их буквальному смыслу не исключают передачу земельных участков, где расположены частично или полностью подземные гаражи, в собственность или в аренду собственникам последних, поскольку это не противоречит основным началам гражданского и земельного законодательства, в том числе принципу учета разрешенного использования (целевого назначения) земельных участков (подпункт 8 пункта 1 статьи 1 Земельного кодекса Российской Федерации). В то же время если допустимо использование крыши гаража, имеющей двойное назначение, в иных - обыкновенно публичных - целях, которые расходятся с функциональным предназначением гаража, то передача участка в собственность или в аренду может получить другую оценку. Когда расположение подземных гаражей (гаражных комплексов), конструктивные особенности конкретного гаража предполагают, что их эксплуатация не препятствует размещению на их крыше иного объекта (например, спортивной или детской площадки) либо общественного пространства (садово-парковых насаждений) в районе жилой застройки, тогда отказ в передаче участка и сохранение права публичной - государственной или муниципальной - собственности на участок будет в большей степени способствовать балансу частных и общих интересов. Во всяком случае вопрос о предоставлении участка должен разрешаться с учетом разумной дифференциации, опирающейся на сбалансированное сочетание интересов собственников гаражей и расположенного над ними пространства, а также принимая во внимание публичные нужды.

Однако, если земельный участок не передается в собственность или в аренду собственнику гаража, может возникнуть проблема надлежащей эксплуатации гаража, для которой может быть необходима вся поверхность участка над ним. Кроме того, если расположенная над поверхностью земли часть гаража в силу конструктивных особенностей и материала кровли исключает использование участка (фактически - крыши гаража) в общественных целях, то нет разумных оснований для отказа в применении оспариваемых норм в системной связи с принципом единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов и, следовательно, для отказа в передаче участка собственнику гаража на праве собственности или на праве аренды. Это не препятствует законодательному ограничению прав будущего собственника в отношении его полномочий по владению, пользованию и распоряжению пространством, расположенным на крыше гаража (гаражного комплекса).

4.2. В связи с отмеченной пробельностью в регулировании земельных отношений в части прав собственников частично или полностью подземных гаражей (о чем свидетельствуют и судебные акты по делу И.А. Ермака) нормы статьи 39.20 Земельного кодекса Российской Федерации понимаются правоприменителями как не предусматривающие предоставления земельного участка, где расположен гараж, в собственность или в аренду собственнику гаража ни при каких условиях, поскольку гараж расположен не на участке, а в недрах земли. При этом правоприменителями не рассматриваются вопросы о возможности и необходимости использования участка для надлежащей эксплуатации гаражей и в иных целях. Такое понимание действующего регулирования ведет к неоправданному ограничению прав и законных интересов частных лиц, которым дополнительно затрудняется контроль за состоянием гаража, его ремонт и дальнейшая эксплуатация в надлежащем состоянии, тем более что предоставление участка в собственность или в аренду само по себе не исключает право государственных органов и органов местного самоуправления осуществлять государственный надзор и муниципальный контроль за использованием участка согласно закону.

Хотя вопрос о предоставлении земельного участка в собственность или в аренду собственникам подземных гаражей зачастую решается отрицательно и без учета их интересов, в судебной практике встречается и иной подход. Так, в постановлении Арбитражного суда Дальневосточного округа от 15 февраля 2022 года N Ф03-179/2022 отмечено, что в соответствии с пунктом 1 статьи 130 ГК Российской

Федерации объекты, которые связаны с землей так, что их перемещение без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, являются объектами недвижимости, в отношении которых осуществляется государственный кадастровый учет и права на которые подлежат государственной регистрации. Поскольку право собственности на подземное сооружение зарегистрировано в установленном порядке и сооружение было предметом договора купли-продажи, постольку оно обладает признаками объекта недвижимости, расположенного на земельном участке, подпадает под определение "принадлежащие лицам на вещном праве здания и сооружения, расположенные на земельных участках" (статья 39.20 Земельного кодекса Российской Федерации) и, как указано в постановлении, не имеет существенного значения место его расположения относительно земной поверхности.

5. Из всего сказанного следует, что в рассматриваемом вопросе ясность законодательного регулирования отсутствует. В данном случае необходимая степень определенности такого регулирования не может быть достигнута путем судебного его толкования с выявлением более сложных взаимосвязей правовых предписаний. Судебная практика демонстрирует отсутствие единообразного подхода к применению оспариваемых в настоящем деле норм: в одних случаях суды исходят из ограничительного их понимания; в других же случаях суды принимают противоположные решения, полагая, что эти нормы не содержат абсолютного запрета на предоставление земельного участка в собственность или в аренду лицам, являющимся собственниками расположенных на таких участках подземных гаражей.

В силу правовой позиции, неоднократно высказанной Конституционным Судом Российской Федерации, неоднозначность нормативного регулирования неминуемо препятствует адекватному уяснению его содержания и предназначения, допускает неограниченное усмотрение публичной власти в процессе правоприменения, создает предпосылки для административного произвола и избирательного правосудия, чем ослабляет гарантии защиты конституционных прав и свобод. Поэтому самого по себе нарушения требований определенности правовой нормы вполне может быть достаточно для признания ее не соответствующей Конституции Российской Федерации (постановления от 20 декабря 2011 года N 29-П, от 2 июня 2015 года N 12-П, от 19 июля 2017 года N 22-П и др.). Если взаимоисключающие варианты толкования одной и той же нормы (продиктованные, помимо прочего, различиями в ее понимании при сопоставлении с другими нормами) оказываются не лишенными разумного обоснования, укладываемого в конституционные рамки законодательного усмотрения, а единая судебная практика применения нормы не сформирована, уяснить ее подлинное содержание даже с помощью обращения к конституционным целям и принципам удастся не всегда. В подобной ситуации наиболее корректным, если не единственно возможным способом выявления реального содержания и значения нормативного регулирования является - во исполнение принципа разделения властей (статья 10 Конституции Российской Федерации) - законодательное уточнение нормативных положений, неясность которых, не преодоливая средствами юридического толкования, создает серьезные препятствия для полноценного обеспечения равенства перед законом и судом в процессе их применения (Постановление от 30 марта 2018 года N 14-П).

Тем самым пункт 3 статьи 6 и пункт 1 статьи 39.20 Земельного кодекса Российской Федерации не соответствуют Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (часть 1), 35 (части 1 - 3), 36 и 55 (часть 3), в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования и в их судебном истолковании создают неопределенность в вопросе об исключительном праве собственников частично или полностью подземных гаражей (гаражных комплексов), которые отвечают признакам объекта недвижимого имущества и зарегистрированы в установленном порядке, на приобретение земельных участков в собственность или в аренду.

Федеральному законодателю надлежит - исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом выраженных в настоящем

Постановлении правовых позиций - принять меры к устранению выявленной неопределенности правового регулирования.

Впредь до внесения в правовое регулирование изменений, вытекающих из настоящего Постановления, признание названных норм не соответствующими Конституции Российской Федерации не препятствует собственникам частично или полностью подземных гаражей (гаражных комплексов), которые отвечают признакам объекта недвижимого имущества и зарегистрированы в установленном порядке, требовать заключения договора аренды на земельный участок, если основным или условно разрешенным, а также вспомогательным видом разрешенного его использования является хранение автотранспорта. При этом вопрос о предоставлении земельных участков в аренду лицам, являющимся собственниками частично или полностью подземных гаражей (гаражных комплексов), должен решаться с учетом разумной дифференциации, с опорой на баланс интересов частных собственников и публичных интересов, принимая во внимание возможность использования расположенного над гаражами пространства. Если же основание для предоставления земельного участка в аренду собственнику частично или полностью подземного гаража (гаражного комплекса) отсутствует, то до внесения в правовое регулирование изменений, вытекающих из настоящего Постановления, предоставление участка иным лицам не допускается.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 47.1, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать пункт 3 статьи 6 и пункт 1 статьи 39.20 Земельного кодекса Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (часть 1), 35 (части 1 - 3), 36 и 55 (часть 3), в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования и в их судебном истолковании они создают неопределенность в вопросе о предоставлении земельного участка в собственность или в аренду лицам, являющимся собственниками частично или полностью подземных гаражей (гаражных комплексов), которые расположены в границах таких участков, отвечают признакам объекта недвижимого имущества и зарегистрированы в установленном порядке.

2. Федеральному законодателю надлежит - исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом выраженных в настоящем Постановлении правовых позиций - принять меры к устранению выявленной неопределенности правового регулирования.

Впредь до внесения в правовое регулирование изменений, вытекающих из настоящего Постановления, признание пункта 3 статьи 6 и пункта 1 статьи 39.20 Земельного кодекса Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации не препятствует собственникам частично или полностью подземных гаражей (гаражных комплексов), которые отвечают признакам объекта недвижимого имущества и зарегистрированы в установленном порядке, требовать заключения договора аренды на земельный участок, если основным или условно разрешенным, а также вспомогательным видом разрешенного его использования является хранение автотранспорта. При этом вопрос о предоставлении земельных участков в аренду лицам, являющимся собственниками частично или полностью подземных гаражей (гаражных комплексов), должен решаться с учетом разумной дифференциации, с опорой на баланс интересов частных собственников и публичных интересов, принимая во внимание возможность использования расположенного над гаражами пространства. Если же основание для предоставления земельного участка в аренду собственнику частично или полностью подземного гаража (гаражного комплекса) отсутствует, то до внесения в правовое регулирование изменений, вытекающих из настоящего Постановления, предоставление участка иным лицам не допускается.

3. Правоприменительные решения по делу с участием гражданина Ермака Игоря Александровича, принятые на основании пункта 3 статьи 6 и пункта 1 статьи 39.20 Земельного кодекса Российской Федерации, подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в "Российской газете", "Собрании законодательства Российской Федерации" и на "Официальном интернет-портале правовой информации" (www.pravo.gov.ru).

В ряде случаев Конституционный суд увязывал правовую определенность с требованием сохранять доверие к закону. Аналогичное требование было прямо закреплено в Конституции 2020 года, где в статье 75.1 указано, что в Российской Федерации должны быть созданы условия для взаимного доверия между государством и гражданами.

Например, в постановлении от 14 января 2016 года № 1-Ил нормы закона о пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную или аналогичную службу, были признаны неконституционными, поскольку являлись основанием для безусловного прекращения выплаты гражданину пенсии за выслугу лет, которая была неправомерно назначена ему в результате неправильного исчисления необходимого стажа службы, даже если гражданин действовал добросовестно. Вместе с тем, Конституционный суд указал, что в сфере пенсионного обеспечения предполагается установление такого регулирования, которое должно соответствовать принципам правовой определенности и поддержания доверия граждан к закону и к действиям государства. Это должно гарантировать гражданам, что решения о назначении пенсий принимаются уполномоченными государством органами на основе неукоснительного применения норм законодательства, а также после тщательной и ответственной оценки фактических обстоятельств, которые закон считает основаниями для возникновения пенсионных прав. Соответствующие гарантии также должны включать в себя правильность составления соответствующих документов, подтверждающих наличие условий, необходимых для назначения пенсии и определения ее размера. При этом необходимо обеспечить, чтобы гражданин, являющийся участником соответствующих правовых отношений, был уверен в стабильности своего официально признанного статуса, а права, приобретенные в силу этого статуса, уважались и обеспечивались государством.

В данном случае правовая определенность также была тесно связана со стабильностью (или устойчивостью) правового статуса гражданина.

Постановление Конституционного Суда РФ от 14.01.2016 № 1-П "По делу о проверке конституционности части первой статьи 13 Закона Российской Федерации "О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за

оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей" в связи с жалобой гражданина С.В. Иванова"

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, Г.А. Жилина, М.И. Клеандрова, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева, руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47.1, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации",

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности части первой статьи 13 Закона Российской Федерации "О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей".

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина С.В. Иванова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика О.С. Хохряковой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. Согласно части первой статьи 13 Закона Российской Федерации от 12 февраля 1993 года N 4468-1 "О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей" право на пенсию за выслугу лет имеют: лица, указанные в статье 1 данного Закона, имеющие на день увольнения со службы выслугу на военной службе, и (или) на службе в органах внутренних дел, и (или) на службе в Государственной противопожарной службе, и (или) на службе в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, и (или) на службе в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы 20 лет и более; лица, указанные в статье 1 данного Закона, уволенные со службы по достижении предельного возраста пребывания на службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями и достигшие на день увольнения 45-летнего возраста, имеющие общий трудовой стаж 25 календарных лет и более, из которых не менее 12 лет шести месяцев составляет военная служба, и (или) служба в органах внутренних дел, и (или) служба в Государственной противопожарной службе, и (или) служба в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, и (или) служба в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы.

1.1. Заявитель по настоящему делу гражданин С.В. Иванов с 20 июля 1978 года по 5 июля 1994 года проходил военную службу, а с 10 августа 1994 года по 20 декабря 1996 года - службу в органах внутренних дел, с которой был уволен приказом от 23 декабря 1996 года по основанию, предусмотренному пунктом "в" статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации (утверждено Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 23 декабря 1992 года N 4202-1), - выслуге срока службы, дающего право на пенсию. Согласно материалам о назначении С.В. Иванову с 24 декабря 1996 года пенсии за выслугу лет бессрочно, а также расчету, произведенному кадровым подразделением по последнему месту его службы и объявленному ему при оформлении

увольнения, выслуга с учетом периода военной службы составила в льготном исчислении 20 лет 7 месяцев и 29 дней (в календарном - 19 лет 3 месяца и 27 дней).

В 2012 году в ходе проверки, проведенной пенсионным органом по заявлению С.В. Иванова, полагавшего, что размер выплачиваемой ему пенсии определен неправильно и подлежит увеличению, была выявлена ошибка, допущенная сотрудником кадрового подразделения при составлении расчета выслуги лет для назначения пенсии (время пребывания заявителя в распоряжении командования для последующего убытия в Республику Афганистан было учтено как составлявшее вместо 24 дней 1 год и 24 дня). В результате ее исправления выслуга на дату увольнения С.В. Иванова со службы в органах внутренних дел составила в льготном исчислении 19 лет 8 месяцев (в календарном - 18 лет 3 месяца 28 дней), т.е. на 4 месяца меньше 20 лет, необходимых для возникновения права на пенсию, в связи с чем с 1 октября 2012 года выплата ему пенсии за выслугу лет, размер которой на указанную дату составлял 11 690 рублей 50 копеек, была прекращена.

Центральный районный суд города Красноярск, куда С.В. Иванов обратился с иском о признании незаконным решения пенсионного органа о прекращении выплаты ему пенсии за выслугу лет и о ее возобновлении, решением от 31 января 2013 года в удовлетворении заявленных требований отказал, сославшись на статью 13 Закона Российской Федерации "О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей" и позицию Верховного Суда Российской Федерации, приведенную в Обзоре законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2004 года, в соответствии с которой данная статья связывает право на пенсию за выслугу лет лиц, проходивших военную службу и (или) службу в органах внутренних дел, в других органах, указанных в данном Законе, с рядом условий, в частности со службой определенной продолжительности; если же условия, определяющие право на пенсию за выслугу лет, отсутствуют, то она назначена быть не может, а выплата назначенной пенсии подлежит прекращению.

Решение суда первой инстанции оставлено без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций (апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Красноярского краевого суда от 22 мая 2013 года, определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 августа 2014 года). Определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 24 ноября 2014 года С.В. Иванову отказано в передаче надзорной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Президиума Верховного Суда Российской Федерации.

В настоящее время С.В. Иванов получает страховую пенсию по инвалидности в размере 5 329 рублей 27 копеек, назначенную ему на период с 23 апреля 2015 года по 30 апреля 2016 года на основании части 1 статьи 9 Федерального закона от 28 декабря 2013 года N 400-ФЗ "О страховых пенсиях" как инвалиду III группы на основании справки МСЭ-2014 от 21 мая 2015 года (инвалидность впервые была установлена в 2010 году). Размер данной пенсии исчислен в том числе с учетом трудового стажа, имевшегося у С.В. Иванова на 1 января 2002 года, в который были включены периоды прохождения им военной службы и службы в органах внутренних дел.

1.2. Как следует из статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации, проверяя по жалобе гражданина конституционность законоположений, примененных в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде, и затрагивающих конституционные права и свободы, на нарушение которых ссылается заявитель, принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл проверяемых законоположений, так и смысл, придаваемый им

официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм.

Нарушение своих прав, гарантированных статьями 7, 19 (часть 1), 35 (часть 3) и 39 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации, примененным судами в его деле законоположением граждан С.В. Иванов усматривает в том, что оно допускает возможность прекращения выплаты лицу, уволенному со службы в органах внутренних дел, пенсии за выслугу лет непосредственно органом, ранее назначившим данную пенсию, но впоследствии выявившим отсутствие оснований для ее назначения, вне зависимости от каких-либо виновных действий пенсионера и времени, прошедшего с момента начала выплаты пенсии.

Соответственно, часть первая статьи 13 Закона Российской Федерации "О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей" является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на ее основании решается вопрос о прекращении выплаты пенсии за выслугу лет лицу, уволенному со службы в органах внутренних дел по выслуге лет, дающей право на получение пенсии, в случае, если после устранения пенсионным органом допущенной при ее назначении ошибки в подсчете стажа службы (выслуги лет) данного лица будет установлено, что его продолжительность не достигает необходимой для возникновения указанного права.

2. Конституция Российской Федерации, гарантируя каждому в соответствии с целями социального государства (статья 7, часть 1) социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом (статья 39, часть 1), относит определение условий и порядка реализации данного конституционного права к компетенции законодателя (статья 39, часть 2).

Важнейшим элементом социального обеспечения является пенсионное обеспечение, основное содержание которого заключается в предоставлении человеку средств к существованию, удовлетворении его основных жизненных потребностей. Соответственно, поскольку пенсия имеет особое значение для поддержания материальной обеспеченности пенсионеров, стабильность их правового положения, сохранение за ними признанных государством в установленной законом процедуре пенсионных прав должны гарантироваться на законодательном уровне в рамках реализации предписаний Конституции Российской Федерации о целях политики российского государства, направленной в том числе на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, заботу о социальной защищенности своих граждан (статья 7), охрану достоинства личности (статья 21, часть 1).

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, Конституция Российской Федерации обязывает государство охранять достоинство личности как необходимую предпосылку и основу всех других неотчуждаемых прав и свобод человека, условие их признания и соблюдения; ничто не может быть основанием для умаления достоинства личности (постановления от 3 мая 1995 года N 4-П, от 15 января 1999 года N 1-П, от 25 апреля 2001 года N 6-П, от 20 апреля 2006 года N 4-П и от 23 сентября 2014 года N 24-П; определения от 15 февраля 2005 года N 17-О, от 1 марта 2010 года N 323-О-О и др.). Тем самым предполагается установление такого правового регулирования в сфере пенсионного обеспечения, которое в соответствии в том числе с вытекающими из взаимосвязанных положений статей 1 (часть 1), 2, 17 (часть 1), 18, 19 (часть 1) и 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации принципами правовой определенности и поддержания доверия граждан к закону и действиям государства гарантировало бы гражданам, что решения о назначении пенсии принимаются

уполномоченными государством органами на основе строгого исполнения законодательных предписаний, а также внимательного и ответственного подхода к оценке фактических обстоятельств, с которыми закон связывает возникновение права на пенсию, тщательности при оформлении соответствующих документов, подтверждающих наличие условий, необходимых для назначения пенсии и определения ее размера, с тем чтобы гражданин как участник соответствующих правоотношений мог быть уверен в стабильности своего официально признанного статуса и в том, что приобретенные в силу этого статуса права будут уважаться государством и будут реализованы.

3. Обладая достаточно широкой свободой усмотрения при осуществлении полномочий по определению в законе видов и правовых оснований назначения пенсий, их размеров, порядка установления, исчисления и выплаты, федеральный законодатель вправе вводить как общие правила пенсионного обеспечения, так и его особенности применительно к отдельным категориям граждан, имея при этом в виду, что Конституция Российской Федерации обязывает государство гарантировать каждому право на социальное, в том числе пенсионное, обеспечение при наступлении не только случаев (социальных рисков), названных в ее статье 39, но и других социальных рисков, признанных самим законодателем в качестве основания для его предоставления (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 июля 2007 года N 9-П).

3.1. Исходя из социальной ценности в правовом государстве трудовой и иной общественно полезной деятельности, осуществляемой в различных организационных формах, федеральный законодатель отнес к основаниям пенсионного обеспечения прохождение военной и (или) приравненной к ней службы установленной законом продолжительности и, учитывая особую значимость военной службы и службы в органах внутренних дел, непосредственно связанной с обеспечением обороны страны и безопасности государства, общественного порядка, законности, прав и свобод граждан и осуществляемой в публичных интересах, предусмотрел специальные правила пенсионного обеспечения соответствующих категорий государственных служащих, включая виды пенсий, их размеры, условия назначения и выплаты.

Эти правила определяются Федеральным законом от 15 декабря 2001 года N 166-ФЗ "О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации" и Законом Российской Федерации "О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей", которыми закреплено право сотрудников органов внутренних дел на два вида пенсии: пенсию по инвалидности, если они стали инвалидами вследствие военной травмы либо заболевания, полученного в период службы, а также пенсию за выслугу лет, назначаемую, по общему правилу, независимо от возраста при наличии установленного законом стажа службы (выслуги лет).

В системе действующего правового регулирования пенсионного обеспечения пенсия за выслугу лет для указанной категории граждан представляет собой, как следует из статьи 2 Федерального закона "О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации", ежемесячную государственную денежную выплату, предоставляемую в целях компенсации гражданам заработка (дохода), утраченного в связи с прекращением ими службы, при наличии установленной законом выслуги. Посредством установления и выплаты пенсии за выслугу лет реализуется государственная гарантия материального обеспечения граждан, проходивших службу в органах внутренних дел, направленная на поддержание как их особого социального статуса, так и соответствующего уровня материального достатка при оставлении службы (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 марта 2004 года N 6-П).

3.2. В соответствии с частью первой статьи 13 Закона Российской Федерации "О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей" основным условием приобретения сотрудником органов внутренних дел права на пенсию за выслугу лет является наличие у него на день увольнения выслуги 20 лет и более (пункт "а"), а при определенных обстоятельствах (особые основания увольнения, продолжительный общий стаж) - и меньшей продолжительности, но не менее 12 лет шести месяцев (пункт "б").

По своему характеру стаж службы (выслуга лет) в органах внутренних дел - это специальный стаж, приобретаемый именно в процессе службы. В качестве особого юридически значимого обстоятельства он подлежит учету в правоотношениях различной отраслевой принадлежности - как в отношениях по прохождению службы, так и в отношениях по социальному обеспечению уволенных со службы сотрудников. В частности, стаж службы продолжительностью 20 лет и более не только выступает условием, определяющим право на пенсию за выслугу лет лица, проходившего службу в органах внутренних дел, но и признается в качестве самостоятельного основания расторжения контракта и увольнения этого лица со службы (пункт 4 части 2 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ "О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации", пункт "в" статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации). Соответственно, наличие стажа службы, дающего право на получение пенсии за выслугу лет, освобождает сотрудника от необходимости продолжения службы.

Избрание в качестве основного (а в ряде случаев - единственного) требования для приобретения сотрудником органов внутренних дел права на пенсию за выслугу лет такого критерия, как служба определенной продолжительности, обусловлено как характером государственной службы, так и финансированием пенсий за выслугу лет за счет средств федерального бюджета. Такой подход является традиционным для государственного пенсионного обеспечения государственных служащих, а установленная законом продолжительность службы, необходимая для назначения сотруднику органов внутренних дел пенсии за выслугу лет, остается неизменной на протяжении длительного времени. При этом для тех сотрудников органов внутренних дел, чей стаж службы на день увольнения не достиг требуемой продолжительности (т.е. в случае оставления службы до приобретения права на пенсию по государственному пенсионному обеспечению), предусмотрен особый порядок сохранения пенсионных прав: пенсии им назначаются на условиях и по нормам, установленным Федеральным законом от 28 декабря 2013 года N 400-ФЗ "О страховых пенсиях" (до 1 января 2015 года - Федеральным законом от 17 декабря 2001 года N 173-ФЗ "О трудовых пенсиях в Российской Федерации"), периоды же прохождения военной службы, службы в органах внутренних дел и иной правоохранительной службы подлежат включению в страховой стаж, дающий право на страховую пенсию, при условии что им предшествовали или за ними следовали периоды работы.

Таким образом, часть первая статьи 13 Закона Российской Федерации "О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей", закрепляющая в качестве условия назначения сотрудникам органов внутренних дел пенсии за выслугу лет наличие установленного законом стажа службы (выслуги лет), является необходимым элементом правового механизма реализации их права на пенсионное обеспечение с учетом характера и продолжительности осуществления профессиональной деятельности и сама по себе не может рассматриваться как нарушающая конституционные права граждан.

4. Как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, гражданин не может реализовать свое субъективное право на пенсионное обеспечение без принятия уполномоченным органом решения о предоставлении ему пенсии определенного вида и размера, и в силу такого решения у органа, осуществляющего пенсионное обеспечение, непосредственно перед этим гражданином, как участником (субъектом) данного вида правоотношений, возникает обязанность по своевременной и в полном объеме выплате ему пенсии; получение пенсионером причитающихся ему сумм пенсии является результатом совершения ряда последовательных действий, в том числе связанных с установлением его права на получение пенсии конкретного вида и в определенном размере, что и определяет содержание обязанностей органа, осуществляющего пенсионное обеспечение; выплате денежных средств, предоставляемых гражданину в рамках правоотношений по пенсионному обеспечению, предшествует принятие органом, осуществляющим пенсионное обеспечение, соответствующих решений (актов) о назначении и выплате ему пенсии конкретного вида, исчисленной в порядке и размерах, установленных законодательством (Определение от 19 мая 2009 года N 541-О-О и др.).

4.1. Пенсионное обеспечение сотрудников органов внутренних дел осуществляется пенсионными органами Министерства внутренних дел Российской Федерации, которые в силу статей 22 и 24 Федерального закона "О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации" на основании представленных им документов, необходимых для назначения пенсии, в том числе пенсии за выслугу лет, оценивают фактические обстоятельства, обуславливающие возникновение у гражданина права на пенсионное обеспечение, соответствие представленных документов установленным законом требованиям, а также вправе проверить обоснованность их выдачи и достоверность содержащихся в них сведений.

В целях назначения сотруднику органов внутренних дел пенсии за выслугу лет стаж его службы (выслуга лет) исчисляется уполномоченными государством органами (кадровыми подразделениями и пенсионными органами по последнему месту службы) в порядке, установленном постановлением Совета Министров - Правительства Российской Федерации от 22 сентября 1993 года N 941 "О порядке исчисления выслуги лет, назначения и выплаты пенсий, компенсаций и пособий лицам, проходившим военную службу в качестве офицеров, прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы или по контракту в качестве солдат, матросов, сержантов и старшин либо службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семьям в Российской Федерации".

Согласно утвержденной приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 3 ноября 1993 года N 480 во исполнение названного постановления Инструкции об организации работы по пенсионному обеспечению в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации, которая действовала в период увольнения со службы заявителя по настоящему делу, оформление документов для назначения пенсии лицам, увольняемым со службы, производилось кадровыми аппаратами воинских частей, подразделений внутренних дел; для этого проверялись данные о прохождении службы, уточнялись и подтверждались периоды, подлежащие зачету на льготных условиях, после чего составлялся расчет выслуги лет, который согласовывался с пенсионными органами МВД, ГУВД, УВД и объявлялся лицу, оформляемому на пенсию; материалы о назначении пенсии представлялись кадровыми аппаратами в пенсионные органы на позднее 10 дней со дня увольнения военнослужащего или сотрудника со службы; выслуга лет в календарном исчислении и отдельно на льготных условиях указывалась в приказе и объявлялась увольняемому со службы; на основании представленных кадровыми аппаратами документов пенсионным органом составлялось заключение о назначении пенсии, которое утверждалось руководителями ФЭУ (ФЭО) МВД, ГУВД, УВД; контроль за правильностью назначения, перерасчета и выплаты пенсий пенсионными органами осуществлялся Контрольно-ревизионным управлением и

Финансово-экономическим управлением МВД России (пункты 2.1, 2.2, 2.4, 2.5, 2.7 и 4.1); правильность произведенного расчета выслуги увольняемого сотрудника проверялась руководителями отдела кадров и пенсионного органа и удостоверялась их подписями (приложение 2). Аналогичные правила предусмотрены и ныне действующим правовым регулированием (Инструкция об организации работы по пенсионному обеспечению в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденная приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 27 мая 2005 года N 418).

Таким образом, именно на основании действий уполномоченных органов, направленных на установление продолжительности стажа службы (выслуги лет), и подготовленных ими документов сотрудник органов внутренних дел получал (и в настоящее время получает) официальное подтверждение наличия или отсутствия у него права на пенсию за выслугу лет. Это официальное подтверждение, в свою очередь, необходимо для принятия решения об увольнении сотрудника органов внутренних дел по такому основанию, как выслуга срока службы, дающего право на пенсию, поскольку его увольнение по данному основанию правомерно лишь в том случае, если полностью соблюдены условия, предусмотренные частью первой статьи 13 Закона Российской Федерации "О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей".

Соответственно, расторжение контракта и увольнение со службы в органах внутренних дел по выслуге лет на основании решений уполномоченных органов порождает у гражданина определенные законные ожидания относительно своевременного назначения пенсии за выслугу лет. В результате принятия пенсионным органом решения о назначении этому гражданину пенсии за выслугу лет он реализует свое субъективное право на пенсионное обеспечение, а у пенсионного органа возникает обязанность по своевременной и в полном объеме выплате ему сумм пенсии на весь срок установления, т.е. применительно к пенсии за выслугу лет - пожизненно.

4.2. Закон Российской Федерации "О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей" не содержит каких-либо предписаний, касающихся прекращения выплаты назначенной пенсии, а также последствий для пенсионера обнаружения ошибки, допущенной при ее назначении и (или) выплате органом, осуществляющим пенсионное обеспечение, за исключением указания на возможность удержания сумм пенсии, излишне выплаченных пенсионеру вследствие злоупотребления с его стороны, и порядка такого удержания (статья 62).

Федеральный закон "О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации" изначально не предусматривал какого-либо регулирования для случаев выявления возможных ошибок, и только Федеральным законом от 21 июля 2014 года N 216-ФЗ его статья 24 была дополнена пунктом 5, согласно которому в случае обнаружения органом, осуществляющим пенсионное обеспечение, ошибки, допущенной при установлении и (или) выплате пенсии, производится устранение данной ошибки в соответствии с законодательством Российской Федерации; установление пенсии в размере, предусмотренном законодательством Российской Федерации, или прекращение выплаты указанной пенсии в связи с отсутствием права на нее производится с 1-го числа месяца, следующего за месяцем, в котором была обнаружена соответствующая ошибка.

Именно на такое правоприменение ориентировал судебную практику Верховный Суд Российской Федерации, исходивший в своих решениях из того, что при отсутствии условий, определяющих право на пенсию за выслугу лет, в частности службы определенной продолжительности, указанная пенсия назначена быть не может, а выплата назначенной пенсии подлежит прекращению (Обзор законодательства и судебной практики Верховного

Суда Российской Федерации за второй квартал 2004 года, утвержденный постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 6 октября 2004 года).

Соответственно, как по смыслу, придаваемому в правоприменительной практике части первой статьи 13 Закона Российской Федерации "О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей", так и по буквальному смыслу пункта 5 статьи 24 Федерального закона "О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации", обнаружение ошибки, допущенной пенсионным органом и выразившейся в назначении пенсии за выслугу лет без достаточных оснований, влечет за собой безусловное прекращение ее выплаты.

Сам по себе такой способ исправления подобных ошибок, как прекращение выплаты ранее назначенной пенсии, не может рассматриваться как несовместимый с требованиями Конституции Российской Федерации, однако в системе действующего правового регулирования он является единственно возможным и применяется независимо от каких бы то ни было обстоятельств, в том числе длительности периода получения пенсии (срока, прошедшего с момента назначения пенсии), отсутствия виновных действий со стороны пенсионера, социальных последствий, наступающих для него в этом случае.

5. Совершение органами, осуществляющими пенсионное обеспечение, при установлении пенсий тех или иных ошибок, в том числе носящих технический характер, - учитывая необходимость оценки значительного числа обстоятельств, с наличием которых закон связывает возникновение права на пенсию, включая проверку представленных документов и проведение математических подсчетов, - полностью исключить невозможно. Определение правовых способов исправления таких ошибок независимо от срока, прошедшего после их совершения, - право и обязанность государства.

Как отметил Европейский Суд по правам человека, в качестве общего принципа органы власти не должны быть лишены права исправления ошибок, особенно вызванных их собственной небрежностью; в противном случае нарушался бы принцип недопустимости неосновательного обогащения; это также было бы несправедливым по отношению к другим участникам системы социального обеспечения, в особенности по отношению к тем, кому было отказано в назначении выплат (пособия) по причине их несоответствия установленным законом требованиям, и, наконец, могло бы повлечь ненадлежащее распределение ограниченных общественных средств, что само по себе противоречило бы публичному интересу (постановление от 15 сентября 2009 года по делу "Москаль (Moskal) против Польши").

Предусмотренная законом возможность исправления ошибки, допущенной пенсионным органом при назначении пенсии, в том числе пенсии за выслугу лет, призвана, таким образом, обеспечить соблюдение требований социальной справедливости и формального равенства, способствовать предотвращению необоснованного расходования бюджетных средств и злоупотребления правом как со стороны пенсионных органов, так и со стороны граждан, а потому не может подвергаться сомнению. Вместе с тем соответствующий правовой механизм - исходя из конституционных принципов правового государства и верховенства права, а также принципов справедливости и юридического равенства - должен обеспечивать баланс конституционно защищаемых ценностей, публичных и частных интересов на основе вытекающих из указанных принципов критериев разумности и соразмерности (пропорциональности), что, в свою очередь, предполагает наряду с учетом публичных интересов, выражающихся в назначении пенсии исключительно при наличии предусмотренных законом оснований и в целевом расходовании финансовых ресурсов, предназначенных на выплату пенсий, учет интересов пенсионера, которому пенсия по вине уполномоченного государством органа была

назначена ошибочно, с тем чтобы пенсионер не подвергался чрезмерному обременению, притом, однако, что с его стороны отсутствуют какие-либо нарушения.

Такое правовое регулирование отвечало бы сути социального правового государства и, будучи основано в том числе на конституционных принципах правовой определенности и поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, обеспечивало бы как соблюдение законодательно установленных условий назначения и выплаты пенсий за выслугу лет, так и защиту интересов граждан, которые, полагаясь на правильность принятого уполномоченными государством органами решения, рассчитывают на стабильность своего официально признанного статуса получателя данной пенсии и неизменность вытекающего из него материального положения. В рамках этих правоотношений в случае выявления ошибки, допущенной пенсионным органом при назначении пенсии гражданину, - при отсутствии с его стороны каких-либо виновных действий, приведших к неправомерному назначению пенсии, - бремя неблагоприятных последствий, связанных с устранением выявленной ошибки, должно распределяться на основе общеправового принципа справедливости, исключающего формальный подход, и с учетом особенностей жизненной ситуации, в которой находится гражданин, продолжительности периода, в течение которого он получал назначенную по ошибке пенсию, и других значимых обстоятельств.

Данный вывод находит подтверждение в практике Европейского Суда по правам человека, который, признавая за государством право на исправление ошибок, допущенных органами публичной власти при назначении социальных выплат, вместе с тем полагает, что, обнаружив ошибку, власти должны действовать своевременно, последовательно и сообразно обстоятельствам; если ошибка совершена самими органами публичной власти, без какой бы то ни было вины третьего лица (получателя пенсии), должен быть использован подход, основанный на пропорциональности последствий, не допускающий возложения чрезмерного бремени на получателя пенсии; оценивая же степень добросовестности этого лица, органы публичной власти должны учитывать, в частности, насколько очевидный для получателя пенсии характер носила ошибка, был ли он способен обнаружить ее самостоятельно (постановление от 15 сентября 2009 года по делу "Москаль (Moskal) против Польши").

Как следует из названного и других постановлений по аналогичным делам, Европейский Суд по правам человека при принятии решения исходит из того, что если добросовестный гражданин, доверившийся ошибочному решению уполномоченного государством органа о предоставлении социальной выплаты, в связи с ее отменой утрачивает основной (единственный) источник дохода, который он получал в течение длительного времени, и если возвращению к прежнему жизненному укладу препятствуют объективные трудности, то справедливое равновесие между требованиями общего интереса и необходимостью защиты права этого лица оказывается нарушенным. Соответственно, правовое регулирование, предусматривающее безусловное прекращение выплаты пенсии в случае обнаружения ошибки, которая была допущена при ее назначении, не может обеспечить в достаточной мере баланс частных и публичных интересов, поскольку не предполагает учет каких бы то ни было обстоятельств конкретной правоприменительной ситуации и последствий такого решения для гражданина - получателя пенсии.

В частности, гражданин, которому в результате выявления ошибки, допущенной органом, осуществляющим пенсионное обеспечение, была прекращена выплата ранее назначенной пенсии за выслугу лет и у которого не было оснований сомневаться в правомерности действий этих органов и правильности произведенного ими расчета, сталкивается с риском ощутимого снижения достатка; даже в случае назначения ему в дальнейшем страховой пенсии по старости или по инвалидности их размер может оказаться значительно ниже, чем размер отмененной пенсии за выслугу лет. Решение о прекращении выплаты пенсии за выслугу лет, принятое в отношении гражданина, действовавшего добросовестно и получавшего ее на протяжении длительного времени, в большинстве

случаев с неизбежностью ставит его перед необходимостью изменения образа жизни, привычного уклада и жизненных планов. Кроме того, поскольку пенсия за выслугу лет назначается, как правило, существенно ранее достижения возраста, необходимого для назначения страховой пенсии по старости, гражданин, выплата пенсии за выслугу лет которому была прекращена, может оказаться лишенным средств к существованию на период до возникновения права на пенсию по старости, притом что требуемые для поиска работы и возобновления профессиональной деятельности навыки могут быть им утрачены.

Представленными в Конституционный Суд Российской Федерации материалами также подтверждается, что при принятии решения о прекращении выплаты гражданину пенсии за выслугу лет и признании судами такого решения законным и обоснованным не принимаются во внимание ни отсутствие какой-либо вины этого гражданина в назначении пенсии за выслугу лет без законных оснований, ни особенности ситуации, в которой он оказался в результате действий органов, осуществлявших расчет выслуги лет и назначение пенсии, а именно:

значительный по продолжительности период получения гражданином пенсии, что давало ему основания уверенно планировать дальнейшую жизнь, сообразуясь со своим длительным временем признаваемым государством официальным статусом, и одновременно - незначительный по продолжительности период, которого оказалось недостаточно для возникновения у гражданина предусмотренного законом права на пенсию за выслугу лет, притом что на момент принятия решения об увольнении он не был лишен возможности продолжить службу в органах внутренних дел (увольнение по выслуге срока службы, дающего право на пенсию, возможно лишь по инициативе самого лица либо с его согласия);

невозможность по объективным причинам, в том числе в связи с достигнутым на момент прекращения выплаты пенсии за выслугу лет возрастом, вернуться на службу в органах внутренних дел в целях приобретения стажа службы необходимой для ее назначения продолжительности (статьей 88 Федерального закона "О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" установлен предельный возраст пребывания на службе в органах внутренних дел), а также приобрести право на страховую пенсию в размере, сопоставимом с размером пенсии за выслугу лет.

Отсутствие в действующем законодательстве правил, позволяющих при устранении допущенной при назначении пенсии за выслугу лет ошибки учитывать конкретные фактические обстоятельства, с тем чтобы не допустить возложения на гражданина, добросовестное поведение которого не подвергается сомнению, чрезмерного бремени негативных последствий, связанных с недостаточностью стажа службы (выслуги лет), необходимого в силу части первой статьи 13 Закона Российской Федерации "О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей" для возникновения права на данную пенсию, нарушает вытекающие из статей 1 (часть 1), 2, 7, 18 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации принципы справедливости, правовой определенности, поддержания доверия граждан к действиям государства, препятствует достижению баланса частных и публичных интересов и в конечном итоге приводит к несоразмерному ограничению конституционного права на социальное обеспечение (статья 39, части 1 и 2, Конституции Российской Федерации).

Это обязывает государство в лице федерального законодателя - исходя из правовой природы выслуги лет и особого порядка исчисления ее продолжительности при увольнении гражданина со службы в органах внутренних дел, - с одной стороны, обеспечить максимально быстрый контроль и проверку документов, необходимых для назначения и выплаты пенсии, с целью устранения возможных ошибок, с тем чтобы гражданин мог в разумной степени предвидеть последствия, которые может повлечь за собой то или иное

действие, предпринятое им на основе решений уполномоченных государством органов, а с другой - предусмотреть адекватные природе, целям и значению пенсии за выслугу лет эффективные гарантии права граждан на данный вид социального обеспечения и надлежащий правовой механизм его защиты, в том числе в случае, когда это право на протяжении длительного времени, пусть даже и без достаточных оснований, было признано государством и реализовывалось в конкретных пенсионных правоотношениях, в которых получатель пенсии действовал добросовестно. В рамках такого механизма при определении правовых последствий исправления допущенной соответствующим органом ошибки должны приниматься во внимание срок, прошедший с момента назначения гражданину пенсии за выслугу лет, разница между действительным (подтвержденным) и требуемым для ее назначения стажем службы (выслуги лет), значимость данной пенсии как источника дохода, позволяющего поддерживать сложившийся уровень жизни, возможность возвращения гражданина на службу в органы внутренних дел для приобретения права на пенсию за выслугу лет в соответствии с законом и иные заслуживающие внимания обстоятельства, без учета которых полное прекращение выплаты пенсии за выслугу лет не может рассматриваться как справедливая и соразмерная мера, необходимая и строго обусловленная конституционно одобряемыми целями.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации постановил:

1. Признать часть первую статьи 13 Закона Российской Федерации "О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей", как закрепляющую условия назначения пенсии за выслугу лет сотрудникам органов внутренних дел и тем самым являющуюся необходимым элементом правового механизма реализации права указанных лиц на пенсионное обеспечение с учетом характера и продолжительности осуществления ими профессиональной деятельности, соответствующей Конституции Российской Федерации.

2. Признать часть первую статьи 13 Закона Российской Федерации "О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей" не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее статьям 1 (часть 1), 2, 7, 18, 39 (части 1 и 2) и 55 (часть 3), в той мере, в какой она в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с пунктом 5 статьи 24 Федерального закона "О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации", предполагает безусловное прекращение выплаты гражданину, уволенному со службы в органах внутренних дел, пенсии за выслугу лет, назначенной ему ошибочно в результате неправильного подсчета уполномоченным государством органом необходимого для возникновения права на данную пенсию стажа службы (выслуги лет), притом что сам гражданин при приобретении статуса получателя пенсии за выслугу лет действовал добросовестно, - без учета продолжительности периода, прошедшего с момента ее назначения, продолжительности периода, недостаточного до достижения установленной законом выслуги лет, значимости для этого гражданина пенсии в качестве источника дохода и иных заслуживающих внимания обстоятельств - и тем самым не обеспечивает при исправлении допущенной ошибки соблюдение конституционных принципов правовой определенности, справедливости и соразмерности (пропорциональности), поддержания доверия граждан к действиям государства, а также баланса конституционно защищаемых ценностей, публичных и частных интересов.

3. Федеральному законодателю надлежит - исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций, выраженных Конституционным Судом Российской Федерации в настоящем Постановлении, - внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения.

Впредь до внесения в правовое регулирование изменений, вытекающих из настоящего Постановления, суды общей юрисдикции при оценке правомерности прекращения выплаты пенсии за выслугу лет, необоснованно назначенной в результате допущенной органом, осуществляющим пенсионное обеспечение, ошибки, на основе объективного и полного исследования представленных доказательств должны учитывать указанные в пункте 2 резолютивной части настоящего Постановления и иные заслуживающие внимания обстоятельства.

4. Судебные постановления по делу Иванова Сергея Витальевича, основанные на положениях части первой статьи 13 Закона Российской Федерации "О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей" в той мере, в какой указанные положения были признаны в настоящем Постановлении не соответствующими Конституции Российской Федерации, подлежат пересмотру, при условии что для этого нет иных препятствий.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в "Российской газете", "Собрании законодательства Российской Федерации" и на "Официальном интернет-портале правовой информации" (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в "Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации".

Эта связь была наглядно продемонстрирована в деле о качестве услуг, оказываемых организацией с государственными функциями – Почтой России. В Постановлении от 28 декабря 2022 года № 59-П Конституционный Суд постановил, что при обычных обстоятельствах консультация, полученная гражданином в почтовом отделении, не освобождает его от необходимости проявлять собственное усердие путем самостоятельного изучения правил, регулирующих оказание услуг почтовой связи. Но с учетом особого статуса Почты России, важности ее функции (по сути общественной) и тесной связи с государством (проявляющейся, в том числе, в использовании слова «Россия» в ее названии) Суд фактически распространил на эту организацию повышенные требования, аналогичные тем, которые предъявляются к государственным органам. Суд, в частности, указал: «принципы правовой определенности и поддержания доверия граждан к закону и к действиям государства гарантируют гражданам, что решения принимаются уполномоченными государством органами на основе строгого применения правовых норм, а также тщательной и ответственной оценки фактических обстоятельств, которые закон считает основанием для возникновения, изменение, прекращение прав В то же время в демократическом правовом государстве, таком как

Российская Федерация, несоблюдение требований разумности и добросовестности со стороны публичного юридического лица в лице компетентных органов не должно затрагивать имущественные и неимущественные права граждан».

Постановление Конституционного Суда РФ от 28.12.2022 N 59-П "По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 19, статьи 21 Федерального закона "О почтовой связи" и пункта 2 статьи 62 Федерального закона "О связи" в связи с жалобой гражданина М.Д. Малинина"

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей А.Ю. Бушева, Г.А. Гаджиева, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова,

руководствуясь статьей 125 (пункт "а" части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47.1, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации",

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности положений части первой статьи 19, статьи 21 Федерального закона "О почтовой связи", пункта 2 статьи 62 Федерального закона "О связи".

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина М.Д. Малинина. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика А.Ю. Бушева, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации установил:

1. Гражданин М.Д. Малинин оспаривает конституционность следующих законоположений:

части первой (в жалобе ошибочно названной абзацем первым) статьи 19 Федерального закона от 17 июля 1999 года N 176-ФЗ "О почтовой связи", согласно которой права пользователей услуг почтовой связи защищаются этим Федеральным законом, Федеральным законом от 7 июля 2003 года N 126-ФЗ "О связи", Законом Российской Федерации от 7 февраля 1992 года N 2300-I "О защите прав потребителей", гражданским законодательством Российской Федерации, правилами оказания услуг почтовой связи, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации;

статьи 21 того же Федерального закона, а фактически - положения ее части первой, закрепляющего, что почтовое отправление или переведенные денежные средства, которые невозможно доставить (вручить) в связи с неточностью или отсутствием необходимых адресных данных пользователя услуг почтовой связи, выбытием адресата либо иными обстоятельствами, исключающими возможность выполнения оператором почтовой связи обязанностей по договору оказания услуг почтовой связи, возвращаются отправителю;

пункта 2 (в жалобе ошибочно поименованного частью второй) статьи 62 Федерального закона "О связи", в соответствии с которым защита прав пользователей услуг связи при оказании услуг электросвязи и почтовой связи, гарантии получения этих услуг связи надлежащего качества, право на получение необходимой и достоверной информации об услугах связи и об операторах связи, основания, размер и порядок возмещения ущерба в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств, возникающих из договора об оказании услуг связи, а также механизм реализации прав пользователей услуг связи определяется указанным Федеральным законом, гражданским законодательством, законодательством Российской Федерации о защите прав потребителей и издаваемыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

1.1. Решением мирового судьи от 21 октября 2020 года М.Д. Малинину отказано в удовлетворении требований к акционерному обществу "Почта России" (далее - АО "Почта России") о защите прав потребителя, в том числе о возложении обязанности передать негабаритную посылку и взыскании денежных средств. Мировой судья установил, что между М.Д. Малининым и названным акционерным обществом был заключен договор об оказании услуг почтовой связи, согласно которому оператор почтовой связи обязался переслать негабаритную посылку по указанному заявителем адресу воинской части, однако после поступления в сортировочный центр посылка была перенаправлена в почтовое отделение для возврата отправителю и впоследствии не была ему выдана ввиду отказа оплатить стоимость обратной пересылки. Вынося данное постановление, мировой судья принял во внимание пояснения АО "Почта России" о том, что почтовые отправления с адресом, аналогичным указанному М.Д. Малининым, направляются на адрес "город Москва, 101300", а в соответствии с Порядком приема и вручения внутренних регистрируемых почтовых отправлений (утвержденным приказом ФГУП "Почта России" от 7 марта 2019 года N 98-п, в настоящее время фактически утратившим силу в связи с изданием приказа АО "Почта России" от 21 июня 2022 года N 230-п) для войсковых частей и учреждений с адресом "город Москва, 101300" принимаются только простые и заказные почтовые карточки, письма и бандероли, письма и бандероли с объявленной ценностью. При этом было отмечено, что решение о том, какой адрес получателя указать, принимает отправитель, который и несет риск неблагоприятных последствий невозможности доставки корреспонденции по ненадлежащему адресу.

Решение мирового судьи оставлено без изменения судом апелляционной инстанции (апелляционное определение от 20 января 2021 года), который также указал, что факт принятия оператором почтовой связи упомянутого почтового отправления для пересылки не может свидетельствовать о предоставлении М.Д. Малинину недостоверной информации, поскольку проверка правильности указания адреса получателя не относится к компетенции оператора. С выводами нижестоящих судов согласился и судья кассационного суда общей юрисдикции (определение от 20 мая 2021 года).

По мнению заявителя, оспариваемые законоположения противоречат статьям 4 и 35 Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они по смыслу, придаваемому им в системе действующего правового регулирования правоприменительной практикой, ограничивают возможность применения положений Закона Российской Федерации "О защите прав потребителей" и Гражданского кодекса Российской Федерации к правоотношениям между исполнителем услуг почтовой связи и потребителем, необоснованно лишая последнего конституционного права свободно распоряжаться почтовым отправлением, являющимся его собственностью, в том числе в случае возврата этого отправления в связи с невозможностью доставки (вручения) адресату из-за предоставленной отправителем сотрудником организации почтовой связи неверной информации о возможности доставки такого отправления.

1.2. В силу статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" Конституционный Суд Российской Федерации принимает к рассмотрению жалобу на нарушение конституционных прав и свобод нормативным актом, если придет к выводу, что имеются признаки их нарушения в результате применения оспариваемого акта в конкретном деле с участием гражданина, а также неопределенность в вопросе о том, соответствует ли оспариваемый акт Конституции Российской Федерации. Он принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых положений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием, в том числе в решениях по конкретному делу, или правоприменительной практикой, исходя из их места в системе правовых норм, не будучи связанным основаниями и доводами, изложенными в жалобе.

Представленными М.Д. Малининым судебными постановлениями не подтверждается применение пункта 2 статьи 62 Федерального закона "О связи" в его конкретном деле. Что же касается части первой статьи 19 Федерального закона "О почтовой связи", то это законоположение имеет целью обеспечение прав и законных интересов пользователей услуг почтовой связи и по своему буквальному смыслу предполагает защиту их прав, в частности Законом Российской Федерации "О защите прав потребителей" и гражданским законодательством Российской Федерации, а потому не может рассматриваться как нарушающее конституционные права заявителя в обозначенном в жалобе аспекте.

Соответственно, производство по настоящему делу в отношении пункта 2 статьи 62 Федерального закона "О связи" и части первой статьи 19 Федерального закона "О почтовой связи" подлежит прекращению в силу пункта 2 части первой статьи 43 и статьи 68 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", поскольку жалоба М.Д. Малинина не отвечает в этой части условиям допустимости обращения в Конституционный Суд Российской Федерации.

Таким образом, часть первая статьи 21 Федерального закона "О почтовой связи" является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу в той мере, в какой на ее основании решается вопрос о распределении затрат в связи с возвращением почтового отправления, которое было принято для оказания услуги по пересылке, но не может быть доставлено получателю по причине, обусловленной установленными в специальных нормативных актах и (или) локальных актах, принятых лицом, оказывающим услуги почтовой связи, требованиями по указанию отдельных категорий адресов и (или) ограничениями по доставке соответствующего вида почтового отправления по отдельным категориям адресов.

2. Конституция Российской Федерации, гарантируя в России единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции, свободу экономической деятельности, а также признание и защиту равным образом частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности (статья 8), возлагает на государство признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина (статья 2), а также относит связь к ведению Российской Федерации (пункт "и" статьи 71).

В развитие приведенных конституционных положений статья 3 Федерального закона "О почтовой связи" устанавливает, что почтовая связь в Российской Федерации является неотъемлемым элементом социальной инфраструктуры общества, содействует укреплению социально-политического единства Российской Федерации, способствует реализации конституционных прав и свобод граждан, позволяет создать необходимые условия для осуществления государственной политики в области формирования единого экономического пространства, способствует свободному перемещению товаров, услуг и финансовых средств, свободе экономической деятельности.

Таким образом, доступность почтовой связи и надлежащее оказание почтовых услуг относятся к числу важнейших факторов, определяющих качество жизни населения и уровень развития экономики, а деятельность по оказанию этих услуг является объективно необходимой и общественно значимой, воплощая в себе публичный интерес.

3. Согласно Конституции Российской Федерации право частной собственности как элемент конституционного статуса человека и гражданина охраняется законом; каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами (статья 35, части 1 и 2; статья 64).

Будучи одной из основ конституционного строя России, право частной собственности, как следует из статьи 18 Конституции Российской Федерации, наряду с другими непосредственно действующими правами и свободами определяет смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечивается правосудием. Конституционный Суд

Российской Федерации ранее указывал, что конституционные гарантии охраны частной собственности законом, выражающие принцип ее неприкосновенности, а также конституционные гарантии судебной защиты распространяются как на сферу гражданско-правовых отношений, так и на отношения государства и личности в публично-правовой сфере (Постановление от 13 октября 2022 года N 43-П и др.). Статья 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, в свою очередь, допускает возможность ограничения федеральным законом прав человека и гражданина в качестве средства защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Из этой нормы во взаимосвязи со статьями 8, 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 34 и 35 Конституции Российской Федерации вытекает, что ограничения права собственности могут быть введены федеральным законом, если только они необходимы для защиты прав и законных интересов других лиц, иных конституционно значимых ценностей, притом что вмешательство государства в экономическую деятельность и в отношения собственности в силу принципов верховенства права и юридического равенства не должно быть произвольным и нарушать конституционно-правовое равновесие между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты основных прав. Публичные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдывать ограничения прав и свобод, лишь если они адекватны социально необходимому результату, а задачи одной только рациональной организации деятельности органов власти не могут служить основанием для таких ограничений. Это предполагает разумную соразмерность между используемыми средствами и преследуемой целью, с тем чтобы обеспечивался баланс конституционно защищаемых ценностей и лицо не подвергалось чрезмерному обременению. Применительно к праву собственности изложенное означает, помимо прочего, что его ограничения должны отвечать требованиям справедливости, разумности, пропорциональности и не могут посягать на это право в самом его существе (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2008 года N 9-П, от 22 июня 2010 года N 14-П, от 13 июля 2010 года N 16-П, от 14 мая 2012 года N 11-П, от 4 июля 2022 года N 27-П и др.).

4. Согласно части первой статьи 21 Федерального закона "О почтовой связи" почтовое отправление, которое невозможно доставить (вручить) в связи с неточностью или отсутствием необходимых адресных данных пользователя услуг почтовой связи, выбытием адресата либо иными обстоятельствами, исключающими возможность выполнения оператором почтовой связи обязанностей по договору оказания услуг почтовой связи, возвращается отправителю.

Приведенные положения конкретизированы в Правилах оказания услуг почтовой связи, утвержденных в соответствии с частью третьей статьи 4 названного Федерального закона приказом Минкомсвязи России от 31 июля 2014 года N 234 (далее также - Правила оказания услуг почтовой связи). Так, в силу пункта 35 данных Правил почтовое отправление возвращается по обратному адресу: по заявлению отправителя; при отказе адресата (его уполномоченного представителя) от его получения; при отсутствии адресата по указанному адресу; при невозможности прочтения адреса адресата; при обстоятельствах, исключающих возможность выполнения оператором почтовой связи обязательств по договору об оказании услуг почтовой связи, в том числе отсутствии указанного на отправлении адреса адресата.

В части, предусматривающей возврат почтового отправления по обратному адресу при невозможности выполнения оператором почтовой связи обязательств по договору, данные нормы направлены в том числе на обеспечение прав и законных интересов собственников или законных владельцев имущества, а следовательно, развивают положения статьи 35 Конституции Российской Федерации.

Вопрос же о распределении затрат, связанных с возвращением почтового отправления (обратной пересылкой), не урегулированный оспариваемым

законоположением, должен разрешаться с учетом необходимости соблюдения справедливого баланса интересов сторон в соответствии с принципами свободы договора (статья 421 ГК Российской Федерации) и недопустимости неосновательного обогащения (пункт 1 статьи 1102 ГК Российской Федерации).

5. Вытекающий из Конституции Российской Федерации, ее статей 1, 15 (части 1 и 2), 17 (части 1 и 3), 18 и 21 (часть 1), принцип добросовестности участников правоотношений нашел закрепление в гражданском законодательстве, отнесен к его основным началам и означает, что при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно, при этом никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения (пункты 3 и 4 статьи 1 ГК Российской Федерации).

В свете названных конституционных предписаний и корреспондирующих им основных начал гражданского законодательства должны интерпретироваться и применяться нормы, регламентирующие осуществление участниками гражданских правоотношений принадлежащих им прав, а также исполнение ими обязанностей. На необходимость истолкования положений Гражданского кодекса Российской Федерации, законов и иных актов, содержащих нормы гражданского права, в системной связи с основными началами гражданского законодательства, установленными в статье 1 указанного Кодекса, обращается внимание и в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года N 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации". В частности, согласно разъяснениям, закрепленным в пункте 1 этого постановления, оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации.

5.1. Пункт 1 статьи 44 Федерального закона "О связи" предусматривает, что на территории Российской Федерации услуги связи оказываются операторами связи пользователям услуг связи на основании договора об оказании услуг связи, заключенного в соответствии с гражданским законодательством, этим Федеральным законом и правилами оказания услуг связи. Согласно статье 16 Федерального закона "О почтовой связи" услуги почтовой связи оказываются операторами почтовой связи на договорной основе; по договору оказания услуг почтовой связи оператор почтовой связи обязуется по заданию отправителя переслать вверенное ему почтовое отправление по указанному отправителем адресу и доставить (вручить) его адресату; пользователь услуг почтовой связи обязан оплатить оказанные ему услуги.

Следовательно, применительно к отношениям, регулируемым гражданским законодательством, в частности при взаимодействии с пользователями услуг почтовой связи на договорной основе, деятельность АО "Почта России", как и любого другого участника гражданского оборота, подчинена действию принципа добросовестности. При этом конституционное требование о добросовестном поведении в силу своей универсальности распространяется на любое взаимодействие между субъектами права во всех сферах жизнедеятельности. В гражданском законодательстве указанное требование закреплено в том числе в пункте 3 статьи 307 ГК Российской Федерации, согласно которому при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию. В связи с этим участник гражданского оборота может ожидать добросовестного поведения от иных его участников и на стадии подготовки к заключению договора, в частности при проведении переговоров, направленных на согласование условий соответствующего обязательства. В силу пункта 2

статьи 434.1 ГК Российской Федерации при вступлении в переговоры о заключении договора, в ходе их проведения и по их завершении стороны обязаны действовать добросовестно. При этом недобросовестным действием при проведении переговоров предполагается предоставление стороне неполной или недостоверной информации, в том числе умолчание об обстоятельствах, которые в силу характера договора должны быть доведены до сведения другой стороны (подпункт 1 того же пункта).

5.2. Как следует из положений Федерального закона от 29 июня 2018 года N 171-ФЗ "Об особенностях реорганизации федерального государственного унитарного предприятия "Почта России", основах деятельности акционерного общества "Почта России" и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации", АО "Почта России" является организацией федеральной почтовой связи, непубличным акционерным обществом, 100 процентов акций которого принадлежат Российской Федерации (части 1 и 4 статьи 3). Устав названного общества утверждается на основании решения Правительства Российской Федерации (часть 1 статьи 4). Эта организация осуществляет свою деятельность на основе принципов соблюдения законности, обеспечения доступности для всех граждан и юридических лиц услуг почтовой связи как одного из средств получения информации и обмена ею, соблюдения прав пользователей услуг почтовой связи, обеспечения транзита почтовых отправлений на всей территории Российской Федерации, равенства прав граждан и юридических лиц на использование результатов деятельности в области почтовой связи общего пользования, обеспечения права каждого на тайну связи, обеспечения устойчивости сети почтовой связи и управляемости ею, соблюдения правил, стандартов, требований и норм в области почтовой связи, обеспечения устойчивого развития почтовой связи (статья 2).

Давая характеристику особенностям правового статуса АО "Почта России" и его значению для удовлетворения публичного интереса по организации почтовой связи, необходимо иметь в виду и следующее обстоятельство. Предпринимательская деятельность многих коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей (например, в сфере строительства, эксплуатации жилищного хозяйства, перевозки грузов, пассажиров и багажа, инновационной, инвестиционной деятельности, оказания медицинских услуг и т.д.) может способствовать достижению конституционно значимых целей деятельности публичной власти. Вместе с тем имущественный комплекс АО "Почта России" как хозяйствующего субъекта, деловые связи и репутация этого общества, трудовой коллектив, логистическая инфраструктура и в целом - его активы, а следовательно, и его потенциал для преодоления коммерческих, организационных и иных барьеров при вхождении на рынок услуг связи и осуществления предпринимательской деятельности (т.е. для получения конкурентных преимуществ) были сформированы в большей мере за счет вкладов со стороны государства. Кроме того, создание и деятельность такого юридического лица в силу постоянной востребованности предоставляемых им услуг предполагает повышенное внимание со стороны пользователей этих услуг, а его корпоративное устройство, обеспечивающее контроль со стороны публичной власти, и включение в фирменное наименование слова "Россия" могут формировать устойчивую ассоциацию с российским государством. Соответственно, оказание услуг, не позволяющее соблюсти справедливый баланс прав и обязанностей участников гражданских правоотношений, одной из сторон которых являются организации, отвечающие указанным характеристикам, в том числе АО "Почта России", может негативно повлиять на имеющий конституционное значение авторитет публичной власти, подорвать доверие к государству.

Создание АО "Почта России", закрепление основных направлений его деятельности специальным федеральным законом, сохранение у органов публичной власти управленческого контроля придает названному обществу, равно как и иным коммерческим организациям, учреждаемым и функционирующим при сравнимых обстоятельствах, особый статус, а значит, обуславливает конституционно допустимое различие при определении стандартов поведения таких участников гражданских правоотношений.

5.3. В соответствии со статьей 10 Закона Российской Федерации "О защите прав потребителей" изготовитель (исполнитель, продавец) обязан своевременно предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию о товарах (работах, услугах), обеспечивающую возможность их правильного выбора; по отдельным видам товаров (работ, услуг) перечень и способы доведения информации до потребителя устанавливаются Правительством Российской Федерации (пункт 1), при этом информация о товарах (работах, услугах) в обязательном порядке должна содержать в том числе информацию о правилах продажи товаров (выполнения работ, оказания услуг) (пункт 2).

Как следует из ответа АО "Почта России" на запрос Конституционного Суда Российской Федерации, порядок приема и доставки почтовых отправлений в адрес воинских частей и учреждений, дислоцирующихся на отдельных территориях, которым был присвоен условный адрес (как это имело место в деле заявителя), доведен до сведения оператора почтовой связи письмом Госкомсвязи России от 2 февраля 1999 года N УПС-2/354. Распоряжением ФГУП "Почта России" от 29 июля 2005 года N 266/1 был определен порядок приема почтовых отправлений и почтовых переводов в адреса войсковых частей и учреждений Минобороны России с соответствующим условным адресом. Эти положения нашли отражение в пункте 5.2.4 Порядка приема и вручения внутренних регистрируемых почтовых отправлений, утвержденного приказом ФГУП "Почта России" от 7 марта 2019 года N 98-п, и в дальнейшем - в пункте 5.2.4 Порядка приема и вручения внутренних регистрируемых почтовых отправлений, утвержденного приказом АО "Почта России" от 21 июня 2022 года N 230-п.

Таким образом, с учетом того что порядок приема и вручения внутренних регистрируемых почтовых отправлений определяет, наряду с прочим, ограничения при их приеме к пересылке, содержащаяся в нем информация является важной для потребителя и должна доводиться до его сведения.

5.4. Вынося решение (о чем свидетельствуют представленные М.Д. Малининым материалы), мировой судья пришел к выводу о том, что Правила оказания услуг почтовой связи, а также необходимая информация, в том числе порядок адресования, упаковывания и оплаты пересылки почтовых отправлений, размещены внутри объекта почтовой связи на видном и доступном для пользователей услуг почтовой связи месте.

В то же время предоставление указанного доступа не гарантирует, что эта информация будет надлежащим образом воспринята потребителем в каждом конкретном случае, особенно при отправке, с учетом установленных специальными нормативными актами и (или) локальными актами, принятыми лицом, оказывающим услуги почтовой связи, правил и (или) ограничений, почтовых отправлений в адрес воинских частей и учреждений Минобороны России.

Если почтовое отправление было принято работником организации почтовой связи без каких-либо оговорок и замечаний, вследствие чего у отправителя оправданно возникло убеждение, что им были соблюдены все требования, необходимые для успешной доставки отправления, и при этом из указанного отправителем адреса работнику почты должно было быть понятно, что для такого случая установлены особые правила и (или) ограничения, последовавший возврат почтового отправления по причине невозможности его доставки адресату и предъявление требования об оплате обратной пересылки, притом что ранее отправитель произвел оплату оказываемых услуг, не могут отвечать названным ожиданиям кредиторов - участников гражданско-правовых обязательств и, прежде всего, потребителей как более слабой стороны применительно к усилиям оказывающего соответствующие услуги лица (должника) по максимально полному учету интересов своего контрагента, когда на стороне обязанного лица выступает специализированная коммерческая организация.

Приведенные обстоятельства могут стать основанием для вывода о том, что, даже хотя формально организацией почтовой связи соблюдены требования Закона Российской Федерации "О защите прав потребителей" о предоставлении потребителям доступа к

информации о товарах, работах, услугах, имеет место не только нарушение требования о добросовестном поведении при заключении и исполнении гражданско-правового договора, но и отклонение от конституционных требований о балансе прав и законных интересов сторон в правоотношениях, в том числе с учетом оценки квалификации и экономической силы сторон соответствующих правоотношений.

5.5. Нарушение указанного баланса в рассматриваемой ситуации в результате возложения на отправителя (являющегося потребителем) бремени затрат, связанных с возвращением почтового отправления, тем более очевидно, когда специализированная коммерческая организация обладает особым статусом, обусловленным спецификой ее создания, функционирования и иного взаимодействия с органами публичной власти.

Согласно правовым позициям, сформулированным Конституционным Судом Российской Федерации, положения Конституции Российской Федерации о равенстве всех перед законом и судом, равной защите частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности во взаимосвязи с критериями справедливости и соразмерности при установлении условий реализации того или иного права и его возможных ограничений (статья 8, часть 2; статья 17, часть 3; статья 19, часть 1; статья 55) подразумевают в том числе, что участники соответствующих правоотношений должны в разумных пределах иметь возможность предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав, действительности их государственной защиты (Постановление от 20 июля 2011 года N 20-П). Это связано в том числе с принципом поддержания доверия к закону и действиям государства, который также вытекает из конституционных принципов юридического равенства и справедливости в правовом демократическом государстве, поскольку они требуют не только правовой определенности, но и предсказуемости правового регулирования (постановления от 24 мая 2001 года N 8-П, от 20 апреля 2010 года N 9-П, от 25 июня 2015 года N 17-П, от 19 апреля 2018 года N 16-П, от 28 февраля 2019 года N 13-П и др.).

Принципы правовой определенности и поддержания доверия к закону и действиям государства гарантируют гражданам, что решения принимаются уполномоченными государством органами на основе строгого исполнения законодательных предписаний, а также внимательной и ответственной оценки фактических обстоятельств, с которыми закон связывает возникновение, изменение, прекращение прав (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2016 года N 1-П). При этом по смыслу правовой позиции, выраженной Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 22 июня 2017 года N 16-П, в правовом демократическом государстве, каковым является Российская Федерация, пренебрежение требованиями разумности и осмотрительности со стороны публично-правового образования в лице компетентных органов не должно влиять на имущественные и неимущественные права граждан.

В Постановлении от 2 июля 2020 года N 32-П Конституционный Суд Российской Федерации также подчеркнул, что при разрешении споров с участием публично-правовых образований следует принимать во внимание оценку действий (бездействия) органов, уполномоченных действовать в их интересах, в частности ненадлежащее исполнение ими своих обязанностей, совершение ошибок, разумность и осмотрительность в реализации ими своих правомочий, притом что негативные последствия, возникшие в результате недобросовестного выполнения своих функций такими органами, не должны переноситься на частных лиц.

Распространение конституционного принципа добросовестности на деятельность органов публичной власти соотносится и с позицией Верховного Суда Российской Федерации, выраженной, например, применительно к налоговым отношениям. Так, обращается внимание на то, что исходя из положений пункта 2 статьи 22 Налогового кодекса Российской Федерации, устанавливающих обязанность налоговых органов

обеспечивать права налогоплательщиков, налоговое администрирование должно осуществляться с учетом принципа добросовестности, предполагающего учет законных интересов плательщиков налогов и недопустимость создания формальных условий для взимания налогов сверх того, что требуется по закону (пункт 35 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 4 (2018), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 декабря 2018 года).

С учетом изложенного деятельность субъектов, выступающих в интересах публичной власти и при этом являющихся более сильной стороной гражданских правоотношений в силу предоставляемых особым статусом публичной организации возможностей, подчинена на всех этапах динамики соответствующего обязательства повышенному стандарту тщательности, заботливости и осмотрительности. Приведенная позиция применима и к частноправовым организациям, созданным публичной властью, осуществляющей контроль над принятием в таких организациях управленческих решений с целью выполнения общественно значимых функций в сферах, отнесенных Конституцией Российской Федерации к ведению публичной власти.

Поэтому, принимая во внимание особый, квазипубличный, статус АО "Почта России", а также его в некотором смысле привилегированное положение на рынке оказания услуг почтовой связи, к названному обществу - при взаимодействии в процессе осуществления его уставной деятельности с гражданами и юридическими лицами, в том числе пользователями услуг почтовой связи, - применим повышенный стандарт добросовестности и осмотрительности. Это, в частности, не предполагает формального подхода к соблюдению требований действующего законодательства, чрезмерной приверженности таким процедурным положениям, которые умаляют существо соответствующего основанного на договоре материального права, игнорирования при исполнении своих обязанностей в отношениях с заказчиками, и прежде всего с потребителями, вытекающего из принципа добросовестности принципа сотрудничества сторон, оказания разумного содействия в достижении заказчиком цели вступления в договорные отношения.

6. Из правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированных в ряде решений, следует, что гарантированное каждому согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации право на судебную защиту его прав и свобод не подлежит ограничению и предполагает наличие гарантий, позволяющих реализовать его в полном объеме и обеспечить восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям равенства и справедливости. Будучи универсальным правовым средством государственной защиты прав и свобод человека и гражданина, это право выполняет обеспечительно-восстановительную функцию в отношении всех других конституционных прав и свобод, что предопределено особой ролью судебной власти и ее вытекающими из Конституции Российской Федерации прерогативами по осуществлению правосудия, характеризующего содержательную сторону процессуальной деятельности суда как таковой, в том числе при осуществлении судебного контроля за законностью решений и действий (бездействия) субъектов публичной власти. Поскольку, по смыслу статей 21 (часть 1) и 45 (часть 2) Конституции Российской Федерации, в сфере любых правоотношений личность выступает не как объект государственной деятельности, а как полноправный субъект, который может защищать свои права и свободы всеми не запрещенными законом способами и спорить с государством в лице любых его органов, гарантии судебной защиты должны быть достаточными для того, чтобы обеспечить конституционным правам и свободам эффективное и реальное действие, а суды при рассмотрении дел обязаны исследовать фактические обстоятельства по существу, не ограничиваясь установлением формальных условий применения нормы, с тем чтобы право на судебную защиту не оказалось ущемленным (постановления от 3 мая 1995 года N 4-П, от 6 июня 1995 года N 7-П, от 2 июля 1998 года N 20-П, от 20 апреля 2006 года N 4-П, от 22

апреля 2011 года N 5-П и др.). Ограничение суда исполнением одних лишь формальных требований закона и отказ от оценки фактической обоснованности обжалуемых действий (бездействия) и решений искажает суть правосудия (Постановление от 30 июня 2021 года N 31-П).

Применительно к разрешению споров, вытекающих из договоров оказания услуг почтовой связи, это предполагает, что суды должны, не ограничиваясь формальной констатацией выполнения оператором почтовой связи обязанности информировать отправителя об оказываемых услугах, по существу исследовать доводы об обстоятельствах, которые могут свидетельствовать о недобросовестном исполнении оператором своих обязанностей.

При этом, как следует из Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 13 февраля 2018 года N 8-П, конституционное требование действовать добросовестно и не злоупотреблять своими правами равным образом обращено ко всем участникам гражданских правоотношений. Конституционный Суд Российской Федерации также неоднократно указывал на взаимосвязь добросовестного поведения с надлежащей заботливостью и разумной осмотрительностью участников гражданского оборота (постановления от 27 октября 2015 года N 28-П, от 22 июня 2017 года N 16-П и др.). Соответственно, и пользователь услуг почтовой связи обязан прилагать определенные усилия для получения, уточнения и оценки информации (в том числе ограничивающей возможность оказания услуги), которая доводится исполнителем до любого потенциального заказчика и является общедоступной. Полнота такой информации, возможность ознакомления с ней и ее уяснения любым лицом, обращающимся за услугами почтовой связи, оказываемыми на условиях публичного договора, оценивается судом исходя из фактических обстоятельств дела, включая особенности заказчика (потребитель, предприниматель, орган публичной власти и т.п.).

7. Таким образом, часть первая статьи 21 Федерального закона "О почтовой связи" не противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования она не предполагает возложения на потребителя (пользователя услуг почтовой связи) затрат в связи с возвращением почтового отправления в случае, когда невозможность его доставки обусловлена установленными в специальных нормативных актах и (или) локальных актах, принятых лицом, оказывающим услуги почтовой связи, требованиями по указанию отдельных категорий адресов и (или) ограничениями по доставке соответствующего вида почтового отправления по отдельным категориям адресов, а полная и достоверная информация о таких требованиях и (или) ограничениях не доведена или ненадлежащим образом доведена непосредственно в процессе принятия (оформления) почтового отправления до потребителя в форме, обеспечивающей восприятие им этой информации с учетом особенностей потребителя, места или иных условий оказания услуги, притом что из указанного отправителем адреса получателя для оператора почтовой связи (его работника) должно было следовать, что для отправки на указанный адрес почтовых отправлений установлены особые правила и (или) ограничения.

Придание оспариваемой норме иного смысла не отвечало бы необходимости обеспечения справедливого баланса прав и обязанностей оператора и пользователя услуг почтовой связи (отправителя), а потому и вступало бы в противоречие с Конституцией Российской Федерации, ее статьями 1, 15 (части 1 и 2), 17 (части 1 и 3), 18, 35 (части 1 и 2), 45 и 55 (часть 3).

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47.1, 68, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать часть первую статьи 21 Федерального закона "О почтовой связи" не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку - по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования - она не предполагает возложения на потребителя (пользователя услуг почтовой связи) затрат в связи с возвращением почтового отправления в случае, когда невозможность его доставки обусловлена установленными в специальных нормативных актах и (или) локальных актах, принятых лицом, оказывающим услуги почтовой связи, требованиями по указанию отдельных категорий адресов и (или) ограничениями по доставке соответствующего вида почтового отправления по отдельным категориям адресов, а полная и достоверная информация о таких требованиях и (или) ограничениях не доведена или ненадлежащим образом доведена непосредственно в процессе принятия (оформления) почтового отправления до потребителя (отправителя) в форме, обеспечивающей восприятие им этой информации с учетом особенностей потребителя, места или иных условий оказания услуги, притом что из указанного отправителем адреса получателя для оператора почтовой связи (его работника) должно было следовать, что для отправки на указанный адрес почтовых отправлений установлены особые правила и (или) ограничения.

2. Выявленный в настоящем Постановлении конституционно-правовой смысл части первой статьи 21 Федерального закона "О почтовой связи" является общеобязательным, что исключает любое иное ее истолкование в правоприменительной практике.

3. Правоприменительные решения по делу гражданина Малинина Михаила Дмитриевича, вынесенные на основании части первой статьи 21 Федерального закона "О почтовой связи" в истолковании, расходящемся с ее конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Прекратить производство по настоящему делу в части проверки конституционности пункта 2 статьи 62 Федерального закона "О связи" и части первой статьи 19 Федерального закона "О почтовой связи".

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в "Российской газете", "Собрании законодательства Российской Федерации" и на "Официальном интернет-портале правовой информации" (www.pravo.gov.ru).

Позже Конституционный суд напомнил об этом же подходе в отношении последствий исполнения его решений для третьих лиц. В Постановлении от 22 сентября 2023 года № 45-П муниципальные депутаты не получили ответа от федерального органа власти, когда пытались получить согласование на включение земель лесного фонда в границы населенного пункта. В отсутствие ответа они посчитали такое включение возможным, однако решение об изменении границ впоследствии было отменено в судебном порядке.

Конституционный суд разъяснил положения Градостроительного кодекса через конституционно-правовое толкование, предполагающее добросовестное сотрудничество местных и государственных властей. Суд указал, что вопрос о правовых последствиях отмены решения об утверждении генерального плана земель лесного фонда, на которых данный земельный участок, являющийся частью населенного пункта, был предоставлен в пользование гражданам и юридическим лицам в

соответствии с правилами, принятыми муниципалитетом, не входит в сферу его рассмотрения. Вместе с тем Суд напомнил, что из его прежних правовых позиций следует, что бремя негативных последствий ошибочных решений и действий компетентных органов и должностных лиц не может быть возложено исключительно на граждан и что правовой механизм исправления таких ошибок (основанный на конституционных принципах верховенства права, правового государства и принципах справедливости и равенства перед законом) должен обеспечивать баланс между конституционно охраняемыми ценностями и общественными ценностями. частных интересов на основе критериев разумности и соразмерности, вытекающих из этих принципов. В противном случае это противоречило бы требованиям правовой определенности и поддержания доверия граждан к закону.

Постановление Конституционного Суда РФ от 22.09.2023 N 45-П "По делу о проверке конституционности частей 7 и 8 статьи 25 Градостроительного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Собрания депутатов Кыштымского городского округа Челябинской области"

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей А.Ю. Бушева, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, В.А. Сивицкого,

руководствуясь статьей 125 (пункт "а" части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47.1, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации",

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности частей 7 и 8 статьи 25 Градостроительного кодекса Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба Собрания депутатов Кыштымского городского округа Челябинской области. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика С.М. Казанцева, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. Согласно части 7 статьи 25 Градостроительного кодекса Российской Федерации в редакции, действовавшей до вступления в силу Федерального закона от 20 марта 2011 года N 41-ФЗ, срок согласования проекта генерального плана составляет три месяца со дня направления главой поселения или главой городского округа на согласование проекта генерального плана в уполномоченный федеральный орган исполнительной власти, высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации, в границах которого находится поселение или городской округ, органы местного самоуправления муниципальных образований, имеющих общую границу с поселением, городским округом, а также в органы местного самоуправления муниципального района, в границах которого находится поселение (в случае подготовки проекта генерального плана поселения).

В соответствии с частью 8 статьи 25 этого Кодекса в редакции, действовавшей до вступления в силу Федерального закона от 31 декабря 2017 года N 507-ФЗ, в случае непоступления в установленный срок главе поселения, главе городского округа заключений

на проект генерального плана от указанных в части 7 данной статьи органов данный проект считается согласованным с такими органами.

1.1. Как следует из представленных материалов, в 2021 году Департамент лесного хозяйства по Уральскому федеральному округу в рамках данного ему Федеральным агентством лесного хозяйства поручения обратился в суд с административным иском с заявлением о признании не действующим решения Собрания депутатов Кыштымского городского округа Челябинской области от 23 декабря 2009 года N 170 "Об утверждении Генерального плана Кыштымского городского округа" в части включения в границы населенных пунктов, входящих в состав данного городского округа, участков земель лесного фонда, поскольку указанный нормативный правовой акт был принят без согласования с уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, что препятствовало осуществлению полномочий Российской Федерации по управлению и охране лесного фонда и, соответственно, являлось существенным нарушением действующего законодательства.

Решением Челябинского областного суда от 29 декабря 2021 года в удовлетворении требования отказано. Суд установил, что ответчик соблюдал процедуру принятия оспариваемого нормативного правового акта, поскольку 26 августа 2009 года администрацией Кыштымского городского округа Челябинской области в установленном порядке проект генерального плана был направлен в адрес Правительства Челябинской области и Министерства регионального развития Российской Федерации (проект ими был получен 11 сентября 2009 года), и, так как со дня его направления ни отрицательного, ни положительного заключения на проект генерального плана не поступило, 23 декабря 2009 года (по прошествии четырех месяцев с момента его направления для согласования) Генеральный план был утвержден Собранием депутатов Кыштымского городского округа Челябинской области.

Апелляционным определением судебной коллегии по административным делам Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 22 марта 2022 года решение суда первой инстанции отменено, решение Собрания депутатов Кыштымского городского округа Челябинской области от 23 декабря 2009 года N 170 в оспариваемой части признано не действующим с даты принятия апелляционного определения.

Суд кассационной инстанции оставил данное апелляционное определение без изменения (определение судебной коллегии по административным делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 29 июня 2022 года). Судья Верховного Суда Российской Федерации определением от 14 сентября 2022 года отказал администрации Кыштымского городского округа Челябинской области в передаче ее кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по административным делам этого суда.

Заявитель указывает на то, что оспариваемые законоположения по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, препятствуют органам местного самоуправления считать согласованным проект генерального плана после истечения срока его согласования, установленного Градостроительным кодексом Российской Федерации, и тем самым нарушают их права, вступая в противоречие со статьями 131 и 133 Конституции Российской Федерации.

По смыслу пункта 4 части первой статьи 43 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" Конституционный Суд Российской Федерации проверяет конституционность действующих нормативных актов и отказывает в принятии жалобы к рассмотрению, если акт, конституционность которого оспаривается, отменен или утратил силу, за исключением случаев, когда он продолжает применяться к правоотношениям, возникшим в период его действия. Поскольку части 7 и 8 статьи 25 Градостроительного кодекса Российской Федерации в действующей редакции по своему содержанию являются в части, оспариваемой заявителем, аналогичными ранее действовавшему регулированию, а закрепленный в них порядок согласования проекта

генерального плана продолжает действовать, юридическую силу не утратил и, будучи примененным в деле заявителя, непосредственно затрагивает его права, то данная жалоба в силу предписаний статьи 97 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" является допустимой.

1.2. Таким образом, с учетом требований статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" часть 7 статьи 25 Градостроительного кодекса Российской Федерации (в редакции, действовавшей до вступления в силу Федерального закона от 20 марта 2011 года N 41-ФЗ) и часть 8 этой статьи (в редакции, действовавшей до вступления в силу Федерального закона от 31 декабря 2017 года N 507-ФЗ) являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу в той мере, в какой на их основании в системе правового регулирования решается вопрос о признании проекта генерального плана муниципального образования в части включения в границы населенных пунктов земель лесного фонда согласованным или несогласованным в случае непоступления в установленный срок его главе заключения уполномоченного федерального органа исполнительной власти.

2. Конституция Российской Федерации, провозглашая Россию демократическим правовым государством, относит к его основным характеристикам признание и гарантирование местного самоуправления как одной из основ конституционного строя; самостоятельность местного самоуправления как его сущностная черта проявляется в том числе в определенной степени правовой автономии, самостоятельном решении населением вопросов местного значения, в том числе через выборные и другие органы местного самоуправления (статья 1; статья 3, часть 2; статья 12; статья 16, часть 1; статьи 130 и 131; статья 132, часть 1; статья 133). Закрепляя самостоятельность местного самоуправления в качестве его основного свойства и принципа взаимоотношений с органами государственной власти, Конституция Российской Федерации вместе с тем исходит из того, что эта самостоятельность не является абсолютной. Она должна определяться пределами, устанавливаемыми действующим законодательством, как это следует из статьи 15 (часть 2) Конституции Российской Федерации с учетом того, что органы местного самоуправления входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории (статья 132, часть 3).

По смыслу приведенных положений, рассматриваемых во взаимосвязи с иными нормами Конституции Российской Федерации, местное самоуправление по своему конституционно-правовому статусу является обязательной на всей территории России формой публично-территориальной самоорганизации населения и одновременно представляет собой неотъемлемую часть единого механизма управления делами государства, в рамках которого органы местного самоуправления на началах взаимодействия и согласованного функционирования с федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации участвуют в конституционно закрепленных пределах в осуществлении на соответствующей территории функций демократического, правового и социального государства. Предназначение местного самоуправления, приоритетом которого выступает решение социально-экономических задач в пределах муниципального образования как территории совместной жизнедеятельности населения, определяется вместе с тем целями наиболее эффективной реализации вытекающих из Конституции Российской Федерации задач по соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина (включая право на охрану здоровья и на благоприятную окружающую среду, являющуюся одним из важнейших условий обеспечения достойной жизни и свободного развития человека), а также по использованию и охране земли и других природных ресурсов как основы жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории (статьи

2, 7, 9, 41 и 42) (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 мая 2023 года N 27-П).

Исходя из конституционных предписаний, в частности о том, что земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории, могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности (статья 9), Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 25 октября 2016 года N 21-П указал, что гражданам Российской Федерации должны быть гарантированы охрана и использование земли и других природных ресурсов, в том числе лесов, как естественного богатства, ценности (достояния) всенародного значения. В свою очередь, федеральный законодатель, определяя правовые основы государственной политики в области охраны окружающей среды, должен исходить из необходимости решения социально-экономических задач, сохранения благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов в целях укрепления правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что лесной фонд - ввиду его жизненно важной многофункциональной роли и значимости для общества в целом, требований сбалансированного развития экономики и улучшения состояния окружающей природной среды в условиях возрастания глобального экологического значения лесов России и необходимости рационального использования этого природного ресурса в интересах Российской Федерации и ее субъектов, граждан, имеющих право на благоприятную окружающую среду (статья 42 Конституции Российской Федерации), - представляет собой публичное достояние многонационального народа России, является как таковой федеральной собственностью особого рода и имеет специальный правовой режим (постановления от 9 января 1998 года N 1-П и от 7 июня 2000 года N 10-П; определения от 27 июня 2000 года N 92-О и от 3 февраля 2010 года N 238-О-О).

По смыслу приведенных конституционных положений и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, рассматриваемых во взаимосвязи с провозглашенной в преамбуле Конституции Российской Федерации целью обеспечения благополучия и процветания России исходя из ответственности перед нынешним и будущими поколениями и во исполнение конституционной обязанности каждого сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам (статья 58 Конституции Российской Федерации), правовое регулирование отношений, связанных с использованием лесных ресурсов, основывается на принципе приоритета публичных интересов и предполагает, в частности, обеспечение сохранности лесного фонда, его рациональное использование (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 2015 года N 5-О).

Следовательно, федеральный законодатель не только вправе, но и обязан устанавливать - с учетом целей сохранения средообразующих, водоохранных, защитных, санитарно-гигиенических, оздоровительных и иных полезных функций лесов в интересах обеспечения права каждого на благоприятную окружающую среду, а также обеспечения сбалансированного учета экологических, экономических, социальных и иных факторов при осуществлении градостроительной деятельности - порядок определения границ населенных пунктов и границ земель лесного фонда, перевода земель лесного фонда в земли других категорий, а также порядок подготовки и согласования проектов документов территориального планирования муниципальных образований, предусматривающих включение земель лесного фонда в состав территории населенных пунктов, не снимая при этом с государства конституционной ответственности за сохранение лесов и не освобождая его от обязанности осуществлять эффективный контроль за лесопользованием.

3. Согласно пункту 26 части 1 статьи 16 Федерального закона от 6 октября 2003 года N 131-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской

Федерации" и пункту 1 части 3 статьи 8 Градостроительного кодекса Российской Федерации к вопросам местного значения муниципального и городского округа и полномочиям органов местного самоуправления муниципальных и городских округов в области градостроительной деятельности относятся подготовка и утверждение документов их территориального планирования, в том числе их генеральных планов.

Генеральный план соответствующего муниципального образования, являясь муниципальным правовым актом, представляет собой документ территориального планирования муниципального образования, который не должен противоречить Конституции Российской Федерации, федеральным конституционным законам, другим федеральным законам и иным нормативным правовым актам Российской Федерации, а также конституциям (уставам), законам, иным нормативным правовым актам субъектов Российской Федерации.

Генеральный план утверждается представительным органом местного самоуправления (пункты 2 - 4 части 1 статьи 18, часть 1 статьи 24 Градостроительного кодекса Российской Федерации). Порядок подготовки и утверждения генерального плана установлен статьями 18, 24 - 28 Градостроительного кодекса Российской Федерации и предусматривает ряд последовательных процедур, к которым относятся: принятие главой местной администрации решения о подготовке проекта генерального плана; обязательное согласование проекта в соответствии со статьей 25 данного Кодекса; обязательное рассмотрение проекта на публичных слушаниях; принятие решения представительным органом местного самоуправления с учетом протокола публичных слушаний по проекту генерального плана и заключения о результатах таких публичных слушаний об утверждении генерального плана или об отклонении проекта генерального плана и о направлении его главе местной администрации на доработку в соответствии с указанным протоколом и заключением. Порядок согласования проектов документов территориального планирования муниципальных образований, состав и порядок работы согласительной комиссии устанавливаются уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти.

3.1. Прежняя редакция Градостроительного кодекса Российской Федерации определяла, что проект генерального плана до его утверждения подлежит обязательному согласованию в порядке, установленном уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти, в том числе в случае, если предполагается изменение существующих или в соответствии со схемами территориального планирования Российской Федерации планируемых границ земель лесного фонда (часть 8 статьи 24 и часть 1 статьи 25 в редакции Федерального закона от 23 июля 2008 года N 160-ФЗ).

Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 марта 2007 года N 178 (в редакции, действовавшей на момент утверждения Собранием депутатов Кыштымского городского округа Челябинской области Генерального плана) было утверждено Положение о согласовании проектов схем территориального планирования субъектов Российской Федерации и проектов документов территориального планирования муниципальных образований, которое предусматривало, что:

организацию согласования проекта документа территориального планирования обеспечивает орган местного самоуправления, являющийся заказчиком подготовки проекта документа территориального планирования; в случае, указанном в части 1 статьи 25 Градостроительного кодекса Российской Федерации, заказчик направляет проект документа территориального планирования на согласование в федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный на осуществление функций по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере градостроительства; без проведения соответствующих согласительных процедур проект документа территориального планирования не может представляться на утверждение и утверждаться (пункт 2, абзац третий пункта 4 и подпункт "а" пункта 5);

уполномоченный орган в сфере градостроительства в течение трех рабочих дней с даты получения проекта документа территориального планирования направляет его копии в федеральные органы исполнительной власти, уполномоченные на осуществление функций по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в соответствующих сферах деятельности, для рассмотрения и представления заключений в части вопросов, входящих в компетенцию этих уполномоченных отраслевых органов (пункт 6);

уполномоченный орган в сфере градостроительства осуществляет подготовку сводного заключения на проект документа территориального планирования на основании заключений уполномоченных отраслевых органов (абзац первый пункта 10);

установленный Градостроительным кодексом Российской Федерации трехмесячный срок для согласования проектов документов территориального планирования исчисляется с даты отправления заказчиком указанного проекта на согласование в соответствующие органы до даты получения заказчиком заключений этих органов; в случае неполучения заказчиком в указанный срок заключения согласующего органа проект документа территориального планирования считался согласованным с этим органом (пункт 3).

В период подготовки в 2009 году проекта генерального плана Кыштымского городского округа Челябинской области федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным на осуществление функций по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в том числе в сфере градостроительства, являлось Министерство регионального развития Российской Федерации (согласно действовавшему на тот момент Положению о Министерстве регионального развития Российской Федерации, утвержденному Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 января 2005 года N 40).

Постановлением Правительства Российской Федерации от 22 февраля 2012 года N 152 в Постановление Правительства Российской Федерации от 24 марта 2007 года N 178 были внесены изменения, в соответствии с которыми прекращено регулирование порядка согласования проектов документов территориального планирования муниципальных образований. В связи с этим новый порядок согласования был установлен приказом Минрегиона России от 27 февраля 2012 года N 69 "Об утверждении порядка согласования проектов документов территориального планирования муниципальных образований, состава и порядка работы согласительной комиссии при согласовании проектов документов территориального планирования муниципальных образований", который признан не подлежащим применению приказом Минэкономразвития России от 21 июля 2016 года N 460 "Об утверждении порядка согласования проектов документов территориального планирования муниципальных образований, состава и порядка работы согласительной комиссии при согласовании проектов документов территориального планирования", действующим в настоящее время.

Ныне действующий порядок согласования проектов документов территориального планирования муниципальных образований, состава и порядка работы согласительной комиссии при согласовании проектов документов территориального планирования закрепляет сходные - в контексте предмета рассмотрения по настоящему делу - требования к согласованию генерального плана муниципального образования.

Анализ приведенного правового регулирования свидетельствует о том, что часть 7 статьи 25 Градостроительного кодекса Российской Федерации (в редакции, действовавшей до вступления в силу Федерального закона от 20 марта 2011 года N 41-ФЗ) и часть 8 этой статьи (в редакции, действовавшей до вступления в силу Федерального закона от 31 декабря 2017 года N 507-ФЗ) по их буквальному смыслу допускают возможность согласования по умолчанию проекта генерального плана уполномоченным органом. Тем самым орган местного самоуправления, представивший проект генерального плана для

согласования в установленном порядке, вправе полагать, что проект был согласован, если по истечении определенного срока не поступило сводное заключение, которое готовится уполномоченным федеральным органом исполнительной власти. Вводя такое регулирование, федеральный законодатель обоснованно предполагал, что оно в должной мере служит целям оптимизации и ускорения процесса согласования проекта генерального плана, защиты муниципальных образований от неразумного затягивания данного процесса и стимулирования уполномоченных органов к своевременному решению поставленных перед ними задач и в этом отношении направлено на обеспечение надлежащего функционирования и взаимодействия всех органов публичной власти.

Вместе с тем процедура согласования, предусмотренная оспариваемыми нормами и подзаконным регулированием, должна учитывать особенности правового режима лесного фонда и вероятность негативного воздействия на него в случае включения соответствующих земельных участков в состав территории населенных пунктов.

С учетом полномочий органов государственной власти Российской Федерации в области лесных отношений, а также права собственности Российской Федерации на земли лесного фонда (часть 1 статьи 8 и статья 81 Лесного кодекса Российской Федерации) управление и распоряжение земельными участками, находящимися в собственности Российской Федерации, осуществляет Российская Федерация (пункт 2 статьи 9 Земельного кодекса Российской Федерации).

Тем самым одной из целей согласования проекта генерального плана с уполномоченным федеральным органом исполнительной власти является проверка соответствия его содержания в части включения в границы населенного пункта земельных участков из состава земель лесного фонда законодательству в сфере лесных отношений. Данная процедура согласования соответствует особенностям правового режима лесного фонда, вытекающим из его жизненно важной многофункциональной роли и значимости для общества в целом.

Следовательно, необходимость согласования проекта генерального плана уполномоченным федеральным органом исполнительной власти в определенный срок (при условии соблюдения органом местного самоуправления требований к представлению данного проекта для согласования) преследует конституционно оправданную цель - своевременную подготовку и утверждение генерального плана муниципального образования, необходимого для осуществления деятельности по развитию соответствующих территорий.

Вместе с тем оспариваемые нормы в системе действующего правового регулирования не могут предполагать право представительного органа местного самоуправления в случае непоступления от федеральных органов по истечении установленного срока заключений на проект произвольно устанавливать границы населенного пункта в части включения в состав его территории земель лесного фонда, которое влечет существенные правовые, экологические и экономические последствия.

3.2. Согласно пункту 1 статьи 84 Земельного кодекса Российской Федерации установление, изменение границ населенных пунктов осуществляются в соответствии с законодательством Российской Федерации о градостроительной деятельности (глава 3 "Территориальное планирование" Градостроительного кодекса Российской Федерации).

По смыслу статей 18 и 23 Градостроительного кодекса Российской Федерации и взаимосвязанных с ними абзаца восьмого пункта 1 статьи 8 и пункта 1 статьи 84 Земельного кодекса Российской Федерации (в редакции, действовавшей в период подготовки проекта генерального плана Кыштымского городского округа Челябинской области), а также статей 8 и 11 Федерального закона от 21 декабря 2004 года N 172-ФЗ "О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую" утверждение или изменение генерального плана муниципального образования, отображающего границы населенных пунктов, расположенных в границах соответствующего муниципального образования, является установлением или изменением границ населенных пунктов. В

силу части 1 статьи 8 данного Федерального закона установление или изменение границ населенных пунктов, а также включение земельных участков в границы населенных пунктов либо исключение земельных участков из границ населенных пунктов является переводом земель населенных пунктов или земельных участков в составе таких земель в другую категорию либо переводом земель или земельных участков в составе таких земель из других категорий в земли населенных пунктов.

Нарушение установленного федеральными законами порядка перевода земель из одной категории в другую является основанием признания недействительными актов об отнесении земель к категориям, о переводе их из одной категории в другую (пункт 3 статьи 8 Земельного кодекса Российской Федерации).

Согласно пункту 2 статьи 83 Земельного кодекса Российской Федерации границы населенных пунктов отделяют земли населенных пунктов от земель иных категорий. Соответственно, применительно к землям, ранее являвшимся землями лесного фонда, после их включения в состав населенных пунктов начинают применяться правила, касающиеся земель населенных пунктов, включая их предоставление для различных целей, в том числе строительства, в соответствии с градостроительными регламентами. Это означает существенно меньшие возможности с точки зрения обеспечения экологической безопасности данных земель. Даже возможность сохранения лесов, перешедших в границы населенного пункта как городских лесов, зависит во многом от экономических, социальных и культурных потребностей населения, содержания самого генерального плана и последующего градостроительного зонирования.

Для земель населенных пунктов не действует целый ряд ограничений, установленных федеральным законодательством для земель лесного фонда. Так, строительство, реконструкция, капитальный ремонт, ввод в эксплуатацию и вывод из эксплуатации объектов капитального строительства, не связанных с созданием лесной инфраструктуры, на землях лесного фонда допускаются лишь в прямо перечисленных целях (часть 1 статьи 21 Лесного кодекса Российской Федерации), к которым, например, строительство жилья не относится. Даже возведение и эксплуатация некапитальных строений, сооружений, не связанных с созданием лесной инфраструктуры, на землях лесного фонда ограничено определенными целями, к которым не относится осуществление большинства видов экономической деятельности (часть 1 статьи 21.1 Лесного кодекса Российской Федерации).

Правила землепользования и застройки, устанавливающие градостроительные регламенты применительно к земельным участкам, включенным в границы населенных пунктов из земель лесного фонда, могут быть изменены по истечении одного года со дня включения указанных земельных участков в границы населенных пунктов (часть 6 статьи 32 Градостроительного кодекса Российской Федерации). До установления градостроительных регламентов в отношении земельных участков, включенных в границы населенных пунктов из земель лесного фонда (за исключением лесных участков, которые до 1 января 2016 года предоставлены гражданам или юридическим лицам либо на которых расположены объекты недвижимого имущества, права на которые возникли до 1 января 2016 года и разрешенное использование либо назначение которых до их включения в границы населенного пункта не было связано с использованием лесов), такие земельные участки используются с учетом ограничений, установленных при использовании городских лесов в соответствии с лесным законодательством (часть 6.1 статьи 36 Градостроительного кодекса Российской Федерации). Соответственно, уже через год после включения таких земельных участков в границы населенных пунктов органы местного самоуправления соответствующего муниципального образования могут, действуя в интересах социально-экономического развития территории, отнести бывшие земли лесного фонда к не связанной с природоохранными функциями территориальной зоне, в том числе к жилой или производственной. При этом интерес развития муниципальных образований, в том числе посредством расширения и освоения территории входящих в них населенных пунктов,

безусловно, не может отрицаться. Важно, однако, чтобы этот интерес был сопряжен с другими социально значимыми интересами, для чего и служит институт согласования.

Кроме того, перевод земель лесного фонда в категорию земель населенных пунктов затрагивает и отношения собственности. Согласно статье 3 Федерального закона от 4 декабря 2006 года № 201-ФЗ "О введении в действие Лесного кодекса Российской Федерации" земли лесного фонда находятся в федеральной собственности.

Это означает, что включение земель лесного фонда в границы населенных пунктов существенно меняет правовое положение соответствующих земель и лесных участков как в части охраны лесов, так и в части соответствующих имущественных отношений, непосредственно затрагивая интересы Российской Федерации.

Таким образом, если предполагается изменение территории населенного пункта путем включения в нее земель лесного фонда, необходимо согласовывать это с уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, поскольку утверждение генерального плана влечет перевод земель из одной категории в другую. В связи с этим орган местного самоуправления не вправе приступить к утверждению проекта генерального плана без положительного заключения на проект. При неполучении в установленный срок положительного заключения он обязан проявлять инициативу в получении сведений относительно подготовки заключения на проект, направленный на согласование в уполномоченный орган государственной власти. Этому корреспондирует обязанность уполномоченного федерального органа исполнительной власти отправить соответствующее заключение на направленный ему проект генерального плана в установленный законом срок.

Иное понимание оспариваемых норм в части включения в границы населенных пунктов земель лесного фонда в принципиальном плане не способствует соблюдению должного баланса частных и публичных интересов в целях контроля за соблюдением норм и правил в лесной и градостроительной сфере, не соответствует принципу поддержания стабильности правовых отношений и доверия к закону, не отвечает требованиям обеспечения гарантий конституционных прав и баланса конституционно значимых ценностей, не обеспечивает защиты прав и законных интересов Российской Федерации в отношениях собственности.

Следовательно, срок, установленный для согласования частью 7 статьи 25 Градостроительного кодекса Российской Федерации, не может иметь пресекающего характера (в части включения в границы населенных пунктов земель лесного фонда).

3.3. В связи с этим, а также учитывая, что, как правило, незаконное включение земель лесного фонда в состав территории населенных пунктов при утверждении генерального плана происходило в тех случаях, когда отсутствовало положительное заключение уполномоченного федерального органа исполнительной власти, правоприменительная практика при обнаружении нарушений лесного, градостроительного и иного законодательства пошла по пути признания генерального плана в части включения в границы населенных пунктов земель лесного фонда не действующим вследствие нарушения процедуры согласования проекта генерального плана при отсутствии положительного заключения на этот проект, предусмотренной оспариваемыми нормами Градостроительного кодекса Российской Федерации.

В судебной практике по такого рода делам сложился подход, в соответствии с которым генеральный план, предусматривающий включение в границы населенных пунктов, входящих в состав муниципальных образований, земель лесного фонда, не может быть утвержден в отсутствие положительного заключения на проект генерального плана уполномоченного федерального органа исполнительной власти, подготовленный в соответствии со статьей 25 Градостроительного кодекса Российской Федерации, в том числе по истечении нормативно определенного срока его согласования (апелляционное определение судебной коллегии по административным делам Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 15 июня 2021 года № 66а-702/2021;

кассационное определение судебной коллегии по административным делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 29 июня 2022 года N 88а-10115/2022; апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2016 года N 66-АПГ16-12; определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2017 года N 66-АПГ17-14 и др.). При этом судами отклоняются ссылки на часть 8 названной статьи на том основании, что утверждение документа территориального планирования при квалифицированном молчании уполномоченного органа исполнительной власти само по себе не подтверждает соблюдения порядка принятия генерального плана (апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 мая 2016 года N 33-АПГ16-10).

Соответственно, суды ограничительно интерпретируют возможность признания проекта генерального плана согласованным, если такой план предполагает изменение статуса земель лесного фонда. В частности, как отмечает Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации, целью согласования проекта генерального плана в подобных случаях является проверка соответствия его положений в части включения в границы населенного пункта земельных участков из состава земель лесного фонда законодательству в сфере лесных отношений, имеющему большую юридическую силу; при включении в границы населенного пункта лесных участков, расположенных на землях лесного фонда, посредством установления и изменения границы населенного пункта необходимо обеспечить процедуру согласования проекта генерального плана с уполномоченным органом (кассационное определение от 27 мая 2022 года N 89-КАДПР22-1-К7).

Такое толкование, хотя оно и не следует из буквального содержания оспариваемых норм, нельзя рассматривать как нарушающее права муниципальных образований с учетом особого конституционно-правового значения лесного фонда, на что, среди прочего, ссылаются суды. Так, подтверждая правомерность признания недействующими генеральных планов (в части, касающейся лесного фонда), по проектам которых не было получено согласование уполномоченного органа, суды опираются на высказанную Конституционным Судом Российской Федерации правовую позицию (постановления от 9 января 1998 года N 1-П и от 25 октября 2016 года N 21-П; определения от 27 июня 2000 года N 92-О и от 3 февраля 2010 года N 238-О-О) о том, что правовое регулирование отношений, связанных с использованием лесных ресурсов, основывается на принципе приоритета публичных интересов и предполагает, в частности, обеспечение сохранности лесного фонда, его рациональное использование и эффективное воспроизводство.

При этом гарантией прав муниципальных образований на утверждение генерального плана является обязанность государственных органов своевременно представить позицию по проекту генерального плана и вытекающее из нее право уполномоченных органов местного самоуправления требовать соблюдения установленных сроков согласования, в том числе оспаривать в судебном порядке бездействие государственных органов по выражению позиции относительно проекта генерального плана, а также возможность при поступлении заключения, содержащего положение о несогласии с проектом генерального плана (в том числе в части, касающейся земель лесного фонда), отстаивать свою позицию в рамках согласительных процедур (части 9 - 11 статьи 25 Градостроительного кодекса Российской Федерации).

В случае же недостижения согласия относительно включения в границы населенного пункта земель лесного фонда, имея в виду важность вопроса о границах населенных пунктов для решения вопросов социально-экономического развития муниципальных образований, а также гарантированность местного самоуправления в Российской Федерации правом на судебную защиту (статья 133 Конституции Российской Федерации), уполномоченные органы местного самоуправления не могут быть лишены

возможности - с учетом значения заключения, содержащего положение о несогласии с проектом генерального плана, как блокирующего включение земель лесного фонда в границы населенного пункта, наряду с непоступлением заключения - в соответствии с выраженными в настоящем Постановлении правовыми позициями оспорить такое заключение уполномоченного федерального органа исполнительной власти. Суд же исходя из правовых и фактических обстоятельств конкретного спора может констатировать, что вытекающие из действующего правового регулирования основания для отказа в согласовании проекта генерального плана, предусматривающего включение земель лесного фонда в границы населенного пункта, отсутствовали.

4. Тем самым часть 7 статьи 25 Градостроительного кодекса Российской Федерации (в редакции, действовавшей до вступления в силу Федерального закона от 20 марта 2011 года N 41-ФЗ) и часть 8 этой статьи (в редакции, действовавшей до вступления в силу Федерального закона от 31 декабря 2017 года N 507-ФЗ) не противоречат Конституции Российской Федерации, поскольку они - в их судебном истолковании - не предоставляют органам местного самоуправления ничем не ограниченное право после истечения срока согласования проекта генерального плана муниципального образования считать его согласованным без получения положительного заключения на него от уполномоченного федерального органа исполнительной власти.

Это, в свою очередь, означает, что в случае нарушения указанного требования не исключается возможность оспаривания в судебном порядке решения представительного органа муниципального образования об утверждении генерального плана в части включения в границы населенных пунктов земель лесного фонда. Однако при этом должен учитываться тот факт, что в ряде случаев с момента утверждения генерального плана прошло уже немало времени, притом что буквальный смысл оспариваемых норм не исключал утверждения генерального плана по истечении срока на согласование, а судебная практика, предполагающая необходимость положительного заключения и исключающая согласование по умолчанию, на тот момент еще не сформировалась.

Этим в том числе обусловлено принятие Федерального закона от 29 июля 2017 года N 280-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях устранения противоречий в сведениях государственных реестров и установления принадлежности земельного участка к определенной категории земель", направленного на упорядочение регулирования на стыке лесных, земельных, градостроительных и имущественных отношений. Положения данного Федерального закона свидетельствуют, в частности, о признании государством того факта, что в момент его принятия было возможно несоответствие между сведениями, содержащимися в государственном лесном реестре, лесном плане субъекта Российской Федерации, и сведениями, содержащимися в Едином государственном реестре недвижимости в части лесных участков.

При таких условиях, если с момента утверждения соответствующего генерального плана прошел существенный срок, определяемый периодом, по истечении которого могут быть изменены правила землепользования и застройки, устанавливающие градостроительные регламенты применительно к земельным участкам, включенным в границы населенных пунктов из земель лесного фонда согласно части 6 статьи 32 и части 6.1 статьи 36 Градостроительного кодекса Российской Федерации (т.е. более года), решение вопроса о признании генеральных планов не действующими в части включения в границы населенных пунктов земель лесного фонда возможно только на основе сбалансированного учета экологических, экономических, социальных и иных факторов.

При этом не может не приниматься во внимание, в частности, то обстоятельство, что к землям лесного фонда относятся лесные земли, на которых расположены леса либо которые предназначены для лесовосстановления (вырубки, гари, редины, пустыри, прогалины и другие), и нелесные земли, к которым относятся земли, необходимые для освоения лесов (просеки, дороги и другие), и земли, неудобные для использования (болота,

каменистые россыпи и другие) (части 1 - 3 статьи 6.1 Лесного кодекса Российской Федерации). В связи с этим реальная значимость их возвращения в состав земель лесного фонда из земель населенных пунктов в публичных интересах обеспечения сохранности лесного фонда, его рационального использования, особенно когда земельные участки на территории, включенной в границы населенного пункта из состава земель лесного фонда, уже предоставлены с таким целевым назначением, которое не может быть реализовано на землях лесного фонда, должна оцениваться применительно к каждой конкретной ситуации.

Соответственно, суд, установив, что порядок согласования включения земель лесного фонда в границы населенных пунктов был нарушен тем, что решение представительного органа муниципального образования было принято по истечении срока на согласование уполномоченным федеральным органом исполнительной власти проекта генерального плана муниципального образования, предусматривающего такое включение, и заключение уполномоченного федерального органа исполнительной власти в этот срок не было получено, не может ограничиваться по прошествии года со дня утверждения генерального плана формальным признанием не действующим решения представительного органа об утверждении генерального плана в части включения в границы населенных пунктов любых земель лесного фонда. Он должен оценить последствия такого решения для граждан и юридических лиц, проживающих или осуществляющих деятельность на территории данного населенного пункта, и самостоятельно разрешить вопрос о допустимости принятия решения, влекущего возврат соответствующих земельных участков в состав земель лесного фонда, на основе баланса права на благоприятную окружающую среду и правомочий Российской Федерации в сфере организации рационального использования лесов, с одной стороны, и права частных лиц, включая право частной собственности, право на осуществление предпринимательской деятельности, право на жилище, а также потребностей социально-экономического развития муниципального образования (и конкретного населенного пункта), с другой стороны. Необходимость такой оценки, по смыслу правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации (постановления от 27 октября 2015 года N 28-П, от 8 декабря 2017 года N 39-П и др.), продиктована тем, что суды при рассмотрении дел обязаны исследовать по существу фактические обстоятельства и не вправе ограничиваться установлением формальных условий применения нормы, поскольку иное приводило бы к существенному ущемлению права на судебную защиту, закрепленного статьей 46 Конституции Российской Федерации и выступающего в силу ее статьи 133 гарантией местного самоуправления. Это предполагает, в частности, возможность вариативного, при соблюдении нормативных требований к границам населенных пунктов, решения вопроса в отношении отдельных территорий населенного пункта, включенных в его границы из земель лесного фонда оспариваемым генеральным планом.

5. Таким образом, часть 7 статьи 25 Градостроительного кодекса Российской Федерации (в редакции, действовавшей до вступления в силу Федерального закона от 20 марта 2011 года N 41-ФЗ) и часть 8 этой статьи (в редакции, действовавшей до вступления в силу Федерального закона от 31 декабря 2017 года N 507-ФЗ) не противоречат Конституции Российской Федерации в той мере, в какой по своему конституционно-правовому смыслу они:

предполагают, что проект генерального плана муниципального образования в части включения в границы населенных пунктов земель лесного фонда не считается согласованным до тех пор, пока главой муниципального образования не будет получено заключение уполномоченного федерального органа исполнительной власти, содержащее положение о согласии с этим проектом, либо в согласительном или в судебном порядке не будет разрешен вопрос о необоснованности несогласия федерального органа исполнительной власти с этим проектом; уполномоченный федеральный орган исполнительной власти обязан направить главе муниципального образования заключение, содержащее положения о согласии с этим проектом или несогласии с ним с обоснованием

причин такого решения, в установленный законом срок, а глава муниципального образования вправе требовать его предоставления, в том числе оспаривая в судебном порядке бездействие федерального органа исполнительной власти, участвующего в процедуре согласования;

не исключают возможности в случае несоблюдения требования о таком согласовании признать в судебном порядке решение представительного органа муниципального образования об утверждении генерального плана не действующим в части включения в границы населенных пунктов земель лесного фонда, причем, если с утверждения соответствующего генерального плана прошло более года, суд должен разрешать вопрос о неправомерности утверждения генерального плана в части включения земель (земельных участков из земель) лесного фонда в границы населенного пункта вариативно в отношении отдельных таких территорий на основе баланса права на благоприятную окружающую среду и полномочий Российской Федерации в сфере организации рационального использования лесов, с одной стороны, и прав частных лиц, включая право частной собственности, право на осуществление предпринимательской деятельности, право на жилище, а также потребностей социально-экономического развития муниципального образования (и конкретного населенного пункта), с другой стороны, при соблюдении нормативных требований к границам населенных пунктов.

Иное истолкование оспоренных норм приводило бы к нарушению конституционных прав и свобод граждан, гарантированных статьями 8 (часть 2), 9, 36 (части 2 и 3), 42 и 132 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Данное Конституционным Судом Российской Федерации в настоящем Постановлении истолкование не затрагивает вопроса о правовых последствиях отмены решения об утверждении генерального плана в части земель (земельных участков из земель) лесного фонда в случае, когда соответствующие земельные участки, будучи в составе земель населенных пунктов, были предоставлены гражданам и юридическим лицам в установленном Земельным кодексом Российской Федерации порядке для использования в соответствии с принятыми в муниципальном образовании правилами землепользования и застройки, поскольку это выходило бы за пределы предмета рассмотрения по настоящему делу. При этом Конституционный Суд Российской Федерации исходит из ранее высказанных им правовых позиций, в соответствии с которыми бремя неблагоприятных последствий ошибочных решений и действий уполномоченных органов и должностных лиц не может возлагаться исключительно на граждан, а правовой механизм устранения таких ошибок - исходя из конституционных принципов правового государства и верховенства права, а также принципов справедливости и юридического равенства - должен обеспечивать баланс конституционно защищаемых ценностей, публичных и частных интересов на основе вытекающих из указанных принципов критериев разумности и соразмерности. Иное вступало бы в противоречие с требованиями правовой определенности и поддержания доверия граждан к закону (Постановление от 1 июня 2023 года N 29-П).

Вместе с тем данное в настоящем Постановлении конституционное истолкование не распространяется автоматически на решение вопроса о форме и порядке согласования при утверждении документов территориального планирования в других аспектах, кроме связанных с землями лесного фонда.

Этим также не исключается право федерального законодателя, исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, внести изменения в оспоренные нормы, направленные на совершенствование правового регулирования процедуры согласования проекта генерального плана в части включения в границы населенных пунктов земель лесного фонда.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47.1, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона "О

Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать часть 7 статьи 25 Градостроительного кодекса Российской Федерации (в редакции, действовавшей до вступления в силу Федерального закона от 20 марта 2011 года N 41-ФЗ) и часть 8 этой статьи (в редакции, действовавшей до вступления в силу Федерального закона от 31 декабря 2017 года N 507-ФЗ) не противоречащими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой по своему конституционно-правовому смыслу они:

предполагают, что проект генерального плана муниципального образования в части включения в границы населенных пунктов земель лесного фонда не считается согласованным до тех пор, пока главой муниципального образования не будет получено заключение уполномоченного федерального органа исполнительной власти, содержащее положение о согласии с этим проектом, либо в согласительном или в судебном порядке не будет разрешен вопрос о необоснованности несогласия федерального органа исполнительной власти с этим проектом; уполномоченный федеральный орган исполнительной власти обязан направить главе муниципального образования заключение, содержащее положения о согласии с этим проектом или несогласии с ним с обоснованием причин такого решения, в установленный законом срок, а глава муниципального образования вправе требовать его предоставления, в том числе оспаривая в судебном порядке бездействие федерального органа исполнительной власти, участвующего в процедуре согласования;

не исключают возможности в случае несоблюдения требования о таком согласовании признать в судебном порядке решение представительного органа муниципального образования об утверждении генерального плана не действующим в части включения в границы населенных пунктов земель лесного фонда, причем, если с утверждения соответствующего генерального плана прошло более года, суд должен разрешать вопрос о неправомерности утверждения генерального плана в части включения земель (земельных участков из земель) лесного фонда в границы населенного пункта вариативно в отношении отдельных таких территорий на основе баланса права на благоприятную окружающую среду и полномочий Российской Федерации в сфере организации рационального использования лесов, с одной стороны, и прав частных лиц, включая право частной собственности, право на осуществление предпринимательской деятельности, право на жилище, а также потребностей социально-экономического развития муниципального образования (и конкретного населенного пункта), с другой стороны, при соблюдении нормативных требований к границам населенных пунктов.

2. Выявленный в настоящем Постановлении конституционно-правовой смысл части 7 статьи 25 Градостроительного кодекса Российской Федерации (в редакции, действовавшей до вступления в силу Федерального закона от 20 марта 2011 года N 41-ФЗ) и части 8 этой статьи (в редакции, действовавшей до вступления в силу Федерального закона от 31 декабря 2017 года N 507-ФЗ) является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

3. Судебные акты, принятые в отношении Кыштымского городского округа Челябинской области на основании частей 7 и 8 статьи 25 Градостроительного кодекса Российской Федерации в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в "Российской газете", "Собрании законодательства Российской Федерации" и на "Официальном интернет-портале правовой информации" (www.pravo.gov.ru).

Верховный Суд Индии

В знаменательном решении по делу **Кешавананда Бхарати от 1973 года** коллегия из 13 судей Верховного суда Индии постановила, что «базовая структура» Конституции Индии не может быть изменена. Верховенство закона и верховенство Конституции были признаны элементами этой базовой структуры.

Конституция Индии предусматривает полномочия и полномочия, вытекающие из самой Конституции, и распределяет эти полномочия между тремя государственными органами. Такое разделение властей гарантирует, что власть не будет сосредоточена в руках какой-либо одной ветви власти, и защищает от злоупотребления властью путем создания системы сдержек и противовесов. Лорд Макнотен сказал: «Не существует такого понятия, как совершенный закон. Несомненно, этот закон несовершенен, и он был бы несовершенным, даже если бы он был составлен комитетом архангелов: «Поэтому в некоторых случаях определенное количество нарушений и посягательств на функции между ними со стороны другого является обычным явлением.

Кешавананда Бхарати Шрипадагалвару и Орс. против штата Керала и Анр.

Кешавананда Бхарати Шрипадагалвару и Орш. против штата Керала и Анр. (Письменное ходатайство (гражданское) 135 от 1970 г.), также известное как решение Кешавананды Бхарати, является знаковым решением Верховного суда Индии, в котором изложены доктрина базовой структуры Конституции.

Правосудие Ханс Радж Кханна через доктрину базовой структуры утверждал, что конституция обладает базовой структурой конституционных принципов и ценностей. Суд частично закрепил предыдущий прецедент Голакнат против штата Пенджаб, который постановил, что поправки к конституции - статьи 368 подлежат пересмотру основных прав, но только если они могут повлиять на «основную структуру Конституции». В то же время Суд также подтвердил конституционность первого положения статьи 31-С, которая подразумевает, что поправки, направленные на реализацию Принципов Директивы, которые не затрагивают «Базовую структуру», не должны подлежать судебному контролю.

Доктрина составляет основу полномочий индийской судебной системы по рассмотрению и отмене поправок к Конституции Индии, принятых индийским парламентом.

13-судья Конституционная коллегия Верховного суда обсуждает ограничения, если таковые имеются, полномочий избранных представителей народа и характер основных прав человека. В приговоре, разделенном на 7-6,

суд постановил, что, хотя парламент обладает «широкими» полномочиями, он не имеет права разрушать или выхолащивать базовые элементы или фундаментальные особенности конституции.

Когда это дело было принято решение, основополагающие опасения скамьи большинства о том, что избранным представителям нельзя доверять ответственные действия, было беспрецедентным. В решении по делу Кешавананды также определена степень, в которой Парламент может ограничить права собственности в рамках проведения земельной реформы и перераспределения крупных земельных владений в пользу земледельцев, отменяя предыдущие решения, которые предполагали, что право собственности не могло быть ограничено. Это дело стало кульминацией серии дел, касающихся ограничения права вносить поправки в Конституцию.

Верховный суд в деле Манека Ганди против Индийского Союза, установил «гарантию надлежащей правовой процедуры» на языке ст. 21. До принятия этого решения суды применяли нижний порог «установленного законом порядка». Это решение, в значительной степени основанное на решениях США и устанавливающее позицию действий правительства, подлежит тщательной проверке по многим причинам, таким как разумность и произвольность. Поэтому сейчас право на жизнь, закрепленное в Конституции, толкуется расширительно и включает в себя право на здоровую окружающую среду.

Дело Манека Ганди против Индийского Союза, 1978 г.

Резюме фактов

Проситель (Манека Ганди) была журналисткой, чей паспорт был выдан 1 июня 1976 года в соответствии с Законом о паспортах 1967 года. Позднее, 2 июля 1977 года, региональный паспортный офицер Нью-Дели приказал просителю сдать свой паспорт письмом, отправленным по почте. На вопрос о причинах конфискации ее паспорта Министерство иностранных дел отказалось назвать какие-либо причины «в интересах широкой общественности».

Таким образом, заявительница подала ходатайство в соответствии со статьей 32 Конституции Индии, указав, что размер ее паспорта нарушает ее основные права, в частности статью 14 (право на равенство), статью 19 (право на свободу слова и выражения мнения) и статью 21 (право на жизнь и свободу), гарантированные Конституцией Индии.

Ответчик возразил, заявив, что заявитель должен был присутствовать в связи с проводимым разбирательством перед следственной комиссией.

Вопросы, рассматриваемые судом

1. Являются ли основные права абсолютными или условными, и каковы пределы территориального применения таких основных прав, предоставляемых гражданам Конституцией Индии?
2. Защищено ли «право на выезд за границу» статьей 21 как периферийное и сопутствующее право?

3. Какова связь между правами, гарантированными статьями 14, 19 и 21 Конституции Индии (принцип Золотого треугольника)?
4. Какова сфера применения фразы «Порядок, установленный законом», упомянутой в статье 21?
5. Является ли положение, изложенное в разделе 10(3)(с) Закона о паспортах 1967 года, нарушением основных прав, и если да, является ли такое законодательство конкретным законом?
6. Нарушает ли оспариваемое распоряжение регионального паспортного инспектора принципы естественной справедливости?

После тщательного анализа доводов обеих сторон суд постановил, что:

1. До принятия Закона о паспортах 1967 года не существовало закона, регулирующего паспорт, когда кто-либо хотел покинуть родное место и поселиться за границей. Кроме того, руководители были полностью дискреционны, выдавая паспорта неконтролируемым и не оспариваемым образом. В деле *Сатвант Сингх Сохни против Д. Рамаратнама* (1967) Верховный суд заявил, что «личная свобода» в своем объеме также включает право на передвижение и поездки за границу. Следовательно, ни одно лицо не может быть лишено таких прав, кроме как через процедуры, установленные законом. Поскольку государство не приняло никакого закона относительно регулирования или запрета прав лица в таком случае, конфискация паспорта заявителя является нарушением статьи 21, а ее основания, будучи неоспоримыми и произвольными, также являются нарушением статьи 14.

2. Кроме того, пункт (с) раздела 10(3) Закона о паспортах 1967 года предусматривает, что когда государство считает необходимым изъять паспорт или предпринять какие-либо подобные действия в интересах суверенитета и целостности нации, ее безопасности, ее дружественных отношений с зарубежными странами или интересов широкой общественности, орган власти обязан письменно зафиксировать причину такого действия и по требованию предоставить копию этой записи владельцу паспорта.

3. Центральное правительство так и не раскрыло никаких причин изъятия паспорта заявительницы; вместо этого ей сказали, что это действие было совершено в «интересах широкой общественности». Причина была указана прямо: это не обязательно было сделано в интересах общественности, и ни один обычный человек не поймет причин неразглашения этой информации или оснований для конфискации ее паспорта.

4. «Основные права, предоставленные в Части III Конституции, не являются ни отличительными, ни взаимоисключающими». Любой закон, лишаящий человека личной свободы, должен пройти проверку на одно или несколько основных прав, предоставленных в соответствии со Статьей 19. При ссылке на Статью 14 необходимо проверить «экс-гипотезу». Концепция разумности должна быть спроецирована на процедуру.

5. В статье 21 используется выражение «порядок, установленный законом», а не «надлежащая правовая процедура», которая, как утверждается, подразумевает процедуры, свободные от произвола и нерациональности.

6. Налицо явное нарушение основного принципа естественной справедливости, а именно *audi alteram partem*, и, следовательно, его нельзя осуждать как несправедливое и нечестное, даже если в законе об этом ничего не говорится.

7. Раздел 10(3)(с) Закона о паспортах 1967 года не нарушает никаких основных прав, особенно статьи 14. В настоящем деле заявитель не подвергается какой-либо дискриминации в соответствии со статьей 14, поскольку закон предоставил властям неограниченные полномочия. Основание «в интересах широкой общественности» не является расплывчатым и неопределенным, скорее оно защищено определенными руководящими принципами, которые можно заимствовать из статьи 19.

8. Верно, что основные права запрашиваются в случае нарушения любых прав личности и когда государство нарушило их. Но это не означает, что право на свободу слова и выражения может осуществляться только в Индии, а не за ее пределами. Просто потому, что действия государства ограничены его территорией, это не означает, что основные права также ограничиваются аналогичным образом.

9. Возможно, что некоторые права, связанные с человеческими ценностями, защищены основными правами, даже если они явно не прописаны в нашей Конституции. Например, свобода прессы подпадает под статью 19(1)(а), хотя она там конкретно не упоминается.

10. Право на выезд за границу не является частью права на свободу слова и выражения мнения, поскольку оба они имеют разную природу и характер.

11. АК Gopalan был отклонен, заявив, что существует уникальная связь между положениями статей 14, 19 и 21, и каждый закон должен пройти проверку указанными положениями. Ранее в деле *Gopalan* большинство постановило, что эти положения сами по себе являются взаимоисключающими. Поэтому, чтобы исправить свою предыдущую ошибку, суд постановил, что эти положения не являются взаимоисключающими и зависят друг от друга.

Понимание статьи 21 Конституции Индии

Конституция Индии считается центром всех законов и также является высшим законом страны. Латинская максима «*salus populi suprema lex*» адекватно объясняет важность конституционных идеалов и их роль в управлении правовым режимом в Индии. Как следствие, основные права, предписанные в конституции Индии, являются сильнейшей защитой каждого гражданина от государства и любых действий государства, которые влияют на полную реализацию основных прав, предоставленных всем гражданам в силу конституции. Любой закон, который нарушает основные права личности, является неисполнимым и неконституционным. Аналогичным образом, статья 21 конституции Индии является одним из самых важных и важных положений

всех основных прав, поскольку статья 21 защищает «право на жизнь и личную свободу» личности.

Из-за этой подразумеваемой важности статья 21 имеет очень обширную и всеобъемлющую сферу применения, которая была истолкована высшим судом во многих случаях. Одним из таких дел является дело Манеки Ганди против Союза Индии, которое мы обсуждали выше. Важно понимать, что периферийные и сопутствующие права, закрепленные в статье, настолько обширны, что суд все еще обнаруживает многочисленные грани этого положения в современных делах, таких как дело *К. С. Путтасвами против Союза Индии (2017)*, в котором говорилось, что право на жизнь и свободу должно толковаться таким образом, чтобы оно включало право на неприкосновенность частной жизни, и дела, такие как дело *Навтеджа Сингха Джохара против Союза Индии (2018)*, в котором рассматривалось право на сексуальную ориентацию как расширение права на жизнь и свободу. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что создатели Конституции Индии придали большое значение статье 21 и ее роли в воплощении обязательства государства по защите жизни и свободы человека, и посредством динамического толкования судебная система признала сферу прав, которые необходимо получить для того, чтобы каждый человек мог пользоваться своим правом на жизнь и свободу. Кроме того, как в деле Манека Ганди против Союза Индии рассматривалось право на выезд за границу, во многих других делах пытались рассмотреть другие права, такие как право на чистую окружающую среду, воздух, воду, сон, средства к существованию и т. д., которые являются важными аспектами жизни, необходимыми для поддержания самой жизни.

Суды не раз напоминали властям, что право на жизнь не следует понимать как простое физическое существование, а как право жить достойной жизнью с доступом ко всем необходимым элементам жизни и существования. Роль судебной системы в расширении контуров статьи 21 нельзя игнорировать. Была сделана попытка расширить толкования статьи 21, чтобы соответствовать темпам развития мира и возникающим концепциям. По мере развития общества право должно развиваться вместе с ним, и эта мера преобразующего конституционализма, т. е. идея о том, что конституционные гарантии должны быть пересмотрены, пересмотрены и расширены, необходима для противодействия неблагоприятным последствиям современных событий для прав человека.

Суды также пытались разъяснить термин «личная свобода» снова и снова, чтобы включить свободу воли с обязательством не препятствовать личности или имуществу кого-либо другого. Суды фактически интерпретировали личную свободу как включающую право на неприкосновенность частной жизни, свободу передвижения и право на средства к существованию. Положение пытается предотвратить произвольное задержание лиц и подчеркивает необходимость соблюдения надлежащей правовой процедуры, т. е. юридических процедур, правил и процессов, которые необходимо

соблюдать перед задержанием человека с надлежащим обоснованием в силу закона.

Сравнительный анализ статьи 21: процедура, установленная законом, против надлежащей правовой процедуры

Право на жизнь и свободу, закрепленное в Конституции Индии в статье 21, является международно признанным правом, и все основные юрисдикции, такие как Соединенные Штаты Америки, Соединенное Королевство, Канада, Австралия и т. д., признают право жить достойно аналогичным образом. Единственное различие, которое возникает при сравнении, это между американской юрисдикцией и индийской юрисдикцией. Это сравнение между фразами «надлежащая правовая процедура» и «процедура, установленная законом» для лишения человека личной свободы. Это сравнение в основном наблюдалось в случае *Манеки Ганди*.

Американская надлежащая правовая процедура

Соединенные Штаты Америки придерживаются доктрины надлежащей правовой процедуры, которая является следствием 14-й поправки 1868 года. Законодатели определили, что существуют защищенные интересы лица, которые лишаются его, когда он лишается личной свободы и задерживается. Первоначально суды защищали этот интерес с помощью концепции, называемой «надлежащей правовой процедурой», которая требовала соблюдения установленной процедуры лишения свободы и следования набору руководящих принципов, установленных законом, для определения того, было ли лишение свободы законным или нет. На протяжении всего развития этой концепции суды разработали доктрину «надлежащей правовой процедуры по существу». Эта концепция позволяла судам предотвращать вмешательство правительства и играть активную роль в защите основного права человека на жизнь и свободу. Она выходит за рамки процедуры и задает вопрос: «является ли лишение свободы оправданным и справедливым?». Факторы справедливости и разумности вступают в игру, когда применяется надлежащая правовая процедура по существу. Этот подход был признан в первую очередь в деле *Лохнер против Нью-Йорка (1905)*. В более простом смысле, процессуальная надлежащая правовая процедура спрашивает, соответствовали ли действия, предпринятые правительством, установленным процедурам, а существенная надлежащая правовая процедура спрашивает, были ли действия, предпринятые правительством при лишении кого-либо свободы, справедливыми, разумными и честными. Это создает представление о том, что у человека есть возможность быть услышанным до задержания. Хотя процессуальная надлежащая правовая процедура является стандартом, существенная надлежащая правовая процедура также применяется во многих случаях, даже после сильного сопротивления и критики.

Индийская процедура, установленная законом

Индийская юрисдикция следует принципу, который гласит, что когда человек лишается личной свободы, правительство должно следовать процедуре, установленной законом, делая это. Этот принцип аналогичен концепции надлежащей правовой процедуры в американском праве. Он

охватывает любую процедуру, установленную индийским законодательным органом. Верховный суд Индии, рассматривая знаковое дело АК Gopalan против штата Мадрас, заявил, что намерение создателей конституции состояло в том, чтобы строго следовать процедуре, установленной законодателями, и ничего больше. Достаточно простого соблюдения процедуры, установленной принятым законом. Спустя почти три десятилетия, когда судам пришлось иметь дело с делом Maneka Gandhi против Союза Индии, они отменили решение, принятое в деле Gopalan, и постановили, что термин «процедура», упомянутый в статье 21, должен быть справедливой и разумной процедурой и не должен быть произвольным ни в каком смысле. Суд заявил, что процедура должна соответствовать статье 14, которая касается права на равенство. J. М. Nameedulla заявил, что: *«Что касается конституционных прав, надлежащая правовая процедура подразумевает судебный пересмотр действий административных или исполнительных должностных лиц. Это предложение бесспорно, поскольку это касается вопросов права, но степень, в которой Суд должен пойти и пойдет при пересмотре определений фактов, является весьма спорным вопросом»*. Судьи постановили, что процесс изъятия паспорта Манеки Ганди не может быть понят просто через призму принятого закона, но должен быть тщательно изучен через идеалы справедливости и разумности. После принятия решения «процедура, установленная законом», превратилась в имеющую тот же эффект, что и «существенная надлежащая правовая процедура», и каждое дело, связанное с нарушением основных прав и лишением свободы, начало рассматриваться через взаимосвязанную призму статей 14, 19, 21 и тщательного судебного контроля.

Также важно отметить, что существенная надлежащая правовая процедура отходит от узкого толкования основных прав и создает более широкое толкование для эффективной защиты прав без каких-либо пробелов или лазеек. Судебный надзор важен для предотвращения произвольного осуществления государственной власти, которое может привести к нарушениям основных прав. Таким образом, разработки в области толкования статьи 21 реформировали сферу естественного правосудия и были названы инициаторами судебного активизма плодотворным и скрупулезным образом.

Концепция золотого треугольника и дело Манеки Ганди против Союза Индии, 1978 г.

Конституция Индии считается живым документом, поскольку она постоянно развивается и охватывает многочисленные аспекты прав человека и общественных прав. Она пытается сбалансировать защиту индивидуальных прав с общественными интересами и действиями государства для достижения всеобъемлющего решения. В этой попытке суд признал золотой треугольник основных прав в деле *Манека Ганди против Союза Индии*, чтобы признать императивы функционирующей демократии. Давайте рассмотрим основы Золотого треугольника, который составляют статьи 14, 19 и 21.

Статья 14: это конкретное положение воплощает право на равенство перед законом как основное фундаментальное право, необходимое для

индивидуального права через конституционные идеалы. Это положение гарантирует, что все люди рассматриваются государством и его органами или органами одинаково, без какой-либо формы дискриминации. Эта защита распространяется как на граждан, так и на неграждан, формирует саму основу золотого треугольника фундаментальных прав и демонстрирует справедливость в процессе применения законов и законодательства.

Статья 19: Это положение гарантирует каждому гражданину Индии «право на свободу слова и выражения», за исключением некоторых разумных ограничений, которые необходимы для поддержания общественного порядка, здоровья и национальной целостности. Эта свобода важна для здорового функционирования демократии в обществе, поскольку неограниченная речь и выражение необходимы для инакомыслия и создания здорового управления. Связь между статьями 14 и 19 гарантирует, что к каждому человеку относятся одинаково при осуществлении его права на свободу слова и выражения. Это помогает поддерживать единообразие, позволяя гражданам выражать свои мысли и мнения.

Статья 21: Эта конституционная защита распространяется на право на жизнь и личную свободу и охватывает все права, которые необходимы для достойной жизни с доступом ко всем необходимым для жизни и существования. Это стержень золотого треугольника, поскольку остальные права могут проявляться только в том случае, если право на жизнь эффективно защищено. Суды много раз толковали эту статью, требуя, чтобы каждый человек получил все периферийные права, проявляющиеся в статье 21, для беспрепятственной жизни и существования. Из этого следует, что ни один человек не может быть лишен жизни и личной свободы без справедливой и разумной процедуры, установленной законом.

Гармоничное сосуществование всех этих статей и их последствий необходимо для поддержания тонкого равновесия для полноценной защиты прав человека, закрепленных в конституции Индии. В то время как статья 14 гарантирует равенство перед законом, статья 19 защищает свободу слова и выражения, а статья 21 гарантирует право на жизнь и личную свободу, их синергия предотвращает произвольное применение закона, как это наблюдалось в деле *Манека Ганди против Союза Индии* и многих других случаях.

В знаковом деле судьи K.C. Puttaswamy (Retd) v. Union of India, 9 Верховный суд постановил: «Право на неприкосновенность частной жизни как аспект права на жизнь». Таким образом, право на неприкосновенность частной жизни становится основным правом каждого человека.

Своевременное отправление правосудия является еще одним важным аспектом доступа к правосудию. Банально следует добавить, что в стремлении к скорейшему отправлению правосудия качественная составляющая правосудия не должна принижаться или ставиться под угрозу. 10 Таким образом, в целом ряде дел суды постановили, что

справедливое судебное разбирательство и недопущение неоправданных задержек являются неотъемлемой частью статьи 21 Конституции.

Дело Justice K.S. Puttaswamy (Retd.) & Anr. vs. Union of India & Ors.

Это дело является краеугольным камнем юриспруденции «Право на неприкосновенность частной жизни» в Индии. Девять судей в этом деле единогласно подтвердили право на неприкосновенность частной жизни как одно из основных прав в соответствии с Конституцией Индии. Суд постановил, что право на неприкосновенность частной жизни является неотъемлемой частью свобод, гарантированных основными правами, и является неотъемлемым аспектом достоинства, автономии и свободы.

Дело началось с вопроса о том, является ли право на неприкосновенность частной жизни основополагающим правом, который был поднят в 2015 году в аргументах относительно юридической действительности базы данных Aadhaar. Генеральный прокурор, выступавший от имени штата, утверждал, что существование права на неприкосновенность частной жизни как основополагающего права было под вопросом ввиду двух решений по делам MP Sharma против Satish Chandra, окружного магистрата, Дели ((1954) SCR 1077), вынесенных восемью судьями, и Kharak Singh против штата Уттар-Прадеш ((1964) 1 SCR 332), вынесенных шестью судьями. Оба дела, как утверждало государство, содержали замечания о том, что Конституция конкретно не защищает право на неприкосновенность частной жизни как основополагающее право. В то же время несколько последующих решений за эти годы признали право на неприкосновенность частной жизни как основополагающее право. Однако эти последующие решения, которые подтвердили существование права на неприкосновенность частной жизни, были вынесены судами в меньшем составе, чем депутат Шарма и Кхарак Сингх. В связи с вопросами, касающимися прецедентной ценности судебных решений, и учитывая далеко идущую важность права на неприкосновенность частной жизни, это дело было передано в коллегия из девяти судей Верховного суда.

Суд единогласно постановил, что «право на неприкосновенность частной жизни защищено как неотъемлемая часть права на жизнь и личную свободу в соответствии со статьей 21 и как часть свобод, гарантированных Частью III Конституции». При этом он отменил предыдущие решения Верховного суда по делам MP Sharma и Kharak Singh, поскольку последний постановил, что право на неприкосновенность частной жизни не признается Конституцией Индии.

Помимо закрепления права на неприкосновенность частной жизни как одного из основных прав, это дело также обосновало необходимость принятия нового закона о конфиденциальности данных, расширило сферу действия конфиденциальности в личном пространстве и рассмотрело конфиденциальность как неотъемлемую ценность.

Право на неприкосновенность частной жизни неразрывно связано со всеми проявлениями человеческой свободы — как конкретно перечисленными в Части III, так и гарантированными в оставшейся части Статьи 21. Оно распределено по различным статьям Части III и, mutatis mutandis, принимает форму того из них, пользование которым ограничивается его нарушением.

Краткое изложение дела

Факты

Это дело было инициировано по ходатайству судьи К. С. Путтасвами, отставного судьи Высокого суда Карнатаки, в отношении проекта Aadhaar, который возглавлял Управление уникальной идентификации Индии (UIDAI). Номер Aadhaar представлял собой 12-значный идентификационный номер, выдаваемый UIDAI жителям Индии. Проект Aadhaar был связан с несколькими программами социального обеспечения с целью оптимизации процесса предоставления услуг и устранения ложных бенефициаров. Петиция, поданная судьей Путтасвами, была делом, в котором пытались оспорить конституционную законность схемы карт Aadhaar. Со временем в Верховный суд также были направлены другие петиции, оспаривающие различные аспекты Aadhaar.

В 2015 году перед коллегией из трех судей суда были поставлены под сомнение нормы и порядок сбора демографических биометрических данных правительством на основании нарушения права на неприкосновенность частной жизни. Генеральный прокурор Индии выступил против существования основополагающего права на неприкосновенность частной жизни на основании решений по делам MP Sharma и Kharak Singh. При рассмотрении этих проблем коллегия из трех судей приняла во внимание несколько решений Верховного суда, в которых право на неприкосновенность частной жизни было признано конституционно защищенным основополагающим правом. Однако эти последующие решения, подтверждающие существование конституционно защищенного права на неприкосновенность частной жизни, были вынесены коллегиями, состав которых был меньше, чем в делах MP Sharma и Kharak Singh. Дело было передано в Конституционную коллегия для изучения прецедентов, изложенных в делах MP Sharma и Kharak Singh, и правильности последующих решений. 18 июля 2017 года Конституционная коллегия посчитала целесообразным, чтобы этот вопрос был решен коллегией из девяти судей.

Проблема

Является ли право на неприкосновенность частной жизни одним из основных прав в соответствии с Частью III Конституции Индии.

Аргументы

Ответчики в основном опирались на решения по делам депутата Шармы, а также на дело Кхарака Сингха, в котором отмечалось, что Конституция

конкретно не защищает право на неприкосновенность частной жизни. Решения были вынесены восьмью судьями и шестью судьями соответственно, и Ответчики утверждали, что они, следовательно, будут иметь обязательную силу по сравнению с решениями меньших коллегий, вынесенными впоследствии. Ответчики также утверждали, что создатели Конституции не намеревались сделать право на неприкосновенность частной жизни основополагающим правом.

С другой стороны, истцы утверждали, что MP Sharma и Kharak Singh были основаны на принципах, изложенных в деле АК Gopalan против штата Мадрас (1950 SCR 88). Просители утверждали, что АК Gopalan, который толковал каждое положение, содержащееся в главе об основных правах, как воплощающее отдельную защиту, был признан ненадлежащим правом одиннадцатью судьями в деле Rustom Cavasji Cooper против Союза Индии ((1970) 1 SCC 248). Таким образом, истцы утверждали, что основа двух предыдущих решений была недействительной. Также было высказано мнение, что в решении семи судей в деле Maneka Gandhi против Союза Индии ((1978) 1 SCC 248) решение меньшинства судьи Суббы РАО в деле Kharak Singh было специально одобрено, в то время как решение большинства было отменено.

В дополнение к этому, другие аргументы, высказанные в ходе слушания, касались сферы действия права на неприкосновенность частной жизни. Заявители отстаивали многомерную модель неприкосновенности частной жизни как основополагающего права, в то время как Ответчики утверждали, что право на неприкосновенность частной жизни является неоднозначной концепцией и может быть кристаллизовано только как установленное законом и общее право.

Заявители утверждали, что Конституцию следует толковать в соответствии с Преамбулой, помня при этом, что неприкосновенность частной жизни является естественным правом и международным правом человека. Ответчики выступали за узкий подход, который фокусировался на Конституции как на хранилище основных прав и на Парламенте как на единственном органе, который имеет полномочия изменять их.

Решение

Верховный суд посредством шести отдельных мнений объявил неприкосновенность частной жизни отдельным и независимым основополагающим правом в соответствии со статьей 21 Конституции. Суть решения изложила расширительное толкование права на неприкосновенность частной жизни - это было не узкое право против физического вторжения или производное право в соответствии со статьей 21, а право, которое охватывало тело и разум, включая решения, выбор, информацию и свободу. Неприкосновенность частной жизни была признана всеобъемлющим правом Части III Конституции, которое было подлежащим исполнению и

многогранным. Подробности относительно сферы действия права обсуждались в многочисленных мнениях.

Суд отменил решения по делам MP Sharma и Kharak Singh, поскольку последний постановил, что право на неприкосновенность частной жизни не является основополагающим правом. В отношении MP Sharma суд постановил, что решение было обоснованным для утверждения, что Конституция Индии не содержит никаких ограничений законов об обыске и изъятии, аналогичных Четвертой поправке в Конституции Соединенных Штатов. Однако суд постановил, что Четвертая поправка не является исчерпывающей концепцией частной жизни, и отсутствие сопоставимой защиты в Конституции не означает, что в Индии вообще нет неотъемлемого права на неприкосновенность частной жизни, — и поэтому заключение по делу MP Sharma было отменено. Суд отклонил замкнутый взгляд на личную свободу («упорядоченная свобода»), принятый Kharak Singh, который судья DY Chandrachud назвал подходом «бункеров», заимствованным у АК Gopalan. Суд отметил, что этот подход рассмотрения основных прав в герметичных отсеках был отменен после Манеки Ганди. Суд далее отметил, что мнение большинства в деле Кхарак Сингх страдало от внутреннего противоречия, поскольку не было никаких правовых оснований для отмены посещений дома и полицейского надзора по каким-либо иным основаниям, кроме права на неприкосновенность частной жизни — права, на которое они ссылались в теории, но считали не являющимся частью Конституции. Суд также постановил, что решения, принятые после дела Кхарак Сингх, подтверждающие право на неприкосновенность частной жизни, должны толковаться с учетом принципов, изложенных в решении.

Суд также проанализировал утвердительный случай относительно того, было ли право на неприкосновенность частной жизни защищено правом на жизнь, личную свободу и свободами, гарантированными Частью III Конституции. Суд установил, что неприкосновенность частной жизни не является «элитарной конструкцией». Он отклонил аргумент Генерального прокурора о том, что право на неприкосновенность частной жизни должно быть оставлено в интересах социальных пособий, предоставляемых государством.

Примечательно, что, хотя право на неприкосновенность частной жизни не является абсолютным по своей природе, в решении также дается обзор стандарта судебного надзора, который должен применяться в случаях вторжения государства в частную жизнь отдельного лица. В нем говорится, что право на неприкосновенность частной жизни может быть ограничено, если такое вторжение соответствует тройному требованию

законность, постулирующая существование закона;

потребность, определяемая с точки зрения законной государственной цели; и

пропорциональность, которая обеспечивает рациональную связь между целями и средствами, принятыми для их достижения.

Судья С.К. Кауль добавил к этому тесту четвертый пункт, который предусматривает «процессуальные гарантии против злоупотребления таким вмешательством».

В то же время судья Дж. Челамесвар постановил, что стандарт «настоятельных государственных интересов» должен использоваться только в исках о неприкосновенности частной жизни, которые заслуживают «строгого изучения». Что касается других исков о неприкосновенности частной жизни, он постановил, что будет применяться справедливый, честный и разумный стандарт в соответствии со статьей 21. Согласно его решению, применение стандарта «настоятельных государственных интересов» будет зависеть от контекста дела.

Суд также подчеркнул тот факт, что сексуальная ориентация является неотъемлемой гранью частной жизни. Он также обсудил негативное и позитивное содержание права на частную жизнь, где государство не только не имеет права нарушать это право, но и обязано принимать необходимые меры для защиты частной жизни отдельного человека.

В решении суда информационная конфиденциальность была признана частью права на конфиденциальность. Суд, отметив необходимость закона о защите данных, оставил законодательную деятельность по этому вопросу в компетенции парламента.

В случаях крайней необходимости Достопочтенный Верховный суд играл активную роль в обеспечении того, чтобы политика соответствовала конституционной морали. Знаковые судебные решения, такие как дело Вишака (1997 г.), касающееся сексуальных домогательств на рабочем месте, и дело Бандхуа Мукти Морча (1984 г.), посвященное кабальному труду, демонстрируют приверженность Суда защите уязвимых работников и поддержанию их достоинства.

Дело Vishakha and others v. State of Rajasthan

Дело *Вишака против штата Раджастхан (1997)* является важным постановлением, в котором Верховный суд внедрил различные руководящие принципы для защиты женщин от актов сексуальных домогательств, которые происходят на рабочем месте. Это дело считается знаковым, вынесенным Верховным судом Индии, поскольку оно проложило путь к реализации Закона о сексуальных домогательствах в отношении женщин на рабочем месте (профилактика, запрет и возмещение ущерба) 2013 года, который является первым законодательным актом, касающимся защиты женщин от сексуальных домогательств на рабочем месте. Это дело помогло многим женщинам добиться справедливости в отношении актов сексуальных домогательств, с которыми они столкнулись на своем рабочем месте. Существуют различные причины, по которым женщины не подают жалобы на такие акты; они могут включать страх социальной стигмы, мужского доминирования и т. д. Подобные акты могут иметь долгосрочное воздействие

на умы жертв, что впоследствии может привести к депрессии и суицидальным наклонностям. Многим женщинам, таким как Бханвари Деви, которым было отказано в правосудии, благодаря внедрению принципов Вишаки удалось защитить свои права.

Важность дела Вишаки

Благодаря этому эпохальному решению, основанному на правах женщин и праве на жизнь и свободу, была создана безопасная среда для свободного труда женщин. Суд в указанном деле признал активное участие женщин на рабочем месте, поскольку оно имеет огромное значение для развития страны. Оно дало женщинам возможность и укрепило их, чтобы они могли выступать против актов сексуального домогательства на рабочем месте. Этот набор руководящих принципов помогает повысить осведомленность о правах женщин, которые необходимо защищать.

Руководящие принципы Вишака

Верховный суд принял во внимание раздел 2(d) Закона о защите прав человека 1993 года и высказал мнение, что, хотя в настоящее время в Индии нет уголовного или гражданского права, регулирующего проблему сексуальных домогательств на рабочем месте, и разработка такого законодательства займет много времени, все работодатели, учреждения и другие ответственные лица обязаны следовать определенным правилам, чтобы защитить женщин от актов сексуальных домогательств.

Ниже приведены руководящие принципы, установленные Судом, которые также известны как руководящие принципы Вишака.

1. Работодатели и все ответственные лица обязаны предотвращать подобные действия и обеспечивать соответствующую процедуру примирения, судебного преследования и всех других необходимых шагов, которые могут потребоваться.
2. Суд далее дал определение сексуального домогательства, в котором говорится, что это нежелательное сексуальное поведение, прямое или косвенное, и включает в себя физический контакт, сексуально окрашенные замечания, сексуальные услуги, демонстрацию порнографического содержания и любое вербальное или невербальное поведение сексуального характера.
3. Кроме того, он предусматривает принятие превентивных мер с целью недопущения подобных инцидентов в отношении любого из сотрудников и применим ко всем работодателям, как частным, так и государственным.
4. Должен быть надежный механизм или орган для рассмотрения таких случаев.
5. Сотрудникам должны быть предоставлены соответствующие условия труда, включая условия труда, медицинское обслуживание и т. д., а также необходимо обеспечить отсутствие небезопасной среды для женщин на рабочем месте.
6. Работодатель должен принять соответствующие меры, подав жалобу в соответствии с необходимыми положениями Уголовного кодекса Индии

- 1860 года. Работодатель также должен гарантировать, что жертвы не будут подвергаться дискриминации или преследованиям во время рассмотрения жалоб.
7. Работодатели должны инициировать дисциплинарное производство, если такое действие представляет собой проступок в ходе трудовых отношений.
 8. В организациях-работодателях должен быть создан соответствующий механизм для эффективного рассмотрения таких жалоб.
 9. Комитет по жалобам должен быть сформирован для рассмотрения жалоб, и его должна возглавить женщина. Комитет должен отчитываться о своей деятельности ежегодно перед правительством.
 10. Сотрудникам также должно быть разрешено высказывать свое мнение по поводу подобных случаев сексуального домогательства во время встреч работодателей и сотрудников.
 11. Необходимо повышать осведомленность о правах женщин и, в частности, доводить до сведения соответствующих руководящих принципов.
 12. Чтобы избежать давления со стороны высокопоставленных чиновников, следует привлечь третью сторону, например НПО или учреждение.
 13. Если акт сексуального домогательства совершается третьим лицом, не являющимся сотрудником организации, работодатель обязан предпринять все необходимые действия для оказания помощи жертве.

Эти руководящие принципы имеют первостепенное значение и впоследствии были преобразованы в вышеупомянутый Закон.

Закон о сексуальных домогательствах в отношении женщин на рабочем месте (профилактика, запрет, возмещение ущерба), 2013 г.

Акт появился после десятилетия внедрения руководящих принципов Vishaka. Его также называют Законом о предупреждении сексуальных домогательств 2013 года (POSH). Главной целью внедрения Акта является содействие гендерному равенству и обеспечение безопасной рабочей среды для всех сотрудников. Основа Акта лежит в руководящих принципах Vishaka, данных Верховным судом в указанном случае с целью пресечения преступлений, связанных с сексуальными домогательствами.

Дело Bandhua Mukti Morcha v. Union of India & Ors. (1997) 10 SCC 549

Суть дела

Верховный суд Индии в этом деле, затрагивающем общественные интересы, обязал штат Уттар-Прадеш прекратить использование детского труда в ковровой промышленности, издать директивы по социальному обеспечению, запрещающие детский труд в возрасте до 14 лет, и предоставить детям доступ к образованию и медицинским учреждениям в целях искоренения детского труда.

Краткое содержание

Это дело о судебном разбирательстве по вопросам общественных интересов (PIL) было подано в соответствии со статьей 32 Конституции Индии непосредственно в Верховный суд Индии и ходатайствовало перед судом с просьбой обязать штат Уттар-Прадеш (UP) принять меры по прекращению детского труда. После этого назначенный судом комитет сообщил о чудовищных масштабах эксплуатации детей в ковровой промышленности UP, установив, что многие дети были похищены из Бихара, что в отрасли в основном работали несовершеннолетние дети в возрасте до 14 лет и что многие подвергались физическому насилию.

В своем решении Суд обсудил важность защиты прав детей на образование, здравоохранение и развитие для обеспечения прогресса Индии как демократии. Признавая, что детский труд не может быть немедленно отменен из-за экономической необходимости, Суд постановил, что можно предпринять прагматичные шаги для защиты и поощрения прав детей из бедных и уязвимых слоев индийского общества. В поддержку своего заключения Суд сослался на различные основные права и директивные принципы Конституции Индии, включая статью 21 (право на жизнь и личную свободу), статью 24 (запрещает трудоустройство детей младше 14 лет на фабриках, шахтах или других опасных производствах), статью 39 (е) (запрещает принуждать граждан к занятиям, не соответствующим их возрасту или силам), статью 39 (f) (описывает обязанности государства по защите детей от эксплуатации и обеспечению детей возможностями и условиями для здорового развития) и статью 45 (обязывает государство предоставлять бесплатное обязательное образование всем детям младше 14 лет). Суд также отметил обязательства Индии в соответствии со Всеобщей декларацией прав человека (ВДПЧ) и Конвенцией о правах ребенка по предоставлению бесплатного начального образования всем детям в стране и защите детей от экономической эксплуатации. Меры, предписанные для отмены детского труда, изложенные в более раннем деле *MC Mehta v. State of Tamil Nadu & Ors.* [[(1996) 6 SCC 756], были упомянуты Судом и включены в постановления для штатов Уттар-Прадеш и Бихар. Постановления включали предписание штатам предпринять шаги для разработки политики постепенного устранения занятости детей младше 14 лет; обеспечить обязательное образование всем детям, работающим на фабриках, в горнодобывающей промышленности и других отраслях; обеспечить, чтобы дети получали богатые питательными веществами продукты питания; и проводить периодические медицинские осмотры.

Исполнение решения и результаты

В своем решении Суд потребовал, чтобы периодические отчеты о ходе выполнения решения представлялись в Секретариат Суда. Кроме того, что касается исполнения, дополнительным, если не косвенным результатом этого дела, наряду с другими соответствующими делами о судебных разбирательствах по вопросам общественных интересов, стало то, что Национальная комиссия по защите прав ребенка (NCPDR) в 2006 году сформулировала правила NCPDR, учреждающие Национальную комиссию по

правам ребенка. Этой комиссии было поручено оценивать соблюдение Конвенции о правах ребенка и, таким образом, в более широком смысле контролировать предоставление бесплатного начального образования всем детям в стране и защиту детей от экономической эксплуатации.

Значимость дела

Это дело, наряду с другими судебными разбирательствами по вопросам, связанным с общественными интересами, по вопросу детского труда, а также ряд кампаний по искоренению детского труда, были успешными в повышении осведомленности о проблеме детского труда и выдвижении этого вопроса на видное место в повестке дня правительства. Законодательство и политика движутся в направлении формальной отмены детского труда, и предпринимаются различные инициативы, особенно в сфере образования, для искоренения детского труда. Одним из результатов стало сокращение использования детского труда в ковровой промышленности. Однако миллионы детей по-прежнему продолжают подвергаться эксплуатации на рынке труда в Индии, и существует острая необходимость в более сильной и эффективной защите прав детей.

Конституционный суд Таиланда

Постановление No 21/2546 (2003) от 5 июня 2546 года н.э. (2003)

В этом постановлении рассматривалась конституционность статьи 30 Конституции 1997 года по отношению к статье 12 Закона об именах и фамилиях, В.Е. 2505 (1962). Статья 30 Конституции 1997 года, которая преследует ту же цель, что и статья 27 действующей Конституции, гарантирует гендерное равенство. Однако в статье 12 Закона об именах и фамилиях (В.Е. 2505 (1962)) говорится, что замужние женщины используют исключительно фамилии своих мужей, тем самым ограничивая их право на сохранение своих девичьих фамилий. Это положение привело к неравному обращению в соответствии с законом, основанному на семейном положении, а не на врожденных физических характеристиках или гендерных обязательствах.

В связи с этим Конституционный суд признал статью 12 Закона об именах и фамилиях лиц В.Е. 2505 (1962) неконституционной и не имеющей законной силы в связи с ее несовместимостью с конституционной гарантией гендерного равенства.

Краткое резюме

Омбудсмен (заявитель) представил заявление вместе с заключением от 26 июля б.е. 2544 (2001), в котором он просил Конституционный суд вынести решение на основании раздела 198 Конституции Королевства Таиланд, В.Е. 2540 (1997), о том, поднимал ли раздел 12 Закона о фамилиях и фамилиях Б.Е. 2505 (1962) вопрос о неконституционности в соответствии со статьей 30 Конституции Королевства Таиланд, В.Е. 2540 (1997).

Конституционный суд удовлетворил ходатайство о дальнейшем разбирательстве и просил министра внутренних дел, в его качестве министра, отвечающего за осуществление и контроль за соблюдением этого закона, представить заявление. Заявление, представленное министром внутренних дел, можно резюмировать следующим образом. Было положительно и отрицательно, что замужним женщинам разрешалось выбирать между их девичьими именами или фамилиями своих супругов. Плюсы были: (1) семьи с только дочерьми могли поддерживать свои фамилии; (2) женщинам, которые не хотели использовать фамилии своих мужей, потому что муж был иностранцем или потому что их фамилии были хорошо известны широкой общественности возможность использовать свои собственные фамилии; и (3) это было признаком того, что женщины пользуются равными с мужчинами правами, как это предусмотрено в Конституции. Напротив, недостатки были: (1) не было известно, будет ли ребенок принимать фамилию его/ее отца или матери и есть возможность того, что братья и сестры в одной семье будут носить разные фамилии; (2) Идентификация лица будет затруднена, поскольку лицо может переключаться между двумя фамилиями; и (3) Такое предложение было выгодно только отдельным группам людей и не основывалось на фундаментальных принципах, а также общепризнанной добродетельной традиции общества. Министерство внутренних дел сочло, что закон о фамилиях лиц Б.Е. 2505 (1962) является практикой, учитывающей культуру и образ жизни тайского народа, и что это была правовая мера, повышающая прочность семейной ячейки. Равные права мужчин и женщин рассматривались в большей степени как права, относящиеся к обществу и политике.

Вопросы, рассмотренные Конституционным судом

(1) Предварительный вопрос, рассмотренный Конституционным судом, заключался в том, обладает ли Конституционный суд полномочиями принимать заявление омбудсмена и его заключение для рассмотрения согласно статье 198 Конституции Королевства Таиланд Б.С. 2540 (1997).

Конституционный суд вынес следующее заключение. Согласно заявлению, положения закона, а именно раздел 12 Закона о названиях лиц Б.Е. 2505 (1962), поднимали вопрос о конституционности. Поэтому данный вопрос входит в компетенцию Конституционного суда, который может принять заявление омбудсмена и его мнение по этому вопросу для рассмотрения в соответствии со статьей 198 Конституции Королевства Таиланд, В.Е. 2540 (1997).

(2) Вопрос, рассмотренный Конституционным судом в соответствии с заявлением, состоял в том, поднимал ли или не поднимался раздел 12 Закона о фамилиях лиц Б.Е. 2505 (1962), вопрос о конституционности на основании раздела 30 Конституции Королевства Таиланд, В.Е. 2540 (1997).

Вопрос, который нужно было рассмотреть, был ли формулировка в разделе 12 Закона о фамилиях лиц, В.Е. 2505 (1962), имела смысл, который обязывал замужних женщин использовать только фамилии своих мужей, или она предоставляла замужним женщинам право использовать фамилии их мужей. Конституционный суд постановил, что ключевыми словами раздела 12 являются "использовать", которые явно имеют характер обязательного положения. Аналогия с формулировкой в разделе 6 Закона о фамилиях, В.Е. 2456 (1913), можно видеть, что существует различие в двух видах использования слов. Другими словами, в разделе 6 использовалась формулировка. и может использовать предыдущее имя и фамилию", что ясно указывает на намерение женщин сохранить право использовать свои девичники после вступления в брак. Закон о фамилиях лиц Б.Е. 2484 (1941) и Закон о фамилиях лиц В.Е. 2505 (1962) изменили этот принцип. Параллельные положения были изменены на обязательные. Таким образом, в соответствии с Законом о именах лиц Б.Е. 2505 (1962) предусматривается отмена прав замужних женщин на использование своих девичников. Прежний принцип, позволявший замужним женщинам использовать свои девичники, был изменен на принуждение замужних женщин использовать только фамилии своих мужей.

После того как было установлено, что положения раздела 12 имеют характеристики обязательного положения для замужних женщин использовать только фамилии своих мужей, Что было посягательством на право использования фамилий замужних женщин, приводящим к неравенству прав между мужчинами и женщинами, из этого следует, что данное положение создало неравенство в соответствии с законом, обусловленное различиями в половой принадлежности и личном статусе. Это дело также являлось несправедливой дискриминацией, поскольку замужние женщины были в одностороннем порядке вынуждены использовать фамилии своих мужей на основании брака, и не на основании различий в физических характеристиках или обязательствах между мужчинами и женщинами, вытекающих из различия по признаку пола, с тем чтобы дискриминация была необходимой.

Что касается аргументов в пользу гармонии и мира в семье, а также соответствия обычаям и образу жизни тайского народа, то Конституционный суд постановил, что такие доводы не могут быть поддержаны. Было высказано мнение, что гармония и мир в семье возникают из понимания, принятия и взаимного уважения между мужем и женой. Первый закон о фамилиях в Таиланде был принят в 2456 года б.э. (1913), когда ранее в Таиланде не существовало системы фамилий. Поэтому такие вопросы, как правило, не связаны с давними обычаями и образом жизни. Кроме того, предоставление замужним женщинам права пользоваться услугами девичников лишь способствовало равному осуществлению прав в соответствии с законом мужчинами и женщинами.

Постановление Конституционного суда

Конституционный суд постановил, что статья 12 Закона о фамилиях лиц Б.Е. 2505 (1962) является неконституционной по причине ее противоречия или несоответствия статье 30 Конституции Королевства Таиланд В.Е. 2540 (1997). Поэтому данное положение не может быть приведено в исполнение согласно разделу 6 Конституции Королевства Таиланд, В.Е. 2540 (1997).

Постановление No 15/2555 (2012) от 13 июня 2555 года н.э. (2012)

Это дело касалось § 26, параграф первый (10) Закона о судебных должностных лицах судов отправления правосудия, В.Е. 2543 (2000), который предусматривал одну из дисквалификации заявителя на должность судебного должностного лица как «обладающую физическими или умственными качествами, непригодными для судебного должностного лица». Соответственно, когда лицо с инвалидностью подало заявление о сдаче квалификационных экзаменов на должность помощника судьи, Судебный комитет отклонил его заявление в связи с физической и психической непригодностью к обязанностям, относящимся к должностному лицу судебной системы. Данное лицо считало, что эта причина равносильна несправедливой дискриминации по признаку различий в физическом состоянии. В связи с этим дело было передано в Конституционный суд омбудсменом, утверждая, что такое правовое положение противоречит или не соответствует статье 30 Конституции 2007 года, которая соответствует статье 27 действующей Конституции.

После рассмотрения этого вопроса Конституционный суд пришел к выводу о том, что предписание о такой дисквалификации представляет собой несправедливую дискриминацию в отношении лиц с инвалидностью. Это лишило их возможности сдавать квалификационные экзамены наравне с другими, а также возможности продемонстрировать свои знания и компетентность для данной должности. Таким образом, положения пункта первого (10) статьи 26 Закона «О судебных должностных лицах судов отправления правосудия» (В.Е. 2543 (2000)) не соответствовали конституционному положению, защищающему права инвалидов, в частности, на занятие трудом наравне с другими. Это положение также равносильно несправедливой дискриминации по признаку инвалидности, что противоречит конституционной гарантии.

Краткое резюме

Омбудсмен, заявитель, обратился в Конституционный суд с просьбой о вынесении решения на основании раздела 245(1) Конституции в связи с письменной жалобой г-на М. Сиримитра Буонмула, который подал заявление на квалификационные экзамены для приема на работу в качестве судебного служащего, но был проинформирован Управлением судебной власти о том, что Судебный комитет решил отклонить его заявление по причине физической и психической непригодности к исполнению служебных

обязанностей, судебное должностное лицо в соответствии с пунктом 1 статьи 26 (10) Закона об административном управлении судебными органами судов Б.Е. 2543 (2000). Заявитель и заявитель придерживались мнения, что лишение лица права на экзамен по указанной причине является несправедливой дискриминацией по причине различий в физическом состоянии или инвалидности. Таким образом, утверждалось, что такое положение закона противоречит или не соответствует статье 30 Конституции Королевства Таиланд Б.Е. 2550 (2007).

Предварительный вопрос

Конституционный суд в своем решении No 16/2545 заявил, что пункт один (10) раздела 26 Закона об административных работниках судов Б.Е. 2543 (2000) не поднимал вопрос о неконституционности на основании раздела 30 Конституции Королевства Таиланд Б.Е. 2540 (1997). Однако в третьем пункте раздела 30 Конституции Королевства Таиланд Б.Е. 2550 (2007) добавлен термин "инвалидность", который является ключевым принципом, отличным от Конституции Королевства Таиланда Б.Э. 2540 (1997). Таким образом, в ответ на ходатайство заявителя о вынесении решения о том, что пункт 1 (10) раздела 26 Закона об административных работниках судов 2543 года б.э. (2000 г.) поднял вопрос о конституционности в соответствии с Конституцией Королевства Таиланд В.Е. 2550 (2007 г.) только в отношении принципа несправедливой дискриминации против лица на основании различия, касающегося инвалидности, согласно пункту 3 статьи 30, дело было вопросом или вопросом, по которому Конституционный суд никогда не выносил решения на основании статьи 215 Конституции. Поэтому Конституционный суд принял это ходатайство к рассмотрению.

Вопросы, рассмотренные Конституционным судом

Вопрос, рассматриваемый Конституционным судом, заключался в том, противоречит ли пункт 1 (10) статьи 26 Закона об административных должностных лицах судов 2543 года б.э. (2000) статье 30 Конституции или не согласуется с ней.

После рассмотрения Конституционный суд сделал следующие выводы. После того как Конституционный суд вынес постановление No 16/2545, в котором говорится, что пункт один (10) раздела 26 Закона об административных работниках судов Б.Е. 2543 (2000) не поднимал вопрос о конституционности в соответствии со статьей 30 Конституции Королевства Таиланд Б.Е. 2540 (1997), Таиланд ратифицировал Конвенцию Организации Объединенных Наций о правах инвалидов (КПИ) 29 июля Б.Э. 2551 (2008). Обязательства, предусмотренные в Конвенции, вступили в силу для Таиланда 28 августа б.э. 2551 (2008). Следовательно, государственные учреждения были обязаны соблюдать статью 27(а), которая запрещает дискриминацию по признаку инвалидности в отношении всех вопросов, касающихся всех форм занятости, включая условия найма, найма и трудоустройства, продолжение работы, продвижение по службе и безопасные и здоровые условия труда; а (g), которые обязывали нанимать инвалидов в государственный сектор. Поэтому, когда государственное учреждение намерено установить правила,

касающиеся найма какого-либо лица на определенную должность, следует также учитывать обязательства по такой конвенции.

Пункт один (10) раздела 26 Закона об административном управлении судами Б.Е. 2543 (2000), предусматривал, что кандидат на отбор, кандидат на экзамен или кандидат для специального отбора, подлежащий найму на работу в качестве судебного служащего и назначению помощника судьи, должен обладать квалификацией и не иметь дисквалификаций, имеющих физические или психические свойства, непригодные для работы в качестве судебного служащего. . . Термин "непригодные физические или психические качества" был включен в сферу применения термина "инвалид" в соответствии с Законом о содействии и улучшении качества жизни инвалидов Б.Е. 2550 (2007), в соответствии с Конвенцией ООН о правах инвалидов. Это положение предусматривает широкие физические и психические атрибуты, которые не подходят для судебных должностных лиц, без четких ограничений, что ведет к осуществлению дискреционных полномочий, которые в конечном итоге могут привести к несправедливой дискриминации. Закон, ограничивающий права и свободы человека, должен иметь четкие ограничения. Например, в данном положении может быть указана степень, в которой физическое или психическое свойство препятствует выполнению функций судебного должностного лица. Такое положение должно информировать общественность о конкретных правах и свободах и соответствовать принципу пропорциональности, уделяя больше внимания общественным благам и коллективным благам общества, чем благам организации.

Пункт 1 (10) раздела 26 Закона об административных должностных лицах судов Б.Е. 2543 (2000) был таким образом положением, которое позволяло осуществлять неоправданно широкие дискреционные полномочия, которые могли бы привести к несправедливой дискриминации в отношении инвалидов. Установление квалификационных требований и лишения квалификации, которые имели характер несправедливой дискриминации в отношении инвалидов на этапе подачи заявлений о проведении квалификационных экзаменов для сотрудников судебных органов, предоставление Судебному комитету дискреционных полномочий для определения того, является ли то или иное лицо пригодным для сдачи квалификационных экзаменов судебных должностных лиц, равносильно лишению права инвалидов на начальном этапе. Инвалиды лишены возможности сдавать квалификационные экзамены на равных с другими лицами в целом, а также возможности фактически продемонстрировать знания и компетентность, связанные с такой должностью. Главная функция судьи судов юстиции заключалась в проведении справедливого судебного разбирательства и вынесении решений по делам в соответствии с Конституцией и законами, а заседание должно было проводиться при наличии кворума. Таким образом, инвалидность не будет препятствовать выполнению функций потенциального судебного должностного лица в такой степени, которая может нанести ущерб справедливости для сторон или связанных с ними лиц. Пункт 1 (10) раздела 26 Закона об отправлении правосудия в судах Б.А. 2543 (2000), касающийся

квалификации и дисквалификации кандидатов на отборочные экзамены для найма судебных работников, который гласит: "наличие физических или психических качеств, непригодных для судебного должностного лица", поэтому несовместимо с правами инвалидов на занятие работой наравне с другими лицами в целом, в соответствии с Конвенцией ООН о правах инвалидов. Это положение также представляет собой несправедливую дискриминацию в отношении лица на основании инвалидности, как это предусмотрено в пункте 3 раздела 30 Конституции.

Решение Конституционного суда

Конституционный суд постановил, что пункт 1 (10) раздела 26 Закона об административном управлении судебных чиновников судов 2543 б.э. (2000), только в отношении положения, гласящего: «... физический или психический атрикт непригоден для судебного чиновника...» противоречат положениям раздела 30, пункт 3, Конституции или не соответствуют им.

Постановление No 1/2566 (2023) от 9 января 2566 года до н.э. (2023)

В данном случае в жалобе содержалась просьба к Конституционному суду рассмотреть постановление в соответствии со статьей 51 Конституции, которая предусматривает право отдельных лиц и сообществ, получающих непосредственную помощь, следить за выполнением своих конституционных обязанностей и призывать государство к ней, а также право возбуждать судебные разбирательства против соответствующего государственного органа для обеспечения предоставления таких льгот. В жалобе утверждалось, что деятельность Министерства энергетики, его стратегия и План развития энергетики (PDP) противоречат или не соответствуют статье 56 действующей Конституции, которая возлагает на государство обязанность осуществлять или обеспечивать предоставление основных коммунальных услуг, необходимых для выживания людей, в комплексе в соответствии с принципами устойчивого развития. По его мнению, участие частных организаций в производстве электроэнергии привело к тому, что Управление по производству электроэнергии Таиланда (EGAT) сократило свои мощности по производству электроэнергии. В результате, доля государства в производстве электроэнергии, которая образует фундаментальную структуру или сеть основных коммунальных услуг, необходимых для жизнедеятельности людей и безопасности государства, упала ниже 51%. Этот сдвиг повлиял на стоимость тарифов на электроэнергию, взимаемых с населения.

В этом контексте Конституционный суд определил, что основными факторами роста тарифов на электроэнергию являются рост цен на природный газ, а не взаимодействие государства с частным сектором в производстве электроэнергии. Следовательно, эта операция не поставила под угрозу стабильность государства и не наложила чрезмерного бремени на тарифы на электроэнергию для населения. Это также представляло собой полное и законное исполнение обязанностей в соответствии с верховенством закона, как указано в статье 56 Конституции.

Тем не менее, несмотря на то, что Конституционный суд постановил, что государственные органы в данном случае выполнили свою конституционную обязанность, суд также постановил рекомендовать государству, в частности Министерству энергетики, определить надлежащее соотношение производства электроэнергии между государством и частными предприятиями и установить правильный верхний предел резерва производства электроэнергии таким образом, чтобы плата за электроэнергию не налагала необоснованного бремени на государство. Тайский народ. В этом контексте Суд подчеркнул право людей и общин на принятие последующих мер и обращение к государству с настоятельным призывом выполнять такие обязанности, как это гарантировано статьей 51 Конституции. Соответственно, это право является не только теоретическим, но и активно реализуется Судом, гарантируя, что у людей есть ощутимый и эффективный процесс обеспечения соблюдения их прав.

Верховный суд Пакистана

Дело Ms. Shehla Zia v. WAPDA, PLD 1994 SC 693

Это судебное разбирательство по поводу общественных интересов было рассмотрено Верховным судом Пакистана, когда заявители оспаривали строительство близлежащей электростанции из-за потенциальных рисков и опасностей для здоровья. Дело затрагивает ряд вопросов, включая защиту окружающей среды и расширительное толкование права на жизнь.

Краткое содержание

Коалиция жителей направила в Верховный суд письмо с петицией, чтобы оспорить строительство Управлением по развитию водных ресурсов и энергетики (WAPDA) электростанции в их районе, на обозначенной территории «зеленого пояса». Суд рассмотрел это дело как дело о правах человека, поскольку статья 184 (3) Конституции Пакистана предоставляет Верховному суду первоначальную юрисдикцию для рассмотрения и определения любого вопроса, касающегося обеспечения соблюдения основных прав, имеющих общественное значение. Суд посчитал, что дело может быть рассмотрено в соответствии со статьей 184 (3), поскольку предполагаемая опасность и посягательство были такими, что нарушали конституционное право на жизнь при расширительном толковании.

Жители утверждали, что высоковольтная сетевая станция будет представлять риск для здоровья и потенциальную опасность для местных жителей. В конечном итоге суд определил научные доказательства неубедительными, хотя, наблюдая общую тенденцию, подтверждает, что электромагнитные поля оказывают негативное воздействие на здоровье человека. Суд принял довод истца о том, что ему следует принять принцип предосторожности, изложенный в Декларации Рио по окружающей среде и

развитию 1992 года, первом международном документе, который связал защиту окружающей среды с правами человека, согласно которому отсутствие полной научной определенности не должно использоваться в качестве причины для предотвращения ухудшения состояния окружающей среды. Таким образом, было постановлено, что право на здоровую окружающую среду является частью основополагающего права на жизнь и права на достоинство в соответствии со статьями 9 и 14 Конституции Пакистана соответственно. Суд постановил, что слово «жизнь» охватывает все грани человеческого существования, все такие удобства и возможности, которыми человек имеет право пользоваться с достоинством, законно и конституционно.

Однако, стремясь найти баланс между правами граждан и планами, которые реализуются властями для благосостояния, экономического прогресса и процветания страны, Суд не вынес окончательного решения по предстоящему строительству сетевой станции, но, с согласия обеих сторон, приказал Национальной инженерной службе Пакистана (NESPAK) провести обзор и составить отчет по сетевому проекту, чтобы предложить изменения и альтернативы расположения. Решение также предписало правительству Пакистана создать комиссию из всемирно известных и признанных ученых для обзора и вынесения решений по будущим проектам сетевых станций. Кроме того, Суд приказал WAPDA немедленно ввести процедуры общественных консультаций и возражений для всех проектов, касающихся сетевых станций и линий электропередач.

Исполнение решения и результаты

После принятия решения NESPAK, как и было предписано, провела оценку проекта сети и заявила, что были приняты достаточные меры по смягчению последствий, чтобы сделать любые потенциальные неблагоприятные воздействия незначительными. На основании этого было разрешено построить сетевую станцию. (Интервью по электронной почте с Ахмадом Рафаем Аламом, ведущим юристом и активистом по вопросам охраны окружающей среды в Пакистане, 28 августа 2015 г.). Дополнительным, если не косвенным, результатом этого дела стало принятие Закона об охране окружающей среды Пакистана (PEPA) 1997 года. За принятием PEPA 1997 года последовало несколько экологических политик и инициатив.

Значимость дела

Это знаменательное дело расширило основные права на жизнь и достоинство, интерпретировав эти права так, чтобы они включали право на здоровую окружающую среду. Это решение особенно важно, поскольку в Конституции Пакистана нет конкретных положений, касающихся защиты окружающей среды. В отношении экологического права в Пакистане важно, что дело установило применение принципа предосторожности в случаях, когда существует угроза экологическим правам, и подчеркнуло позитивные обязательства государства по защите права на чистую и здоровую окружающую среду. (Интервью по электронной почте с Ахмадом Рафаем Аламом, ведущим юристом и активистом по вопросам охраны окружающей

среды в Пакистане, 28 августа 2015 г.). Кроме того, постановление наложило ограничение на уведомления и комментарии для государственных учреждений в отношении проектов, которые потенциально могут представлять общественный риск. Это дело также заслуживает внимания, «потому что оно заложило основы всех будущих судебных разбирательств по вопросам общественных интересов, возбужденных в судах по вопросам охраны окружающей среды». Приведем лишь один пример: после этого дела Верховный суд, ссылаясь на решение Зии, постановил в деле соляных шахтеров (решение принято 12 июля 1994 года), что право на воду, свободную от загрязнений и заражений, является правом на саму жизнь.

Важным вкладом этого дела, которое было принято к рассмотрению Судом в соответствии со статьей 184 (3), стало создание прецедента, который значительно облегчил доступ общественности к обращениям в вышестоящие и нижестоящие суды по вопросам, связанным с окружающей средой.

Дело Asghar Leghari v. Федерация Пакистана (2018 CLD 424 Lahore)

Краткое содержание:

Асгар Легари, пакистанский фермер, подал в суд на национальное правительство за невыполнение Национальной политики по изменению климата 2012 года и Рамок реализации политики по изменению климата (2014-2030). Легари утверждал, что правительство должно продолжать усилия по смягчению последствий изменения климата или адаптации к ним, и что невыполнение правительством своих целей по адаптации к изменению климата привело к немедленному воздействию на водную, продовольственную и энергетическую безопасность Пакистана. Такое воздействие оскорбляет его основополагающее право на жизнь.

4 сентября 2015 года апелляционный суд Пакистана удовлетворил иски Легари, назвав изменение климата определяющим вызовом нашего времени. Ссылаясь на внутренние и международные правовые принципы, суд постановил, что «задержка и летаргия государства в реализации Рамок нарушают основные права граждан». Суд рассудил, что конституционные права на жизнь и человеческое достоинство (в соответствии со статьями 9 и 14 конституции) включают право на здоровую и чистую окружающую среду. Кроме того, толкование этих основных прав должно руководствоваться (i) конституционными ценностями демократии, равенства и социальной, экономической и политической справедливости; и (ii) международными экологическими принципами устойчивого развития, принципом предосторожности, межпоколенческой и внутривоколенческой справедливостью и доктриной общественного доверия.

Хотя правительство сформулировало политику в области изменения климата и рамки ее реализации, суд пришел к выводу, что реального прогресса в ее реализации не было. Для надзора за реализацией политики суд (i) поручил нескольким министерствам правительства назначить «ответственное лицо по

изменению климата» для обеспечения реализации Рамок и представить список пунктов действий к 31 декабря 2015 года; и (ii) создал Комиссию по изменению климата, состоящую из представителей ключевых министерств, НПО и технических экспертов, для мониторинга прогресса правительства. 14 сентября 2015 года суд вынес дополнительное решение, назначив 21 человека в Комиссию и наделив ее различными полномочиями.

25 января 2018 года суд принял к сведению представление отчета Комитета по изменению климата, отметив, что в период с сентября 2015 года по январь 2017 года было реализовано 66% приоритетных действий из Рамочной программы по реализации политики в области изменения климата. После роспуска комиссии суд сформировал постоянный комитет, создав постоянную связь между судом и исполнительной властью.

В своем окончательном постановлении суд назвал климатическую справедливость преемницей экологической справедливости. Экологическая справедливость, как заявил суд, вращается вокруг обеспечения соблюдения национальных законов, а решения принимаются на основе международных правовых принципов. Она сосредоточена на перераспределении или прекращении загрязняющих производств. Климатическая справедливость, как ее представлял себе суд, принимает подход, ориентированный на человека. Она связывает права человека с развитием. Она стремится защитить права уязвимых народов и разделить «бремя и выгоды изменения климата и его последствий справедливо и честно». Климатическая справедливость «основана на науке, реагирует на науку и признает необходимость справедливого управления мировыми ресурсами». Однако, понимая, что климатическая справедливость является сложной задачей, суд признал, что загрязнители часто выходят за рамки национальных границ и их трудно идентифицировать. Наконец, суд изложил свое видение водной справедливости как права человека на доступ к чистой воде и подконцепции климатической справедливости.

Дело Haji Mulla Noorullah v. Secretary Mines and Minerals (2015 YLR 2349)

Высокий суд Белуджистана в деле под названием «Хаджи Мулла Нурулла против министра горнодобывающей промышленности и полезных ископаемых» (2015 YLR 2349) признали экологические права как часть основных прав. Прецедентное право также эволюционировало и включило в себя концепцию климатической справедливости, которая связывает права человека и развитие для достижения ориентированного на человека подхода, защиты прав наиболее уязвимых людей и справедливого и справедливого распределения бремени и выгод от изменения климата. Суды признали необходимость адаптации в качестве ответа на глобальное потепление и изменение климата, особенно в развивающихся странах, таких как Пакистан, которые, по прогнозам, пострадают от последствий глобального потепления.

Дело D. G. Khan Cement Company v. Government of Punjab

Краткое содержание:

15 апреля 2021 года Верховный суд Пакистана поддержал уведомление правительства провинции Пенджаб, запрещающее строительство новых цементных заводов или расширение существующих цементных заводов в экологически уязвимых зонах, называемых «Негативными зонами». Владелец цементной компании оспорил уведомление на том основании, что оно нарушает его конституционное право на свободу торговли, бизнеса и профессии в соответствии со статьей 18 Конституции, и что правительство действовало в неоправданной спешке, издав постановление без полного рассмотрения научных последствий. Верховный суд отклонил протесты и подтвердил, как надлежащее рассмотрение правительством, основанное на отчете консультанта, что новые или расширенные планы по производству цемента могут привести к дальнейшему истощению грунтовых вод и другим вредным воздействиям на окружающую среду. В рамках своего рассмотрения суд подчеркнул необходимость того, чтобы правительство соблюдало принцип предосторожности при защите прав на жизнь, устойчивость и достоинство сообществ, окружающих проектные территории. Кроме того, Суд признал необходимость защиты права самой природы, написав: «Человек и окружающая его среда должны идти на компромисс ради общего блага, и это мирное сосуществование требует, чтобы закон рассматривал объекты окружающей среды как носители законных прав».

Суд продолжил подчеркивать необходимость учета изменения климата в решениях правительства и влияния изменения климата на водные ресурсы. Суд написал: «[о]бязательно путем разработки и внедрения соответствующих мер адаптации можно будет обеспечить водную, продовольственную и энергетическую безопасность страны... Уведомление, в текущих фактах дела, является мерой по устойчивости к изменению климата и соответствует Национальной политике в области изменения климата и Конституции».

Кроме того, Суд подчеркнул необходимость учитывать межпоколенческую справедливость в климатических делах, подобных этому: «Этот Суд и суды по всему миру должны сыграть свою роль в уменьшении последствий изменения климата для нашего поколения и для будущих поколений. С помощью нашего пера и судебных решений мы должны деколонизировать наши будущие поколения от гнева изменения климата, поддерживая климатическую справедливость во все времена».

Вопрос: было ли законным решение провинции, запрещающее строительство новых или расширение цементных заводов в экологически уязвимых районах.
